

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

1

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ * 1

Volume 1
Выпуск 1

Moscow 1984
Москва 1984

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 1

Moscow 1994

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Этнometодология:

проблемы, подходы, концепции

Выпуск 1

Москва 1994

Редакторы-составители *А.А. Пископнель*
В.Р. Рокитянский
Л.П. Щедровицкий

Ответственный редактор *Э.А. Чамокова*

Рецензент член-корр. РАН *Э.Р. Тенишев*

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1:
Сборник статей. — М.: Российский НИИ культурного и природного
наследия, 1994. — 128 с. — ISBN 5-86443-005-6

Сборник посвящен проблемам методологического осмысления оснований этнологии и ее места в проблемно-тематической области «социум-культура-этнос». Несмотря на жанровое и тематическое разнообразие, статьи сборника объединены общей установкой авторов на анализ научного инструментария этнологии: концепций, понятий, методов.

The subject of the book is methodological investigation of the foundations of ethnology and of its place within the problem area «Socium-Culture-Ethnos». The papers included despite the formal and thematic variety are characterized by a common intention, that is analysis of the scientific means of ethnology, of its theories, concepts and methods.

ISBN 5-86443-005-6

© Российский НИИ культурного и
природного наследия, 1994
Центр этносоциальных исследований, 1994

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1:

Утверждено к печати Российским НИИ
культурного и природного наследия

Редактор *Ю.С. Макаревич*

Оригинал-макет подготовлен в Центре этносоциальных исследований

Лицензия ЛР №020730 от 12.02.93. Подписано в печать 1.07.94.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 8.
Тираж 500 экз. Заказ №245 . Цена договорная

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
Центр оперативной полиграфии

119285, Москва, 2-й Мосфильмовский пер., 9

Предлагаемый вниманию заинтересованного читателя сборник научных публикаций Центра этносоциальных исследований (Институт культурного и природного наследия) посвящен дискуссионным вопросам концептуализации этнических явлений, анализу и разработке понятийного аппарата научно-практического усвоения и освоения этнической реальности в ее психологическом, культурном и социальном измерениях.

Очерчивая границы проблемно-тематической области, к которой в том или ином отношении принадлежат работы сборника, мы выбрали в качестве ее названия термин «этнометодология», следуя уже сложившейся отечественной традиции предметной ассимиляции этнических явлений в границах той или иной научной дисциплины (ср. такие названия, как «этнопсихология», «этносоциология» и т.п.).

Сразу же заметим, что в современной, прежде всего западной, социологии термин «этнометодология» используется иначе, а именно как название области сравнительных исследований глубинных структур обыденных побуждений и поступков людей, принадлежащих разным «этническим общностям». В отличие от такого понимания (по существу *внутрипредметного*), этнометодологическими в нашей интерпретации оказываются собственно *метапредметные* работы теоретико-методологического характера, выполняющие роль критики и обоснования, нормирования и программирования, оценки и регулирования широкого

Controversial issues of conceptualization of ethnic phenomena and development of theoretical and practical means for dealing with the ethnic reality in its psychological, cultural and social dimensions are the object of analysis in the collection of papers prepared by the Center of Ethnosocial Research (Institute of Cultural and Natural Heritage).

To define the subject of the study we have chosen the title "Ethnomethodology". In this we follow the tradition of putting ethnic phenomena within the subject matter of a particular scientific discipline which is already established in our country (cf. such terms as "ethnopsychology", "ethnosociology", etc.). We are aware that the term "ethnomethodology" has another meaning in modern sociology where it is used as a name for comparative research of depth structures of everyday life of people belonging to different "ethnic communities".

As against the latter (which is essentially *intradisciplinary*) an ethnomethodological study in our specific meaning of the term is a *metadisciplinary* one. The ethnomethodological papers of the book present critical analysis, evaluating, programming, and establishing norms and regulations for a broad variety of interdisciplinary studies of ethnic phenomena as well as for different theories of genesis and historical

круга междисциплинарных, прежде всего теоретических, исследований и разработок, посвященные феномену этнического в общественной жизни, различным теориям происхождения и исторической судьбы этнических бытия и сознания.

Вполне очевидно, что для так понимаемой этнометодологии особый интерес представляет та научная дисциплина, с которой связано появление на свет самого понятия «этнос», — этнография (или этнология), ибо именно здесь следует искать корни многих проблем, вокруг которых ведутся дискуссии о сущности этнического начала в жизни больших и малых народов. Основное содержание обзорных и аналитических статей этого сборника и посвящено теоретическим и методологическим основаниям этнологии.

Сборник открывается статьей, посвященной проблемам и предварительным результатам работы по созданию базы данных (БД) о народах России (статья подготовлена авторским коллективом сотрудников Центра). Принципиальная новизна этого материала состоит не только в том, что речь идет об обеспечении перехода в информационном обслуживании национально-культурной политики на новый технологический уровень, но и в заложенных в основание этой работы теоретических представлениях: вопреки утвердившейся и в этнологии, и в практике решения национально-политических вопросов традиции здесь выдвигается принцип, что для выработки и поддержания реалистической и ответственной политики *жизнь народа следует знать и описывать во всей полноте, а не только в ее национально-*

destinies of ethnic being and consciousness.

It is quite understandable that for ethnomethodology so conceived the scientific discipline of ethnography (ethnology), wherein the very notion of "ethnos" has originated, is of special interest. It is there that we are to look for the roots of most problems around which discussions on the meaning of ethnicity in the life of large and small peoples are held. That is why the papers of the book are concerned mainly with the theoretical and methodological foundations of ethnology.

First goes an article on the problems and preliminary results in the development of the Data Base (DB) on the peoples of Russia. What is essentially novel in this material is not only that the new technological level of informational support of national cultural policy is being discussed but also a new theoretical principle on which this work is grounded. Contrary to the tradition which is common both to ethnological research and practice of solving national problems the authors insist that for development and maintaining of a sound and responsible policy it is vital to know and describe the life of a people in its whole and not only in its ethnocultural peculiarity. This very principle as underlining the whole conception of the DB is realized in an inventory, the outline of which is here presented and in the set of questionnaires for gathering primary data.

культурном своеобразии. Именно этот принцип, изложенный в концепции БД, реализуется в рубрикаторе (обсуждена его принципиальная схема) и в пакете вопросников для сбора первичной информации.

Статья *А.А. Пископпеля* «Конфликт: социокультурное явление и научное понятие» принадлежит к области понятийной работы. В данном случае проведена работа по уточнению понятия «конфликт» и разграничению его с другими понятиями, описывающими различные виды социального действия; для этой цели автором построена классификация многообразия социальных действий.

Статья «Слова, слова, слова...» *А.А. Пископпель, Л.П. Щедровицкий* на примере анализа материалов недавно прошедшего обсуждения состояния дел в отечественной этнологии выявляет целый ряд методологических пороков (таких, например, как отсутствие рефлексии), проявившихся в рассматриваемой дискуссии.

В статье «Чего ждать от постмодернистской этнографии?» *В.Р. Рокитянский* ставит и обсуждает некоторые фундаментальные проблемы методологии гуманитарного познания в контексте логики развития профессионального самосознания в западной этнографии.

В статье *С.В. Соколовского* «Этническое насилие: структуры теоретического дискурса» предпринята попытка «разделить все поле теоретического описания конфликтных взаимодействий на ряд областей, одна из которых тематизируется как следования этнического насилия». Это аналитический обзор концепций методов зарубежных ученых,

The paper "Conflict: a socio-cultural phenomenon and a scientific concept" by *A.A. Piskoppel* deals with the concepts' development, specifically with defining a more accurate meaning of the term "conflict" and distinguishing it from other concepts describing different kinds of social action. A typology of social action is presented for this purpose.

A variety of methodological errors and failings (such as the lack of reflexion) displayed in a recent discussion of the state of art in Russian ethnology is analyzed in an article "Words, words, words..." by *A.A. Piskoppel and L.P. Schedrovitsky*.

V.R. Rokitiyansky in a paper "What are we to expect of the post-modern ethnography?" formulates and discusses some basic methodological problems of knowledge in humanities in the context of the logic of development of professional identity in Western ethnography.

In the study "Ethnic violence: structures of theoretical discourse" *S.V. Sokolovskiy* attempts to "divide the total field of descriptions of conflict into several areas one of which is conceived as the study of ethnic violence". The paper is an analytical review of conceptual schemes and methods of Western researchers.

The last in the collection is the study by *L.P. Schedrovitsky and A.A. Piskoppel* "Paradoxes and

Наконец, завершающая сборник статья Л.П. Щедровицкого и А.А. Пископеля «Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли» объявлена первой в серии работ, задуманных как «скрупулезный анализ (как ретроспективный, так и перспективный)» методологии и основных понятий этнологии. Данная статья носит ретроспективный характер и посвящена такому весоному элементу отечественного этнологического наследия, как бромлеевская «теория этноса».

curiosities of our ethnological thought". It is declared to be the first one in the series planned a "scrupulous analysis (both retrospective and prospective) of the methodology and basic concepts of ethnology. This particular paper is a retrospective one and presents an analysis of such an influential part of Soviet ethnological heritage as a "theory of ethnos" developed by Yu.V. Bromley.

К созданию базы данных «Народы России»: концепция, рубрикатор, вопросник¹

В настоящей статье представлен проект базы данных о народах России, общие основания и предпосылки разработки такой базы и опыт создания вопросников для сбора *первичной* информации для нее в органах государственного управления разного уровня.

Концепция

Информатизация общества уже стала одним из основных процессов социального развития, а в последнее время становится интегральным и базальным социотехническим процессом, без позитивного взаимодействия с которым многие, если не все, общественные процессы, не имеют шанса на дальнейший прогресс. Термины «информационная революция», «информационная среда общества», «информационное общество» сошли со страниц футурологических сочинений и на глазах обретают плоть и кровь, становясь новой общественной реальностью.

Согласно многим социально-экономическим прогнозам постиндустриальное общество будет обществом «информационным», а такие передовые промышленно развитые страны как, например, Япония уже имеют общегосударственные программы преобразования своего общества в «информационное».

Процесс информатизации выступает и в качестве причины и в качестве результата интеграции дезинтеграции общественной жизни. Достаточно указать, с одной стороны, на процессы экономической интеграции и национального сближения стран Центральной и Западной Европы (ЕЭС) и, с другой, на рост сепаратизма и национализма в Европе Восточной.

Вполне очевидно, что усложнение социальной жизни, вызванное процессами ее демократизации, обособление и диверсификация интересов ее интегративных субъектов разной степени общности предъявляют совершенно иные требования к способам организации и качеству регуляции жизни общественного целого (как на федеральном, так и на региональном уровнях).

Общество, социальные системы являются самыми сложными организационными системами (и как объекты познания и как объекты социального управления). Гетерархированность и гетерохронность подсистем общест-

¹ Статья подготовлена коллективом сотрудников НИИ культурного и природного наследия в составе: А.М. Антипова, Е.Л. Иванова, А.А. Пископаль, Т.Я. Радионова, В.Р. Рокитянский, Е.А. Семенова, Л.В. Фильмонова, Э.А. Чамокова, Л.А. Чவர்ь, Л.П. Щедровицкий.

венной целостности, субъект-объектный характер и гетеросвязность их компонентов и, наконец, историчность любого общественного явления — все это предъявляет исключительно высокие требования к качеству управления общественными процессами.

Для такого многонационального государства, как Россия, эффективная регуляция межнациональных отношений — национальная и национально-культурная политика — выступают едва ли не основными инструментами поддержания социально-экономической целостности и общественно-политического согласия. Базовыми субъектами этих межнациональных отношений являются *народы* России, вступающие в новую эпоху своей национально-государственной жизни, когда они реально становятся субъектами не только культурной, но и полноценной политической жизни.

Вполне очевидно, что в новых условиях никакая федеральная национальная политика невозможна без знания жизни многочисленных народов России во всей полноте ее реальных, многообразных проявлений.

Современная федеральная государственная политика как инструмент регуляции межнациональных отношений нуждается в совершенно новом уровне информационного обеспечения, использующем все возможности, предоставляемые новейшими информационными технологиями.

Одной из таких возможностей являются информационные системы, именуемые *базами данных* (БД). БД представляют собой специально организованные совокупности взаимосвязанных данных, отображающих состояние (синхрония) и/или динамику (диахрония) выделенной предметной области (предмета), и предназначены для совместного использования при решении задач многими пользователями. Для загрузки и управления информацией в БД разрабатываются средства программного обеспечения, именуемые *системами управления базами данных* (СУБД); они организуют доступ к любой информации, загруженной в БД, ее извлечение и предоставление в форме, удобной для пользователя.

К основным достоинствам БД как информационных ресурсов для выработки и принятия управленческих решений следует отнести: объемность, концентрированность, организованность, оперативность, доступность и наглядность данных. СУБД позволяет регулярно пополнять и обновлять информационные ресурсы, сохраняя в то же время уже существующую информацию.

По сути дела БД представляют собой современный способ управления информационными ресурсами и позволяют существенно повысить эффективность их использования. Хорошо известно, что бедой многих систем управления, в том числе государственных, является не отсутствие, а избыток данных и их неуправляемый рост, когда своевременное получение нужной информации становится все более затрудненным.

Информационный массив данных о народах России, размещаемый в БД, должен удовлетворять по крайней мере двум категориям требований: во-первых, требованиям со стороны предметной области (предмета),

отображаемой в форме информационных данных; во-вторых, требованиям со стороны контингента пользователей этими данными.

«Предметные» требования определяют тематическое (информационно-тематическое) пространство информационного массива данных — логическую полноту и предметную расчлененность такого массива. «Пользовательские» требования (управленческая вертикаль) определяют иерархическое строение, уровни обобщенности данных в информационном массиве.

Очерчиваемый этими категориями требований информационный массив сведений о народах России представляет собой иерархическую информационную многослойную «пирамиду», состоящую из слоев данных разной степени общности (детальности), коррелятивных «субъект-объектам» управления определенного уровня. В свою очередь, каждый из слоев таких данных сохраняет внутреннюю предметную расчлененность и логическую полноту — информационно-тематическое строение, общее для всей БД. Другими словами, каждый слой данных в такой пирамиде содержит тематически «все» сведения о народах, но только определенной степени общности — необходимой и достаточной для нужд выработки и проведения национально-культурной политики на данном уровне общественной жизни.

С точки зрения программно-аппаратной реализации такая БД (во всей полноте замысла) должна быть *распределенной* базой данных; ей соответствует *интегративная* система управления распределенной БД. Распределенная БД представляет собой логически и информационно объединенную совокупность (систему) отдельных БД, сформированных по предметному и иерархическому принципу. В частности, с точки зрения пространственного строения она может состоять из сети надрегиональных, региональных, субрегиональных БД, объединяемых (на вершине информационной пирамиды) федеральной БД.

Основной информационный блок такой распределенной БД о народах России — сведения об отдельном народе. Вполне очевидно, что логическое и предметное строение такого блока должно быть универсальным, позволяющим собирать и упорядочивать, с одной стороны, сопоставительную, а с другой, полную информацию об отдельном народе (в качестве основы сбалансированной межнациональной политики).

Предметно-логический каркас (структура) для такой информации есть не что иное, как информационный *рубрикатор* сведений об отдельном народе России.

Рубрикатор

Для того, чтобы создавать систему управления распределенной БД о народах России необходимо предварительное представление о том информационном массиве, который будет размещен в БД, поскольку сама она, по сути дела, есть лишь оптимальная организация этого массива. В

то же время, чтобы собрать такой массив, отделить предметные данные от внепредметных, значимые от случайных, главные от второстепенных и т.п., надо уже иметь представление об информационно-тематическом строении БД.

Выходом из подобной ситуации может быть разработка специального средства-медиатора, которое в отношении БД выступило бы в качестве ее концептуальной (предметно-логической) структуры, а в отношении источников информации — в качестве информационно-тематической «матрицы», определяющей вид и форму собираемой информации.

Таким средством и является информационный рубрикатор, задающий строение массива данных об отдельном народе. Здесь мы опишем лишь общий подход к созданию такого рубрикатора и его принципиальную схему — т.е. принцип его организации в целом.

Прежде чем наметить основные предметно-логические разделы рубрикатора, необходимо поставить перед собой вопрос о той действительности, которая должна быть охвачена и воспроизведена в его расчленениях.

Особенностью политики как формы и способа социального действия является ее прагматический (практический) характер. Как таковая она, даже будучи предметно ориентированной (например, культурной политикой), неизбежно оказывает влияние на все стороны народной жизни и прежде всего потому, что сама народная жизнь представляет собой органическую целостность, взаимоопосредующую и «собирающую» все свои многообразные проявления. В противном случае ей неизбежно грозит распад и иссякновение.

Соответственно и рубрикатор, выполняющий роль «оболочки» для сбора и упорядочения данных об отдельном народе должен быть своего рода моделью жизни отдельного народа во всей полноте ее сущностных проявлений. Другими словами, в рамках такого рубрикатора жизнь любого народа должна быть представлена в ее действительной полноте, а не только в своем национально-культурном (этническом) своеобразии.

Какую же концептуальную схему целесообразно выбрать за основу рубрикатора? На наш взгляд, такую, в которой отдельный народ (в своем основе) может быть представлен как *общество*. Ибо именно общество является предельной категорией, характеризующей всю полноту социальных проявлений жизни как таковой. Именно категория (и схема) общества описывает социальное целое способное к *самодостаточному* (самодетельному) *воспроизводству* своей жизни во всей полноте ее проявлений. Соответственно объемлющей, смыслообразующей категорией через призму которой рассматривается здесь общество, выступит категория *социальной деятельности*.

Со структурно-функциональной точки зрения, общественная самодетельность обеспечивается полнотой воспроизводства ее функционально-необходимых элементов. На уровне «общественного производства вообще» такими элементами являются виды общественного производства:

- 1) материальное производство, в рамках которого создается вся совокупность

ность вещных факторов социальной деятельности; 2) производство и воспроизводство человека как субъектного элемента «деятельности как взаимодействия»; 3) производство и воспроизводство «форм общения» субъектов в лице общественных отношений; 4) духовное производство, создающее такой класс необходимых элементов деятельности, как объективированные духовные значения.

Именно это расчленение всей общественной жизни на виды производства и воспроизводства ее основных компонентов мы и предполагаем положить в основу рубрикатора. Соответственно информационно-тематическое пространство рубрикатора (и БД) будет задано основными расчленениями этих основных видов общественного производства и воспроизводства.

В этом первом приближении мы отвлекаемся от конкретных особенностей бытования тех или иных народов на территории России и, соответственно, их возможностей выступать в качестве полноценных субъектов — реальных, а не только номинальных «обществ». С другой стороны, лишь конкретное описание отдельного народа через призму такого (или любого другого полнообъемного) рубрикатора только и позволит судить о реальном положении, в котором находится тот или иной народ, и, соответственно, выработать и поддерживать по отношению к нему реалистическую и ответственную политику.

Если тот или иной народ России объективно не в состоянии в настоящих условиях воспроизводить свою жизнь во всей ее полноте самостоятельно, а только совместно с другими народами, то выявление и уяснение этого обстоятельства может стать реальным содержанием общественного (в том числе и этнического) сознания тех или иных народов и его политической элиты и поможет избавиться от нового мифотворчества в общественной жизни.

В соответствии с введенными расчленениями принципиальная схема рубрикатора содержит четыре основных тематических раздела, необходимых и достаточных для полнообъемного описания характера воспроизводства жизни любого народа (как общества). В свою очередь, предметно-логическое строение каждого тематического раздела определяется типологией тех специфических организованностей (предметов), которые производятся и воспроизводятся в соответствующем родовом виде общественного производства.

Принципиальная схема рубрикатора

1. Производство и воспроизводство материальных условий жизни

Цель и назначение этой стороны общественной жизни — производство и воспроизводство «вещных» факторов, средств и условий человеческого существования, которые объединяются и составляют два «мира» две «среды обитания» современного человека: *естественно-природную* (первая природа) и *социогенную* (вторая природа).

В отношении естественно-природной среды деятельность человека принимает формы: *природоохранной* (ограничение и исключение хозяйственной деятельности), *рекультивационной* (воссоздание природных анклавов, деформированных хозяйственной деятельностью), *регуляционной* (создание и поддержание новых отношений между природными анклавами) деятельности.

«Вещные» факторы социогенной «среды обитания» производятся воспроизводятся различными видами современного производства в том смысле этого слова. Оно прежде всего включает в себя: а)° *производство предметов индивидуального потребления* и б)° *производство средств производства*.

Производство средств производства по своему функциональному назначению служит для воспроизводства *материальных условий жизни, социальных отношений, духовной жизни и сферы услуг*.

Производство предметов индивидуального потребления и производство средств производства для сферы услуг создают «вещные» факторы воспроизводства самих людей как индивидуальных субъектов общественной жизни.

На следующем уровне предметно-логического расчленения современные производства имеют традиционную отраслевую структуру в соответствии с характером и назначением производимого продукта (промышленного, сельскохозяйственного и информационного).

2. Воспроизводство человека как субъекта индивидуальной жизнедеятельности

Воспроизводство самого человека как члена общества и индивидуальной личности осуществляется в зависимости от возраста, условий и образа жизни несколькими способами: *семейно-бытовым* (домашним), *неспециализированным* (внедомашним), *специализированным, общественно-организованным*.

Способы такого «воспроизводства» делятся, в свою очередь, в соответствии с теми *потребностями*, удовлетворяя которые человек воспроизводит себя как индивидуальность и член общества. Такими базовыми потребностями являются *биологические* потребности (голод, жажда, покой и т.п.), потребности в *безопасности* (порядке и организации жизни), потребности в *идентификации и общности* (групповой принадлежности), *культурные* потребности, потребности в *самореализации* (личностном воплощении).

В соответствии с этими базовыми потребностями можно выделить три вида воспроизводства в человеческой жизнедеятельности: *соматобиологический, духовно-культурный, социобиологический*.

Соматобиологически человек воспроизводит себя, окружая безопасной и комфортной средой (дом, одежда, общественный порядок и т.п.), восстанавливая энергетические силы (питание, отдых и т.п.), поддерживая физическое здоровье (гигиена, физическая культура, лечение и т.п.).

Духовно-культурно человек производит и воспроизводит себя в процессе образования (учение и просвещение) и воспитания (религиозного, светского), непосредственного общения (повседневного, ритуального), а также эстетического отношения (непосредственного, культурно опосредованного).

Социобиологическое воспроизводство человека предполагает очеловеченный способ удовлетворения базовых биологических потребностей, таких как сексуальная (любовь) или релаксационная (туризм, зрелища и т.п.), и потребностей в воспроизводстве себя как социального существа — профессионально-трудовая и гражданская активность, самостоятельность как условия личностного развития.

3. Производство и воспроизводство социальных отношений между людьми

Общественная жизнь сохраняет свою непрерывность, осмысленность и полноту, несмотря на очевидную ее динамику, через воспроизводство социальных отношений между отдельными людьми и общностями.

Можно выделить по крайней мере два способа воспроизводства (регуляции) социальных отношений: *формально организованный* и *неформализованный*.

Формально организованы такие виды регуляции социальных отношений в обществе (в основном между социальными группами и общностями), как государственно-административное управление, представительско-законодательная власть, судебная-правовая система, политическая жизнь, профессионально-менеджерское управление.

Сфера отношений между отдельными людьми регулируется неформальным образом через посредство морально-нравственных норм, оценок установок (кодексов); традиций и обычаев; этикета и ритуалов.

4. Воспроизводство духовной жизни общества

Духовная жизнь общества — это та его сфера, где создаются *духовные значения*, регулирующие и направляющие все виды и формы социальной активности как таковой. Можно выделить три вида духовных значений в соответствии с их логической природой и статусом: *знания истинные/ложные*, *замыслы* (реализуемые/утопические), *эстетические ценности* (прекрасные/безобразные).

Каждый из видов значений связан со своей сферой и формой духовной активности. Так, *познавательная активность* в современном обществе существует и поддерживается прежде всего в форме научной деятельности (естественные, технические науки), философско-мировоззренческой (светской и религиозной), просветительской (массово-информационной и научно-популярной), паранаучной (эзотерической).

Сфера *праксеологической деятельности* прежде всего создает замыслы изменения отношений: между людьми — общественная идеология (социальные и этические учения, социальное проектирование и т.п.); между людьми и природой — экология (экологические учения и проекты); между

людьми и социогенным миром «второй» природы — технологии (инженерия, проектирование, организация и управление и т.п.).

Сфера эстетической деятельности существует в двух своих основных формах: в форме профессионального искусства (во всем многообразии его видов) и традиционного народного искусства (сохранившихся фрагментов исторической духовной жизни народа).

Итак, на определенном уровне общности задана принципиальная схема рубрикатора, расчленения которого образуют крупноблочную информационно-тематическую структуру массива данных об отдельном народе в БД «Народы России». По сути дела она лишь очерчивает границы предметной области жизни отдельного народа как некоторой целостности.

Вопросник

Рубрикатор как средство создания БД о народах России призван дать ответ на вопрос о том, какая информация должна содержаться в БД каждом из народов. *Как, где, в какой форме и у кого* должна и может быть получена эта информация — отдельный и сложный вопрос, имеющий прямое отношение к базовым моделям данных в БД.

Наиболее доступные и в то же время концентрированные данные о народах России имеются в органах государственного управления различного уровня. Одной из основных форм их «извлечения» в целях формирования информационного массива для БД могут выступить *вопросники* — как средство массового и единообразного сбора уже существующих сведений о разнообразных сторонах жизни народов России.

Приведенный ниже ориентировочный вопросник (а точнее, пакет вопросников) был разработан на основе принципиальной схемы рубрикатора, хотя на первый взгляд они имеют мало общего между собой. Дело в том, что структура вопросника, в отличие от рубрикатора, должна в явном виде учитывать структуру самих источников информации и, что не менее важно, реальные условия жизни народов России (условия компактного и дисперсного проживания, региональный аспект расселения и административного подчинения, и т.п.).

Тем не менее, при явных отличиях в структуре (в одном случае предметно-логическая, а в другом — адресно-вопросная), тематическое пространство вопросника и рубрикатора идентичны.

Инструктивное введение к пакету вопросников

Предлагаемый Вашему вниманию пакет вопросников предназначен для сбора и упорядочения первичной информации о многочисленных субъектах национальной жизни в Российской Федерации в целях созд

ния информационной основы для выработки и принятия решения в области национально-культурной политики.

Достаточно беглого взгляда на содержание вопросов, чтобы установить, что это содержание значительно шире собственно культурных или социокультурных аспектов жизни того или иного народа. Связано это с тем обстоятельством, что какого бы рода политика в отношении народа ни проводилась, она неизбежно воздействует на все стороны его реальной жизни.

Выработка и проведение национально-культурной политики, да и любой политики вообще, требует точного знания о субъекте культурной жизни и, шире, о субъекте национальной жизни как таковой. Другими словами, не обладая всей полнотой информации о различных сторонах жизни народа, нельзя ни построить эффективной политики, ни измерить ее результаты, ни скорректировать ее в процессе осуществления.

Пакет включает в себя четыре разноориентированных вопросника (Н-1; Н-2; Н-3; Р). Их рубрикационная структура имеет следующий вид:

Н-1. Общие сведения о народе

Н-2. Национальные особенности жизни в местах компактного расселения

Н-2.1. Локальные социально-демографические характеристики народа

Н-2.2. Локальные особенности воспроизводства национальной культуры

Н-3. Традиционализм в национальной жизни

Р. Описание региона

Р.1. Характеристики среды обитания

Р.2. Основные социально-демографические характеристики региона

Р.3. Социокультурные особенности жизни региона

Р.4. Государственно-административные и общегражданские условия жизни

Р.5. Хозяйство и быт

Принципиально важно, что объекты, о которых собирается информация с помощью вопросников Н и Р, разные.

Вопросники с индексом «Н» в качестве объекта имеют народ. Под народом в данном вопроснике понимается совокупность людей, относящих себя к какой-либо определенной национальности из числа фигурировавших в переписях населения. Такая трактовка всецело определяется установкой на использование официальной социально-демографической статистики.

Вопросники Н-1 и Н-2 содержат вопросы, ответы на которые должны иметь формализованный вид: число, перечень, карта. Вопросник же Н-3

включает вопросы неформализованные. Ответами на них будут разного рода описания, имеющие в большинстве случаев экспертный характер.

Следует особо подчеркнуть, что вопросник Н-1 имеет целью получение самых общих сведений о народе как таковом, о народе в целом, независимо от конкретных условий жизни разных его представителей, а вопросник Н-2, напротив, направлен на то, чтобы выявить особенности воспроизводства специфически национального в зависимости от места их компактного проживания в России. Поэтому на каждый вопрос этого вопросника в общем случае должно быть получено столько ответов, сколько разных мест компактного проживания имеется в пределах Российской Федерации.

В вопроснике с индексом «Р», в отличие от вопросников с индексом «Н», объектом, о котором собирается информация, выступает уже не конкретный народ, а население региона (республики, области, округа), имеющее статус субъекта Федерации. Ответы на этот вопросник должны дать общую картину условий и особенностей жизнедеятельности в разных регионах России.

Отвечая на предлагаемые вопросы, следует иметь в виду следующее:

— настоящие вопросники предназначены только для сбора уже существующей информации о народах Российской Федерации и не предполагают проведения каких-либо специальных исследований; в тех случаях, когда отвечающий не располагает нужной информацией и не в состоянии ее извлечь из доступных документов, следует просто указать: «информация отсутствует»;

— вопросники являются унифицированной формой сбора информации обо всех народах Российской Федерации; поскольку в Российской Федерации живут народы, различающиеся между собой по численности, территории проживания, образу жизни, исторической судьбе и т.д., некоторые вопросы могут оказаться неуместными по отношению к отдельному народу — в этом случае их следует пропустить;

— при ответах на все вопросы необходимо обязательно указывать источники информации, а также время (или отрезок времени), к которому относится сообщаемая информация;

— следует иметь в виду, что интерес представляет не только самая последняя информация (состояние на текущий момент, за последний год и т.п.), но и вся имеющаяся и доступная информация о прошлом; в расчете на получение максимально полной информации о настоящем и прошлом вопросы, как правило, не привязаны к определенному времени;

— вопросы, составляющие содержание данного пакета вопросников, дополнительно ранжированы: все они разнесены по двум уровням, которые условно можно назвать «первичным» и «вторичным»; вопросы «первичного уровня» отмечены значком «*», и таким образом при желании предлагаемый пакет вопросников можно трактовать как два пакета: «мини» (включающий только те вопросы, которые отмечены) и «макси» (включающий все вопросы).

Вопросник Н-1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДЕ

- (1) Названия (официальное название; самоназвания; названия отдельных групп; названия, данные другими народами):
- (2) Численность народа (общая, в пределах РФ, б. СССР и за рубежом).
- (3) Антрополого-антропометрический тип.
- (4) Географическое положение и административно-территориальная принадлежность мест компактного и дисперсного проживания (в пределах РФ, б. СССР и за рубежом) с указанием давности проживания.
- (5) Административно-государственное оформление национальной жизни в местах компактного проживания.
- (6) Национальный состав населения территорий компактного проживания: перечень национальностей с указанием численности.
- (7) Территория, которую народ считает местом «национального очага».
- (8) Преимущественный образ жизни (% городского и сельского населения).
- (9) Национальный язык (или языки): семья, группа, диалекты.
- (10) Число владеющих национальным языком (общее, в пределах РФ, б. СССР и за рубежом).
- (11) Письменность: наличие/отсутствие; время возникновения (или смены); использованная алфавитная основа.
- (12) Религии: перечень, число исповедующих.
- (13) Общенациональные организации и движения: перечень, время возникновения, сфера и место активности.
- (14) Программы возрождения национальной культуры: перечень программ с указанием авторов, формы и времени обнародования и обсуждения.
- (15) Современные национальные лидеры: перечень с краткой характеристикой идей, деятельности и сферы влияния.
- (16) Конференции, съезды, соборы и т.п., ставшие событием в национальной жизни: перечень, тематика, результаты.
- (17) Историческая судьба народа (хронология основных событий): происхождение; возникновение и утрата государственности; периоды национального подъема и высокие достижения; национальные катастрофы и т.п.
- (18) Памятники истории и культуры, имеющие общенациональное значение.
- (19) Объекты природы и элементы культуры, ставшие национальными символами.
- (20) Выдающиеся представители народа во всех сферах жизнедеятельности.

Вопросник Н-2

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ В МЕСТАХ КОМПАКТНОГО РАССЕЛЕНИЯ

Н-2.1. Локальные социально-демографические характеристики народа (раздельно для городского и сельского населения)

- (1) Социально-демографические характеристики (по всем переписям): данные по всем доступным параметрам (половозрастной и образовательный состав, рождаемость, смертность, брачность, размер семьи, занятость по отраслям и профессиям и т.п.).
- (2) Социально-демографическая статистика, характеризующая здоровье и физическое развитие народа.
- (3) Заболеваемость (по 17 классам болезней).

*

- (4) Статистика смешанных и мононациональных браков и разводов (за последние пять лет) с указанием возрастного состава брачующихся и разводящихся семейных пар.
- (5) Статистика религиозного оформления браков и рождений (за последние пять лет) с указанием возрастного состава брачующихся пар и родителей ребенка.
- (6) Численность и половозрастное распределение лиц, лишенных родительских прав.
- (7) Численность неработающих матерей.
- (8) Численность детей, находящихся под опекой и попечительством, и усыновленных детей.

*

- (9) Численность, образовательный и половозрастной состав (по всем переписям) лиц: а) считающих национальный язык родным, б) свободно владеющих национальным языком, в) свободно владеющих вторым языком (раздельно для русского, других языков народов б. СССР, иностранных языков), г) свободно владеющих тремя и более языками.

*

- (10) Жилищные условия: число квартир, число частных домов, средняя жилая площадь на одного человека, % приватизации по видам жилья (отдельные квартиры, коммунальные квартиры, частные дома).
- (11) Среднедушевой доход.
- (12) Личные банковские вклады (раздельно по сбербанку и коммерческим банкам): количество вкладчиков, средний размер вклада на одного вкладчика.

*

- (13) Подсобные хозяйства: количество, средняя площадь земельных участков, профиль (животноводство, овощеводство и т.п.).
- (14) Среднее поголовье домашнего скота и птицы.
- (15) Средний годовой объем продаваемой одним хозяйством продукции (по видам).

*

- (16) Безработные: количество, профессиональный, образовательный и половозрастной состав.

*

- (17) Статистика преступлений (по видам): количество, профессиональный, образовательный и половозрастной состав преступников.
- (18) Статистика наркотизма (алкоголизм, наркомания, токсикомания): количество, профессиональный, образовательный, и половозрастной состав по видам наркотизма.
- (19) Численность и половозрастное распределение лиц с отклонениями в физическом и психическом развитии.
- (20) Численность и половозрастное распределение лиц, занимающихся проституцией.
- (21) Численность и половозрастное распределение самоубийц.

Н-2.2. Локальные особенности воспроизводства национальной культуры

- (22) Количество школ (или классов): а) с преподаванием национального языка, б) с преподаванием на национальном языке (всех предметов/части предметов).
- *
- (23) Конфессиональная структура народа в местах его компактного проживания: перечень всех конфессий с указанием для каждой числа верующих и их половозрастного состава.
 - (24) Общественно-признанные современные религиозные лидеры.
- *
- (25) Количество школ, в программу которых включено изучение национальной культуры.
 - (26) Научные учреждения (институты, научно-методические центры, лаборатории, группы) по изучению национальной культуры: перечень с указанием времени создания, численности, половозрастного и квалификационного состава сотрудников,

направлений исследования, издательских возможностей, источников финансирования.

- (27) Общества по изучению традиционной культуры: перечень с указанием времени создания, численности, половозрастного и образовательного состава участников, направлений исследования, источников финансирования.
- (28) Авторитетные исследователи национальной культуры (профессионалы и любители): перечень с указанием возраста, образования и квалификации, тематики исследований.

*

- (29) Доля эфирного времени местного теле- и радиовещания, посвященного национальной истории, культуре и образу жизни (раздельно для вещания на национальном, русском и других языках).
- (30) Постоянные теле- и радиoproграммы (раздельно на русском и национальном языках), посвященные национальным темам (общественно-политическим, социальным, этическим и др.).
- (31) Журналисты, ученые, деятели культуры и т.д., постоянно выступающие по вопросам национальной жизни: перечень с указанием возраста, ведущей тематики и преимущественного языка выступлений.
- (32) Движения и организации (партии, ассоциации, союзы, общества, исследовательские центры), разрабатывающие, пропагандирующие и осуществляющие свои программы национального развития: перечень с указанием года образования и краткой характеристикой программы.

*

- (33) Местные выставки предметов национальной культуры: перечень с указанием профиля и времени проведения.
- (34) Местные конкурсы и смотры национального искусства: перечень с указанием профиля и времени проведения.
- (35) Участие в общероссийских и международных (включая страны б. СССР) выставках, смотрах и конкурсах: перечень с указанием профиля, места и времени проведения, полученных наград.
- (36) Местные дома моделей и модельеры, создающие коллекции одежды с использованием национальных мотивов: перечень учреждений, количество мастеров; перечень фактов участия в местных, республиканских, общероссийских и международных показах мод с указанием полученных наград.

*

- (37) Производство предметов традиционно-национального быта (одежды, утвари, украшений и т.п.): количество предприятий, число мастеров, объемы продукции и продаж (по видам продукции, раздельно для промышленного и кустарного производства).
- (38) Торговля предметами традиционно-национального быта: число торговых предприятий, объемы продаж (раздельно по городу и селу).

*

- (39) Ассортименты блюд в различных типах учреждений общественного питания (рестораны, столовые, кафе и т.д.) по сезонам: указать национальные блюда и их удельный вес в системе потребления.

*

- (40) Обучение традиционным технологиям по изготовлению предметов национальной бытовой культуры (костюма, утвари, мебели и т.п.): перечень центров обучения, мастерских, отдельных мастеров, семей, в которых осуществляется обучение (по профилям).
- (41) Обучение искусству "быть красивым": перечень центров обучения, курсов, отдельных мастеров, семей, в которых осуществляется обучение (по профилям).
- (42) Программы и проекты сохранения и возрождения традиционного воспитания.

*

- (43) Музейные и домашние коллекции предметов национальной культуры: перечень с указанием числа единиц хранения и краткой характеристикой содержания коллекций.

- (44) Наличие исторических документов и литературы по национальной культуре местных архивах, библиотеках и музеях: указать название учреждения, число единиц хранения.
- *
- (45) Ученые высшей квалификации: количество по областям знания (раздельно кандидатов и докторов наук, академиков, членов международных научных обществ и зарубежных академий).
- (46) Знаменитые местные представители народа (ученые, деятели искусства, спортсмены и т.п.): перечень с указанием их достижений и места работы, а также формы их признания в России или за рубежом.
- *
- (47) Связи с другими территориями компактного проживания народа и с территориями проживания родственных народов: организационные структуры, формы и содержание связей, их материальное обеспечение.

Вопросник Н-3

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

- (1) Местные особенности языка: краткая характеристика.
- *
- (2) Перечень национально-традиционных календарных праздников.
- *
- (3) Церемонии, обычаи и ритуалы основных событий жизненного цикла (рождение ребенка, вхождение девочек и мальчиков во взрослую жизнь, свадьба, болезнь, смерть и похороны).
- (4) Основные правила регламентации повседневной жизни (обязательные гигиенические процедуры, распорядок дня, распределение обязанностей между членами семьи и т.п.).
- (5) Запреты, ограничения и предписания в еде и питье, одежде, речи, в видах занятий, развлечениях, в отношениях между разными социальными и национальными группами.
- (6) Запреты и ограничения в общении, связанные с половыми, возрастными, статусными, расовыми, национальными характеристиками.
- (7) Предписания в общении (посещение родственников, знакомых, официальных лиц, больных и т.д.).
- (8) Ритуалы приветствия и прощания, формы обращения (общие, по отношению старшим по возрасту и званию, между мужчинами одного возраста, между женщинами; дружеские и оскорбительные обращения, обращения к родственникам и коллегам по работе, обращение к гостям и врагам).
- (9) Церемонии повседневного и праздничного застолья (порядок усаживания за стол, внесения блюд, их расстановки на столе, произнесения тостов; музыка и песни и т.п.).
- (10) Религиозные и культурно-традиционные нормы, регулирующие половую жизнь (возраст вступления в половые отношения и брак; время, место, распространенные формы секса и т.д.; отношение к многоженству и многомужеству, добрачным и внебрачным связям мужчин и женщин, супружеской неверности, гомосексуальным связям, сексуальному насилию, сексуальным извращениям, проституции и др.).
- (11) Обычаи и ритуалы в хозяйственной и иных видах деятельности (охота, рыболовля, путешествия и т.п.).
- (12) Ритуалы и обычаи, связанные с почитанием и избеганием природных объектов явлений; выделение "хороших" и "плохих" мест в окружающей природной среде.
- *
- (13) Признаки женской и мужской красоты (волосы, глаза, рост и т.д.).

- (14) Эстетические предпочтения в одежде и украшениях (в линиях, цвете, деталях, формах, материалах в зависимости от половозрастной и социальной принадлежности).
*
- (15) Эстетические особенности искусственных ландшафтов (садов, парков, прудов и т.п.).
- (15) Эстетические предпочтения в архитектуре и наружном декоре построек (планировка, материалы, цвета, пространственная ориентация, детали и др.).
- (16) Национальные особенности интерьера (функциональная структура внутреннего пространства жилища, типичные элементы, пропорции, материалы, меблировка, убранство, отделка).
- (17) Национальные виды домашней утвари, ее специализация (повседневная, праздничная, обрядовая), особенности употребления и оформления.
*
- (18) Традиционные кустарные ремесла и промыслы.
*
- (19) Национальные средства и способы информирования (виды и формы информации, информаторы, объекты и предметы, выполняющие функцию информационных знаков).
- (20) Национальные способы сбора и хранения информации (объекты хранения, хранилища, организационная структура хранения).
*
- (21) Традиционные народные верования и культы: название; места и объекты поклонения (искусственные и природные); обряды, обычаи и праздники (аграрные, промысловые, общинно-родовые, связанные с рождением, достижением совершеннолетия, вступлением в брак, смертью); отношение местных властей (нейтральное, поддержка, запрещение).
- (22) Легендарные и мифические герои и антигерои.
- (23) Вещи и животные, имеющие символическое значение добрых и злых сил.
*
- (24) Национальные традиции воспитания и образования: методы и приемы.
*
- (25) Традиционные виды физической подготовки (семейные и внесемейные).
- (26) Национальные виды (сохранившиеся и утраченные) массовых состязаний, игр и физкультурно-спортивных мероприятий: перечень с указанием наиболее популярных и степени популярности; время появления и утраты.
*
- (27) Национальный ассортимент пищевых продуктов и напитков.
- (28) Национальные способы приготовления и хранения пищи.
*
- (29) Традиционные для народа виды домашних животных (сельскохозяйственных, служебных, декоративных и др.).
*
- (30) Перечень национально-традиционных методов и средств оказания медицинской помощи.
*
- (31) Местная национальная специфика преступности: перечень видов преступлений и форм организации преступников, типичных для представителей данной национальности и/или носящих национальный отпечаток.

- (32) Результаты (материалы) социологических обследований, опросов общественного мнения и т.п., посвященных: а) структуре этнического сознания, системе и иерархии ценностей, самосознанию и т.п.; б) этническим стереотипам восприятия других народов (прежде всего близко живущих).

Вопросник Р

ОПИСАНИЕ РЕГИОНА

Р.1. Характеристики среды обитания

- (1) Физическая и политическая карты региона.
- (2) Общая площадь территории.
- (3) Ландшафтные (физико-географические) зоны: перечень, соотношение площадей.
- (4) Зоны аномальных явлений и повышенной опасности (сейсмической и т.п.).
*
- (5) Климатические зоны.
- (6) Средняя продолжительность климатических периодов.
- (7) Продолжительность периода устойчивого земледелия.
- (8) Периоды рискованного сельского хозяйства.
- (9) Продолжительность холодного времени, требующего отопления жилищ.
*
- (10) Карта животного и растительного мира.
- (11) Основные виды животных и растений, имеющие хозяйственное и культурное значение.
- (12) Эндемичные виды животных и растений.
- (13) Виды животных и растений, занесенные в Красную книгу.
*
- (14) Карта природных ресурсов и их запасы.
- (15) Естественно возобновляемые ресурсы, их запасы и распределение по территории.
- (16) Невозобновляемые ресурсы, их запасы и распределение по территории; оценка истощаемости.
- (17) Культурно возобновляемые ресурсы и их распределение по территории.
*
- (18) Загрязненность среды: показатели по всем основным параметрам и экологическая карта (по данным государственной и независимой экспертизы).
- (19) Источники загрязнения (предприятия, свалки, могильники радиоактивных отходов и т.д.): количество и распределение по территории; основные загрязняющие вещества.
- (20) Зарегистрированные последствия экологического неблагополучия.
- (21) Государственные природоохранные органы: структура, численность персонала, размещение; основные акции и результаты деятельности.
- (22) Природоохранные нормативы, действующие на данной территории.
- (23) Общественные экологические организации ("зеленые"): перечень с указанием численности; основные акции и результаты деятельности.
- (24) Заповедники.
- (25) Финансирование природоохранной деятельности (государственное, муниципальное, из других источников).
- (26) Экологическая пропаганда: количество публикаций, эфирное время и т.п.
- (27) Санкции к предприятиям-загрязнителям и их эффективность.

Р.2. Основные социально-демографические характеристики региона (отдельно для городского и сельского населения, по административным районам и национальностям)

- (28) Этническая карта региона.
*
- (29) Этносоциальная демографическая характеристика (по всем переписям): данные по всем доступным параметрам (рождаемость, смертность, брачность, размер семьи, уровень образования, занятость по отраслям и профессиям и т.п.).

- (30) Этносоциальная демографическая статистика, характеризующая здоровье и физическое развитие населения.
- (31) Заболеваемость (по 17 классам болезней).
- *
- (32) Статистика смешанных и мононациональных браков и разводов (за последние пять лет) с указанием возрастного и национального состава брачующихся и разводящихся семейных пар.
- (33) Статистика религиозного оформления браков и рождений (за последние пять лет) с указанием возрастного и национального состава брачующихся пар и родителей ребенка.
- (34) Численность и половозрастное распределение лиц, лишенных родительских прав.
- (35) Численность неработающих матерей.
- (36) Численность детей, находящихся под опекой и попечительством, и усыновленных детей (гражданами России, гражданами из стран б. СССР, зарубежными гражданами).
- *
- (37) Распределение населения (в %) по видам жилья (отдельные квартиры, коммунальные квартиры, частные дома).
- (38) Средняя жилая площадь на одного человека по видам жилья (отдельные квартиры, коммунальные квартиры, частные дома).
- (39) Распределение населения по зарплате (в тысячах рублей): до 25; 25-50; 50-100; 100-200; 200-500; свыше 500.
- (40) Среднедушевой доход.
- (41) Распределение населения по доходу на одного человека (в тысячах рублей): до 25; 25-50; 50-100; 100-200; свыше 200.
- (42) Личные банковские вклады (раздельно по сбербанку и коммерческим банкам): количество вкладчиков, средний размер вклада на одного вкладчика.
- *
- (43) Подсобные хозяйства: количество, средняя площадь земельных участков, профиль (животноводство, овощеводство и т.п.).
- (44) Среднее поголовье домашнего скота и птицы.
- (45) Средний годовой объем продаваемой одним хозяйством продукции (по видам).
- *
- (46) Безработные: количество, профессиональный, образовательный и половозрастной состав.
- *
- (47) Численность и половозрастное распределение лиц с отклонениями в физическом и психическом развитии.
- (48) Статистика преступлений (по видам): количество, профессиональный, образовательный и половозрастной состав преступников.
- (49) Статистика наркотизма (алкоголизм, наркомания, токсикомания): количество, профессиональный, образовательный, и половозрастной состав по видам наркотизма.
- (50) Численность и половозрастной состав лиц, занимающихся проституцией.
- (51) Численность и половозрастное распределение самоубийц.

Р.3. Социокультурные особенности жизни региона (данные по региону в целом и по административным районам)

Р.3.1. Языки региона

- (52) Перечень языков, используемых в регионе, с указанием следующих характеристик: а) название; б) статус (государственный язык, язык межнационального общения, национальный, иностранский); в) область применения языка (домашнее общение, соседское общение, работа, официальное общение и делопроизводство, учеба, бого-

служении и др.); г) число людей (по половозрастным категориям и по национальностям), считающих этот язык родным (единственным, одним из двух, одним из нескольких); д) число людей (по половозрастным категориям и по национальностям), владеющих языком как неродным (свободно/несвободно); е) число учебных заведений с преподаванием на языке; ж) число учебных заведений для изучения языка; з) доля (в %) времени теле- и радиовещания на языке; и) перечень местных газет и журналов на языке с указанием периодичности и тиража; к) перечень видов работ, при приеме на которые требуется знание языка.

Р.3.2. Религиозная жизнь региона

- (53) Перечень всех конфессий региона с указанием для каждой следующих характеристик: а) название (официальное и неофициальные); б) число верующих, их половозрастной и национальный состав; в) время появления на данной территории; г) конфессионально-административная единица, в которую входит территория (епархия для христиан, отделение Духовного управления для мусульман и буддистов и т.п.); д) число общин и их распределение по территории.
- (54) Традиционные народные верования и культы: название; распространенность; места и объекты поклонения (искусственные и природные), обряды, обычаи и праздники (аграрные, промысловые, общинно-родовые, связанные с рождением, достижением совершеннолетия, вступлением в брак, смертью), отношение местных властей (нейтральное, поддержка, запрещение).
- (55) Внеконфессиональные религиозные организации (центры, движения и т.п.): перечень с указанием числа участников и распределения по территории.
- *
- (56) Действующие культовые здания (церкви, мечети, синагоги, молельни и пр.): количество и территориальное распределение по конфессиям.
- (57) Монастыри: перечень с указанием конфессии, местоположения и года открытия.
- (58) Введение в действие культовых зданий: число по конфессиям и по годам.
- (59) Культовые объекты, возвращенные религиозным организациям: перечень и место расположения (с указанием находящихся в совместном владении государственных и церковных структур).
- (60) Религиозно-исторические центры и памятники, служащие местами поклонения и паломничества: перечень с указанием местоположения и конфессии.
- *
- (61) Индивидуальные религиозные обряды (крещение, обрезание, заключение брака, похороны и т.п.): численность и национальный состав ежегодно проходящих каждый обряд по конфессиям.
- *
- (62) Средние и высшие религиозные учебные заведения (семинарии, академии, медресе и др.): количество; численность, половозрастной и национальный состав учащихся по конфессиям. (63) Обучение ремеслам культового назначения (иконопись, производство культовой утвари и одежды и т.п.): перечень учебных центров с указанием числа обучающихся.
- (64) Религиозно-просветительские центры (воскресные школы, религиозные молодежные клубы и т.п.): количество по конфессиям.
- *
- (65) Религиозно-просветительские передачи по местному ТВ и радио: количество часов в месяц по конфессиям.
- (66) Местные религиозные издательства: перечень по конфессиям с характеристикой издаваемой литературы (языки, годовой объем продукции).
- (67) Поступление религиозной литературы извне: источники поступления и объем ввозимой печатной продукции по конфессиям.
- *
- (68) Конфессиональные и межконфессиональные встречи (соборы, съезды, конференции и т.п.): перечень с указанием представленных конфессий и тематики.

- (69) Благотворительная деятельность религиозных организаций (международных, российских, национальных, местных): перечень организаций с указанием основных направлений и объемов деятельности.
- (70) Общественно-признанные современные религиозные лидеры.

Р.3.3. Искусство и литература

- (71) Композиторы: количество, половозрастной и национальный состав.
- (72) Музыканты-исполнители: количество, половозрастной и национальный состав, распределения по специальностям.
- (73) Музыкальные произведения, впервые исполненные на данной территории: количество по жанрам и национальности авторов (раздельно для произведений местных авторов, авторов других регионов России, стран б. СССР и зарубежных).
- (74) Интенсивность концертной деятельности: количество концертов, общее количество посетителей (раздельно для концертов местных и гастрольных, российских и зарубежных исполнителей и коллективов; с выделением концертов молодежной музыки для массовой аудитории).
- (75) Репертуар концертов: количество исполненных музыкальных произведений по жанрам и национальности авторов (раздельно для произведений местных авторов, авторов других регионов России, стран б. СССР и зарубежных).
- (76) Гастроли местных коллективов: перечень с указанием места, времени и репертуара.
- (77) Молодежная музыка: количество групп по видам (рок-, поп- и т.д. с выделением национально ориентированных); общее количество, половозрастной и национальный состав исполнителей; количественная характеристика аудитории (по данным социологических исследований).
- (78) Тиражирование музыкальных произведений: количество по видам записи (пластинки, кассеты, компакт-диски) раздельно для произведений национальных авторов, русских авторов, авторов других народов России и зарубежных, с выделением записей молодежной музыки.
- *
- (79) Режиссеры: число, половозрастной и национальный состав (раздельно для музыкальных и драматических театров).
- (80) Актеры: число, половозрастной и национальный состав (раздельно для музыкальных и драматических театров).
- (81) Премьеры: перечень с указанием языка спектакля.
- (82) Интенсивность театральной жизни: количество выступлений и общее количество зрителей (раздельно для музыкальных и драматических, местных и гастрольных, российских и зарубежных театров, для произведений авторов разных национальностей).
- (83) Репертуар местных театров: количество названий по жанрам и национальности авторов (раздельно для музыкальных и драматических спектаклей, для произведений местных авторов, авторов других регионов России, стран б. СССР и зарубежных).
- (84) Гастроли местных театров: перечень с указанием места и репертуара.
- *
- (85) Фильмы местного производства: перечень с указанием языка фильма, имени и национальности режиссера.
- (86) Кинопрокат: количество показанных фильмов и количество сеансов (раздельно для фильмов местных авторов, авторов других регионов России, стран б. СССР и зарубежных).
- (87) Посещаемость кинотеатров: число кинозрителей (раздельно для фильмов местных авторов, авторов других регионов России, стран б. СССР и зарубежных).
- (88) Показ фильмов местных авторов в других регионах России, в странах б. СССР и за рубежом: перечень фильмов с указанием места показа.
- *
- (89) Цирки: количество, половозрастной и национальный состав актеров по специальностям, ежегодная посещаемость.

- (90) Другие виды зрелищ: перечень, ежегодная посещаемость. *
- (91) Деятели изобразительного искусства: количество, половозрастной и национальный состав по видам искусства.
- (92) Интенсивность выставочной деятельности: ежегодное количество выставок с разбивкой по видам изобразительного искусства, общее количество посетителей (раздельно для выставок местных художников, художников других регионов России, стран б. СССР и зарубежных, выставок смешанного состава).
- (93) Демонстрация произведений местных художников в других местах России, в странах б. СССР и за рубежом: перечень с указанием места проведения выставки, числа участников из описываемого региона и общего числа участников.
- (94) Приобретение произведений местных художников музеями (ежегодные данные): количество произведений и число художников (раздельно для местных музеев, музеев Москвы и Петербурга, музеев других мест России, музеев стран б. СССР и зарубежных).
-
- (95) Писатели: количество, половозрастной и национальный состав и состав по языку творчества.
- (96) Чтецы-декламаторы: количество, половозрастной и национальный состав.
- (97) Издание произведений местных авторов в других местах России (с выделением московских и петербургских изданий), в странах б. СССР и за рубежом: перечень авторов и произведений с указанием времени, места и характера издания (книга, журнал, газета).
- (98) Устное исполнение литературных произведений (кроме драматургических): количество исполнений с разбивкой по "каналам" исполнения (радио, телевидение, эстрада), языкам и географии (местные, центральные, другие российские и зарубежные каналы).
-
- (99) Структура аудитории искусства и литературы (по данным социологических исследований): социально-демографический и национальный состав участников художественно-культурных событий.
-
- (100) Итоговые мероприятия художественно-культурного назначения (фестивали, смотры, конкурсы и т.п.): перечень с характеристикой состава участников (местный, общероссийский, международный) и указанием национальной специфики.
- (101) Художественно-культурные события, собравшие наибольшую аудиторию: перечень с указанием численности аудитории.
-
- (102) Творческие работники, имеющие звания (народный артист и т.п.): перечень с указанием возраста, национальности и области творчества.
- (103) Творческие работники и коллективы, получившие награды и призовые места на конкурсах (республиканских, общероссийских, международных): перечень с указанием исполненного или демонстрируемого произведения, возраста и национальной принадлежности.
-
- (104) Виды художественной самодеятельности, распространенные на данной территории: перечень с выделением национально-специфических видов; количество, половозрастной и национальный состав занятых (по видам).
- (105) Объединения участников самодеятельности: перечень с указанием специализации и числа членов.
- (106) Художественное творчество (профессиональное и самодеятельное) фольклорной ориентации (фольклорные группы и отдельные исполнители, детские и молодежные фольклорные ансамбли; фольклорные театры и студии): количество коллективов; количество индивидуальных исполнителей; общее количество, половозрастной и национальный состав занятых в данном виде творчества (раздельно для города и села).

- *
- (107) Тиражи музыкальных и сценических произведений (по видам произведений и способу записи, в том числе пластинки, кассеты, компакт-диски, видеокассеты).
 - (108) Репродуцирование произведений изобразительного искусства (ежегодные данные): число наименований и суммарный листаж по видам изданий (альбомы, репродукции, открытки и др.).

*

 - (109) Здания и помещения художественно-культурного назначения (для исполнения, хранения и демонстрации произведений искусства): количество, общая площадь (по видам и назначению, в том числе театров, кинотеатров, концертных залов, музеев, выставочных залов, цирков и др.).
 - (110) Здания и помещения для художественного производства: количество, общая площадь (по видам и назначению, в том числе художественных цехов и мастерских, репетиционных помещений, студий и др.).
 - (111) Помещения, выделенные для художественной самодеятельности (занятий, показа): суммарная площадь по существующим видам.
 - (112) Органы государственной власти, подразделения (или должности) в их составе, ведающие художественным творчеством (в целом или отдельными видами): перечень с указанием специализации и функций.
 - (113) Учреждения, организующие художественную самодеятельность: перечень типов с указанием числа учреждений и суммарной численности сотрудников.
 - (114) Творческие союзы и объединения: перечень с указанием специализации и числа членов.
 - (115) Финансирование художественного творчества и художественно-культурных мероприятий: объемы выделенных средств по источникам (государственный бюджет, общественные фонды, частные лица и фирмы).
 - (116) Фонды, поддерживающие художественное творчество (профессиональное и самодеятельное): перечень.

Р.3.4. Науки: общественно-философские, гуманитарные, естественные, технические

- (117) Работники науки: численность, половозрастной, квалификационный и национальный состав (раздельно по областям науки).

*

- (118) Сеть научных учреждений и исследовательских коллективов (НИИ, лабораторий, исследовательские центры и т.д.): перечень с указанием численности, половозрастного, квалификационного и национального состава сотрудников, местоположения, организационной формы и подчиненности, основной исследовательской тематики, источников и форм финансирования.
- (119) Научные общества, академии, союзы и клубы: перечень с указанием уставных задач, численности, половозрастного, квалификационного и национального состава членов, местоположения, источников и форм финансирования, органов, объема и тематики издательской деятельности.
- (120) Научные форумы (съезды, конференции, симпозиумы, семинары, оргдеятельностные и деловые игры и т.п.): перечень с указанием тематики, организации-устранителя, численности и состава участников (раздельно местных, из других мест России, из стран б. СССР, зарубежных).
- (121) Открытия и изобретения: перечень с указанием автора, времени регистрации и эффекта от внедрения.
- (122) Публикации научных работ за пределами региона: количество по областям науки (раздельно для публикаций в Москве и Петербурге, в других городах России, в странах б. СССР, за рубежом).
- (123) Участие в научных встречах и мероприятиях за пределами региона: перечень случаев участия с указанием числа участников из данного региона (раздельно для общероссийских мероприятий, для проведенных в странах б. СССР и за рубежом).

- (124) Членство в научных сообществах за пределами региона: количество членов по областям науки (раздельно для российских обществ и обществ в странах б. СССР); перечень членов зарубежных научных обществ с указанием области науки и национальности ученого.
- (125) Научные отличия (премии, награды, дипломы): перечень получивших отличия с указанием уровня отличия (местное, российское, международное), области науки и национальности ученого.
- (126) Объединения людей для любительских занятий в области наук: перечень с указанием области науки, числа, половозрастного, профессионального, образовательного и национального состава членов.

Р.3.5. Воспитание и образование (раздельно по городу и селу)

- (127) Детские сады: количество с разбивкой по следующим признакам: языки общения с детьми, система или метод воспитания, особенности детского контингента (одаренные, отсталые и др.), наличие/отсутствие дотации, принадлежность (государству, частному владельцу, религиозной организации и др.); общая численность детского контингента с разбивкой по родному языку; общая численность, половозрастной, образовательный и национальный состав воспитателей; общая численность обслуживающего персонала.
- (128) Детские дома: количество с разбивкой по языкам общения с детьми и применяемому методу воспитания; общая численность детского контингента с разбивкой по родному языку; общая численность, половозрастной, образовательный и национальный состав воспитателей; общая численность обслуживающего персонала.
- (129) Семейные детские дома: количество с разбивкой по языкам общения с детьми, национальный и образовательный состав родителей-воспитателей, общая численность детского контингента с разбивкой по родному языку.
- (130) Детские приюты: количество с разбивкой по языкам общения с детьми; общая численность детского контингента с разбивкой по родному языку; общая численность, половозрастной, образовательный и национальный состав воспитателей; общая численность обслуживающего персонала; источники финансирования.
- *
- (131) Общеобразовательные учреждения: количество по типам (начальные, средние полные и неполные, вечерние, специальные, гимназии, лицей и др.), по принадлежности (государственные, частные, общественных организаций), по языкам преподавания, численность, половозрастной, образовательный и национальный состав учителей по специализации и по типам учреждений; численность и национальный состав учащихся по типам учреждений; обеспеченность учебниками.
- (132) Школы-интернаты: количество с разбивкой по языкам общения с детьми, преподавания и по специализации; общая численность детского контингента с разбивкой по родному языку; общая численность, половозрастной, образовательный и национальный состав преподавателей и воспитателей; общая численность обслуживающего персонала.
- (133) Учебные планы и программы (стандартные и экспериментальные): перечень с указанием числа общеобразовательных учреждений, их применяющих (желательно приложить копии планов и программ).
- *
- (134) Детские учреждения для внешкольных занятий (дома детского творчества, клубы юных техников и т.п.): количество с разбивкой по профилю и языкам общения с детьми; общая численность занимавшихся; общая численность, половозрастной, образовательный и национальный состав воспитателей; общая численность обслуживающего персонала.
- (135) Детские и юношеские массовые организации (скауты и т.п.): перечень с указанием численности (раздельно для города и села), основных направлений деятельности и времени основания.

- *(136) Профессионально-технические училища: количество по профилю и по языкам преподавания; численность, половозрастной, образовательный и национальный состав учителей по специализации; численность и национальный состав учащихся по профилю училища.
- *(137) Средние специальные учреждения (техникумы, медучилища и т.п.): количество по профилю и по языкам преподавания; численность, половозрастной, образовательный и национальный состав преподавателей по специализации; численность и национальный состав учащихся по профилю училища.
- *(138) Высшие учебные заведения: перечень с указанием специализации выпускников; языков преподавания; наличия/отсутствия вечернего и заочного обучения; численности, половозрастного, квалификационного и национального состава преподавателей; численности и национального состава студентов по специализациям; ограничений и льгот (в том числе национального характера) при приеме; принадлежности (государственные, частные, общественных организаций); источников финансирования; доли (в %) распределяемых выпускников.
- *(139) Аспирантура и докторантура: перечень с указанием специализации, числа, половозрастного и национального состава аспирантов и докторантов.
- *(140) Специальные курсы (обучения языкам, бизнесу и т.п.): количество по специализации и по принадлежности (государственные, частные).
- *(141) Курсы переподготовки и повышения квалификации: количество по специализации, численность, половозрастной и национальный состав слушателей
- *(142) Лекционно-просветительская деятельность (ежегодные данные): количество лекций по основным тематическим разделам.
- *(143) Система управления образованием: структура, численность, половозрастной, образовательный и национальный состав руководящего персонала.
- *(144) Опубликованные программы реформы образования: перечень с указанием авторов, времени и места публикации.

Р.3.6. Средства массовой информации

- *(145) Издательства: перечень с указанием местоположения, специализации, годового объема продукции, источников финансирования и/или собственников.
- *(146) Книжная продукция: годовой объем (число наименований, общий тираж, общий листаж) и его распределение по видам (детская, общественно-политическая, учебная, справочная и т.п.), по тематике (в том числе книги по различным сферам национальной жизни — языку, истории, обычаям и др.) и по языку (национальный, русский, др. языки).
- *(147) Журналы и газеты: перечень с указанием языка, места издания, специализации, периодичности и тиража, учредителя, источников финансирования.
- *(148) Доступные телеканалы (местные официальные, кабельные, центральные, зарубежные): перечень с указанием языка вещания и длительности приема.
- *(149) Местные теле- и радиокomпании (станции): перечень с указанием формы собственности, источника финансирования, каналов и объема вещания.
- *(150) Распределение времени местного теле- и радиовещания по языку (национальный, русский, другие), по видам (новости, реклама, учебные передачи и т.п.).

Р.3.7. Системы сбора, хранения и предоставления информации

- *(151) Библиотеки: общее количество, распределение по типам (общие, профессиональные, детские) и по местности (городские, сельские).

- (152) Средние объемы фондов для библиотек различного типа (раздельно для национального, русского и других языков).
- (153) Специализированные информационные центры: количество и распределение по видам обрабатываемой и предоставляемой информации (справочные службы, вычислительные центры и т.п.), формам собственности и условиям предоставления услуг (платные, бесплатные).

Р.3.8. Физкультура и спорт

- (154) Традиционные виды (сохранившиеся и утраченные) состязаний: перечень указанием наиболее популярных; время появления и утраты.
- (155) Физкультура: количество секций и групп по типам (общая физическая подготовка, лечебная физкультура), их распределение по территории, численность, национальный и половозрастной состав регулярно занимавшихся, источники финансирования.
- (156) Профессиональный спорт (в том числе спорт высших достижений, включая детский): перечень видов с указанием по каждому виду источников финансирования, численности и национального состава тренерского и обслуживающего персонала, численности, национального и половозрастного состава занимающихся; распределение секций по территории.
- (157) Любительский спорт: перечень видов с указанием источников финансирования, численности, половозрастного и национального состава занимающихся; распределение секций по территории.
- (158) Спортивные общества и клубы: перечень с указанием числа членов.
- (159) Спортивные соревнования (ежегодные данные): количество по видам спорту, уровням (районные, областные, республиканские, российские, международные) времени проведения (с указанием числа участников и зрителей).
- (160) Местные спортсмены, входящие в сборные команды (региональные, российские): численность, национальный и половозрастной состав по видам спорта.
- (161) Квалификационный уровень спортсменов: количество разрядников (по видам спорта, по годам, по разрядам).
- (162) Высшие спортивные достижения (ежегодные данные): перечень спортсменов и команд (с указанием вида спорта и достижения).
- (163) Спортивные базы, стадионы, площадки и т.п.: количество по типу сооружения, профилю, основным параметрам (открытые/крытые; тип покрытия: дерево, грунт, асфальт, пластик; охраняемые/неохраняемые; наличие/отсутствие трибун для зрителей и т.д.), по принадлежности, подчиненности, источникам финансирования; распределение по территории; численность обслуживающего персонала.
- (164) Спортивные магазины, мастерские и пункты проката: количество и распределение по территории.
- (165) Ассортимент спортивного инвентаря и оборудования, имеющегося в открытой продаже.
- (166) Местная спортивная промышленность: виды производимой продукции.

Р.4. Государственно-административные и общегражданские условия жизни

Р.4.1. Право и власть

- (167) Конституция (наличие; отношение к Конституции России; время и форма принятия; время и место публикации).
- (168) Символы суверенитета (для национально-государственных образований): отношение к гербу и флагу (краткое описание); гимн (название и/или первая строка текста).
- (169) Общая структура, функции и организация государственных органов

(законодательных, исполнительных) на разных уровнях; распределение и время осуществления их полномочий; численный и национальный состав; бюджет.

- (170) Органы административно-территориального управления разного уровня: численность персонала, функциональная структура, бюджет, национальный состав.

*

- (171) Особенности местного права в сравнении с общероссийскими нормами: указать такие особенности для основных областей права (административного, финансового, вещного, семейного, земельного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального), а также источник этих особенностей (национальные и/или религиозные традиционные нормы, современное нормотворчество, зарубежное законодательство).

*

- (172) Численность, половозрастной и национальный состав следователей.

- (173) Численность, половозрастной и национальный состав прокуроров.

- (174) Суды (количество судов разных уровней; численность, половозрастной и национальный состав судей; количество дел, рассматриваемых за год).

- (175) Милиция: количество отделений милиции; численность, половозрастной и национальный состав милиционеров.

- (176) Следственные изоляторы: количество; число мест; численность, половозрастной и национальный состав обслуживающего персонала и охраны.

- (177) Исправительно-трудовые учреждения: количество по видам режима; численность и национальный состав заключенных; численность и национальный состав войск охраны; численность обслуживающего персонала.

*

- (178) Финансовое обеспечение правоохранительной деятельности: объемы отчислений по сферам деятельности из бюджетов разных уровней.

*

- (179) Преступные сообщества: перечень с краткой характеристикой.

- (180) Местная специфика преступности: исторически сложившиеся и/или связанные с местными традициями виды правонарушений.

Р.4.2. Политическая и общественная жизнь

- (181) Участие в выборах: перечень и % голосовавших от населения.

- (182) Митинги и демонстрации: перечень с числом участников.

- (183) Вооруженные конфликты: перечень с указанием сторон, их численности и числом жертв.

- (184) Межнациональные переговоры в регионе: инициаторы переговоров, участники переговоров, время и место проведения, результаты.

- (185) Арбитражные инстанции в проблемных межнациональных ситуациях (административные органы, общественные и политические организации, советы старейшин, авторитетные лица).

*

- (186) Государственная власть как политическая сила: программные документы (время и место публикации); политика в разных областях, в том числе демографическая, культурная, национальная, молодежная и др. (принципы, цели, приоритеты).

- (187) Партии и другие организации специально политического характера: название; численность; программные документы (время и место публикации); политика в разных областях (принципы, цели, приоритеты); % голосов, полученных на выборах.

- (188) Организации и движения, не имеющие специально политического характера, но играющие активную политическую роль: название; основная деятельность; численность; программные документы политического характера (время и место публикации); политические цели и приоритеты.

- (189) Влиятельные подгруппы, не входящие в формальные организации: имена; национальность; программные заявления (время и место публикации); особенности политической позиции; выдвижение кандидатуры на выборах и % полученных голосов.

- (190) Выдающиеся местные политические деятели и организации прошлого (имена и названия, характеристика исторической роли).

Р.4.3. Социальное обеспечение

- (191) Число отделов собесов и общая численность работников в органах социального обеспечения.
- (192) Численность, половозрастной и национальный состав людей или семей, получающих пособия (или льготные услуги) по категориям, в том числе по таким, как: инвалиды с производственными травмами или профессиональными заболеваниями; инвалиды афганской войны; люди, пострадавшие в результате загрязнения окружающей среды; больные СПИДом; лица, пострадавшие от межнациональных конфликтов и войн; беженцы.
- (193) Местные отличия в размерах пособий, пенсий и льгот (по сравнению с общероссийскими).
- (194) Пособия, пенсии и льготы местного значения: категория лиц, размеры выплат.
- *
- (195) Профсоюзные пособия и льготы: категории лиц, виды и размеры пособий и льгот.
- (196) Ведомственные, общественные и частные пенсионные фонды: объем и характеристика деятельности; категории лиц, виды и размеры пособий.
- (197) Благотворительные организации (местные; филиалы общероссийских и международных организаций): объемы и виды помощи и пособий.
- *
- (198) Органы государственного страхования: количество; общая численность сотрудников; демографический состав клиентов; виды и объемы оказываемых услуг.
- (199) Частные страховые фирмы: количество; общая численность сотрудников, демографический состав клиентов, виды и объем оказываемых услуг.
- *
- (200) Биржи труда: количество; численность работников; объем деятельности (количество поставленных на учет, получающих пособие, переквалификацию, определенных на работу, их половозрастной и национальный состав).
- (201) Акционерные и частные фирмы, занимающиеся подготовкой кадров и трудоустройством безработных: количество, объемы работы.

Р.5. Хозяйство и быт

(данные по региону в целом и по административным районам)

Р.5.1. Производство. Торговля. Финансы

- (202) Экономическая карта региона.
- (203) Соотношение площадей хозяйственного и нехозяйственного использования.
- (204) Годовой валовой объем производства.
- (205) Годовой валовой объем торговли.
- (206) Расходная часть бюджета: общая сумма расходов и их распределение по статьям.
- (207) Доходная часть бюджета: общая сумма поступлений в бюджет, ее распределение по источникам; доля (в %) отчислений в федеральный бюджет.
- *
- (208) Годовые объемы производства по каждой отрасли промышленности в натуральных показателях.
- (209) Численность и национальный состав занятых в каждой отрасли промышленности.
- (210) Доля (в %) занятых (для каждой отрасли промышленности): на государственных предприятиях; на приватизированных предприятиях; на вновь созданных частных предприятиях.
- (211) Доля (в %) продукции каждой отрасли промышленности, произведенная на государственных, приватизированных и новых частных предприятиях.

- (212) Время возникновения каждой отрасли промышленности на данной территории (особо отметить национально-традиционные отрасли).
- (213) Годовые объемы производства по каждой отрасли сельского хозяйства в натуральных показателях.
- (214) Посевные площади, занятые каждой культурой.
- (215) поголовье скота по видам.
- (216) Численность и национальный состав занятых в каждой отрасли сельского хозяйства.
- (217) Доля (в %) занятых (для каждой отрасли сельского хозяйства): в колхозах; на фермерских хозяйствах.
- (218) Доля (в %) продукции каждой отрасли сельского хозяйства, произведенная: на государственных предприятиях; в колхозах; в фермерских хозяйствах; в индивидуальных подсобных хозяйствах.
- (219) Время возникновения каждой отрасли сельского хозяйства на данной территории (особо отметить национально-традиционные отрасли).
- (220) Перечень промыслов и ремесел с указанием следующих характеристик: а) годовые объемы производства в натуральных показателях; б) численность и национальный состав занятых; в) время возникновения на данной территории.
- (221) Годовые обороты по каждой отрасли торговли и обслуживания.
- (222) Численность и национальный состав занятых в каждой отрасли торговли и обслуживания.
- (223) Доля (в %) занятых (для каждой отрасли торговли и обслуживания): на государственных предприятиях; приватизированных предприятиях; вновь созданных частных предприятиях.
- (224) Время возникновения каждой отрасли торговли и обслуживания на данной территории.
- (225) Экспорт: распределение по видам продукции в натуральных показателях отдельно для экспорта в другие регионы России, в страны б. СССР, за рубеж (с указанием видов продукции, составляющих монополию региона).
- (226) Импорт: распределение по видам продукции в натуральных показателях (отдельно для импорта из других регионов России, из стран б. СССР, из-за рубежа; с указанием видов продукции, в отношении которых регион целиком зависит от импорта).
- (227) Объединения рабочих: перечень с указанием числа членов.
- (228) Объединения предпринимателей: перечень с указанием числа членов.
- (229) Объединения потребителей: перечень с указанием числа членов.
- (230) Специализированные инновационные организации (проектные, инженерные, изобретательские и т.п.), разрабатывающие новые образцы товаров и услуг и технологию их изготовления по отраслям и сферам общественного производства: количество, численность, национальный состав и квалификационная структура персонала, объемы выполняемых работ, источники финансирования.

Р.5.2. Транспорт

- (231) Годовой грузооборот по всем видам транспорта.
- (232) Безрельсовые внегородские пути: схема, протяженность, перечень и протяженность автобусных маршрутов, интенсивность пассажирских и грузовых перевозок.
- (233) Железнодорожные пути: схема, протяженность, интенсивность пассажирских и грузовых перевозок.
- (234) Водные пути: схема, протяженность, длительность судоходного сезона, интенсивность пассажирских и грузовых перевозок.
- (235) Авиалинии: схема, интенсивность пассажирских и грузовых перевозок.

- (236) Городской транспорт: перечень городов с указанием всех видов транспорта и интенсивности перевозок.

Р.5.3. Связь

- (237) Отделения связи: количество, карта размещения, распределение по видам услуг, объемы услуг частным лицам и организациям по видам.
- (238) Системы спецсвязи (экспресс-почта, телефакс, электронная почта и др.), формы собственности (государственная, частная), объемы предоставляемых услуг.
- (239) Телефонная сеть: схема; количество абонентов среди частных лиц и организаций; объемы предоставляемых услуг (количество вызовов, время связи) по видам связи (местная, междугородная, международная).

Р.5.4. здравоохранение

- (240) Удельный вес основных причин смерти (отдельно для городского и сельского населения и по национальностям).
 - (241) Численность больных СПИДом с распределением по полу, возрасту, национальности (отдельно для городского и сельского населения).
 - (242) Основные профессиональные заболевания: перечень, заболеваемость.
 - (243) Основные экологические причины заболеваний: перечень, заболеваемость.
 - (244) Исход заболеваний (выздоровление, улучшение, без изменений, ухудшение, смерть — в %).
- *
- (245) Численность и национальный состав врачей (по всем специальностям), работающих: а) в системе Министерства здравоохранения; б) в ведомствах и в) в сфере частной практики.
 - (246) Численность и национальный состав врачей, специализирующихся на применении нетрадиционных методов (иглотерапия, фитотерапия, гипноз и т.п.).
 - (247) Количество и национальный состав лиц без медицинского диплома, оказывающих медицинскую помощь (жолдуны, знахари, экстрасенсы и др.).
 - (248) Перечень нетрадиционных методов и средств оказания медицинской помощи, применяемых на данной территории (в том числе таких, как лечение голоданием, уринотерапия и т.д.), с указанием численности практикующих специалистов, их статуса и мест оказания помощи.
 - (249) Обеспеченность населения (отдельно городского и сельского) больничными койками и профиль их использования.
 - (250) Статистика жалоб и исков по поводу неудовлетворительного медицинского обслуживания и статистика соответствующих санкций.
 - (251) Сеть лечебно-профилактических и санитарно-противоэпидемических учреждений в соответствии с их номенклатурой (тип, количество, территориальное распределение, подчиненность, источники финансирования).
 - (252) Перечень появившихся за последние годы лечебно-профилактических учреждений нового типа (частных и общественных), их количество, территориальное распределение.
 - (253) Перечень курсов и групп с программами здоровья и долголетия (в том числе ориентированных на управление психическими состояниями), функционировавших.
 - (254) Обеспеченность территории лекарственной и протезной помощью, медоборудованием и инструментами.
- *
- (255) Карты санитарно-гигиенического благоустройства территории.
 - (256) Санитарное состояние производств, общественных мест, жилищ (в городах и сельских местностях).
 - (257) Готовность к действиям в чрезвычайных ситуациях (стихийные бедствия, эпидемии, аварии и т.п.): персонал и материально-техническая база.

- (258) Степень соответствия действующих санитарно-гигиенических нормативов мировым стандартам (указать все значимые расхождения, а также факты отсутствия необходимых нормативных документов).
- (259) Перечень санитарно-гигиенических средств и оборудования, имеющихся в свободной продаже.
- *
- (260) Перечни местных изданий (с указанием тиража и языка) по здравоохранительной тематике: а) книги; б) газеты и журналы, целиком посвященные этой теме; в) газеты и журналы, имеющие постоянные рубрики.
- (261) Перечень регулярных программ местного радио и телевидения (с указанием языка вещания) по здравоохранительной тематике (включая программы зарядки, аэробики и т.п.).

Р.5.5. Питание

- (262) Типовые ассортименты пищевых продуктов и напитков (раздельно для городского и сельского населения с выделением национально-традиционных продуктов и напитков).
- (263) Объемы производимой пищевой продукции (по продуктам ассортимента, раздельно по государственному и частному секторам).
- (264) Объемы ввозимой пищевой продукции (по продуктам ассортимента, раздельно по государственному и частному секторам).
- (265) Потребление на душу населения (по продуктам ассортимента, раздельно для городского и сельского населения).
- *
- (266) Продовольственно-торговые предприятия: количество и спецификация, численность и национальный состав персонала (раздельно для государственного и для частного секторов).
- (267) Предприятия общественного питания: количество и спецификация, численность и национальный состав персонала (раздельно для государственного и для частного секторов).
- (268) Удельный вес всех пищевых продуктов, реализуемых через систему общественного питания.
- (269) Ассортименты блюд в различных типах учреждений общественного питания (рестораны, столовые, кафе и т.д.) по сезонам (указать национальные блюда и их удельный вес в системе потребления).
- *
- (270) Доля (в %) продовольственных товаров, проходящих контроль качества и получающих сертификат.
- (271) Статистика оповещений населения о фактах продажи некачественных продуктов (указать, по каким каналам, в какой форме).
- (272) Данные полного химического анализа (включая анализ на радиоактивность) питьевой воды в различных по типу местностях.
- (273) Перечень продуктов питания, в которых было зафиксировано повышенное содержание токсикантов и загрязнителей (включая радиоактивные).
- (274) Перечень портативных средств анализа качества продуктов, имеющихся в свободной продаже.
- (275) Этносоциальная демографическая статистика пищевых отравлений (указать причины и исход).

Р.5.6. Поселения и жилища

- (276) Поселения: полный перечень с указанием типа (город, село, поселок городского типа и т.п.), числа жителей по национальностям, распределения поселений по территории (карты).
- (277) Соотношение (в %) старинных и построенных в советское время сел и городов.

- (278) Типы сельского расселения (рассеянное, хуторского типа и др.): процентное соотношение или преобладание.
- (279) Особенности планировки поселений и искусственных ландшафтов (садов, парков, прудов и т.п.).
- (280) Распределение жилищ по типам (традиционные/современные, по материалу, способу изготовления, по архитектурному типу, по этажности, размерам, функциональной структуре и др.): перечень типов и соотношение в % (раздельно для городов и села).
- (281) Распределение жилищ по степени благоустройства (наличие/отсутствие водопровода, отопления, канализации и т.п.): соотношение в %.
- (282) Количество жилья, ежегодно вводимого в эксплуатацию.
- (283) Количество и средний размер банковских ссуд на строительство или приобретение жилья (раздельно для города и села).

Р.5.7. Условия быта (отдельно для городских и сельских жителей)

- (284) Обеспеченность населения информационными средствами индивидуального пользования (телевизоры, телефоны, радиоприемники, магнитофоны и т.п.): количество на душу населения по видам.
- (285) Обеспеченность населения бытовой техникой (стиральные машины, холодильники и т.п.): количество на душу населения по видам.
- *
- (286) Предприятия и учреждения бытового обслуживания (по профилю, раздельно для государственных, приватизированных и вновь возникших частных): количество, среднее число услуг на одного жителя.
- (287) Предприятия торговли (по профилю, раздельно для государственных, приватизированных и вновь возникших частных): количество.
- *
- (288) Количество семей, имеющих дачи и садово-огородные участки.
- *
- (289) Службы психологической помощи семьям (раздельно государственные и негосударственные): количество, численность и национальный состав персонала, (по специализациям), формы услуг, количество услуг за год, перечень наиболее частых причин обращения.
- (290) Телефоны доверия: количество, численность и национальный состав персонала, количество звонков за год, перечень наиболее частых причин обращения.
- *
- (291) Сексуальные услуги (службы эротического массажа, "секс по телефону", публичные дома и т.п.): количество служб, численность и национальный состав персонала.

Р.5.8. Досуг и общение

- (292) Парки культуры и отдыха: количество, распределение по территории, посещаемость.
- (293) Дома и базы отдыха: количество, распределение по территории, число отдыхающих за год.
- (294) Турбазы: количество, распределение по территории, число отдыхающих за год.
- (295) Туристические бюро и агентства (раздельно государственные и частные): количество, типы туристических маршрутов, число туристов за год (раздельно по типам маршрутов).
- (296) Базы для рыбаков и охотников: количество, распределение по территории, число пользователей за год.
- *
- (297) Учреждения и места общения по интересам (клубы, дискотеки и танцплощадки и пр.): количество, распределение по территории, число посетителей за год.
- (298) Детские игровые площадки и комнаты: количество, распределение по территории.

- (299) Учреждения и места для азартных игр (игорные дома, казино, тотализаторы и пр.): количество, распределение по территории, число посетителей за год.
*
- (300) Службы знакомств (раздельно государственные и частные): количество служб, численность и национальный состав персонала, объем и эффективность услуг.
- (301) Клубы знакомств (раздельно государственные и частные): количество посетителей за год.
- (302) Брачные объявления в средствах массовой информации: перечень СМИ (с указанием периодичности и тиража для печатных изданий), общее количество объявлений за год.
- (303) Клубы, общества и ассоциации сексуальных меньшинств: перечень с указанием года регистрации, численность и национальный состав членов.
*
- (304) Магазины и пункты проката досугового инвентаря: количество, распределение по территории.
*
- (305) Перечень календарных праздников (в том числе религиозных и национально-традиционных).

- (306) Результаты (материалы) массовых социологических обследований региона.

А.А. Пископелъ

Конфликт: социокультурное явление и научное понятие

Где и когда бы не заходила речь о человеке, об отношениях между людьми, рано или поздно возникает и слово «конфликт», как бы фиксируя одно из наиболее характерных проявлений человеческой жизнедеятельности. Конфликт обнаруживают в отдельных планах «внутреннего мира» (души) человека и в межличностных отношениях детей и взрослых внутри организаций и между ними, в межэтнических и межгосударственных отношениях, в мирное и военное время. Неудивительно поэтому, что мы встречаемся с так или иначе оформленным *понятием конфликта* во всех «человековедческих» (гуманитарных) дисциплинах. Причем об удельном весе его можно судить хотя бы потому, что политическая социология США в 1960-х годах «распалась на два блока: "конфликтную школу" и "школу консенсуса"» (Преториус, 1991, с.139-142). Предпринимаются попытки создания общей «теории конфликта» и даже специализированной дисциплины — «конфликтологии».

Хотя конфликтам посвящено немало работ, разрабатывающих как концептуальное, так и в эмпирическом плане соответствующую проблемно-тематическую область, практически каждую из них сопровождает, если не мысль, то ощущение отсутствия общепризнанного понимания (определения) сущности конфликта, невозможности охватить единым понятием всю совокупность причисляемых к конфликтам социокультурных явлений. Чаще всего это ощущение находит выражение во всякого рода оговорках о неполноте и противоречивости подобных явлений и связывается со сложноорганизованным характером человеческого Я и самой социальной действительности. Соответственно и надежды в этом случае возлагаются на дальнейшее накопление и обобщение «знаний» о конфликтах и об «анатомии» человека и его мира.

Не отрицая правомерности подобных надежд, следует все же озобоиться вопросом: а не коренится ли большинство трудностей работы с понятием конфликта в самой установочной сфере познающего сознания явно или неявно определяющей сам характер ведущей концептуализации? Или, другими словами, не носят ли они, прежде всего и преимущественно методологический характер?

Для такого вопроса нетрудно найти заслуживающие внимания поводы. Один из них связан с различной трактовкой *смысловой* стороны конфликтности как социокультурного феномена в зависимости от присутствия/отсутствия *аксиологического модуса* при категоризации подобных явлений, т.е. в зависимости от того, рассматриваются ли подобные явления

объективированно как природо- и социообразные, а оцениваются лишь их результаты, или же с самого начала по отношению к ним осмыслена шкала таких оценок, как «полезное/вредное», «позитивное/негативное», «желательное/нежелательное».

В первом случае предполагается, что конфликты суть явления, неотделимые от общественной жизни, от борьбы интересов за власть и ресурсы, борьбы путем нейтрализации, нанесения ущерба и уничтожения соперника (Л. Коузер), а источники этого противоборства усматриваются в человеческой «природе» — в присущих человеку инстинктах вражды, агрессии и стремлении к эскалации насилия¹. «Естественное» отношение к конфликтам одновременно предполагает, что отнюдь не сами по себе, а только по своим последствиям они могут быть целесообразными или нецелесообразными, конструктивными или деструктивными (точнее сказать: только их последствия, а не они сами по себе). В них видят гарантии неизбежности социальных изменений и один из основных механизмов развития социальных систем (или духовного роста)².

Напротив, если аксиологический модус мыслится необходимо присущим конфликтам самим по себе, они неизбежно рассматриваются как нежелательные, разрушительные, вредные явления (социальной или душевной жизни).

В первом случае происходит генерализация понятия конфликта вплоть до отождествления его содержания с содержанием общеполитической категории «противоречие». Соответственно, везде, где обнаруживаются противоречия, их со- и противостояние и образует конфликт (ценностей, интересов, мнений, претензий, статусов и т.п.). Во втором случае имеет место та или иная его специализация, закрепляющая за понятием конфликта гораздо более узкую область социокультурных явлений, в рамках которой отнюдь не всякое противоречие есть конфликт, да и никакое противоречие *само по себе* им не является.

Какой же из двух подходов предпочтительней в деле разработки концептуальной базы и самой теории конфликтов. Речь идет именно о приоритете, а не о принципиальной возможности построения такой теории, ибо ни для первого, ни для второго подхода противопоказаний для построения соответствующей теории нет (хотя это «будут» теории разной степени общности).

У обоих подходов есть свои сильные и слабые стороны. Так, исповедуя «естественную» установку по отношению к конфликту, мы избавляемся

¹ Другим, более социологизированным, вариантом может быть представление общественной жизни, стоящей на «трех китах» — господстве, конфликте и подавлении (Р. Дарендорф). При этом источники конфликта ищутся в распределении властных отношений в обществе, в том, что одни имеют власть, а другие ее не имеют.

² Например: «В социальной напряженности выражается потребность в обновлении, изменении существующей жизнедеятельности, актуализированная, по крайней мере, у одной социальной группы. Конфликт — средство этого изменения» (Головкин, 1991, с.39-47).

от необходимости так или иначе решать проблему относительности ценностных суждений, вынося эту проблематику за непосредственные пределы теоретической схематизации. Но платой за это облегчение теоретической задачи становятся значительное расширение области явлений теории (а тем самым и уменьшение ее внутренней связности) и натурализация парадигмы гуманитарного знания³.

В то же время, хотя учет аксиологического измерения социокультурных феноменов как неотъемлемой компоненты такой парадигмы и уложивает теоретическую задачу, он суживает область проявлений конфликтности и тем самым позволяет более или менее однозначно определить и область ее предметной отнесенности.

Именно второй подход к проблематике конфликтности представляется нам более продуктивным. Его мы и будем иметь в виду в дальнейшем. Есть еще одно обстоятельство, которое так или иначе определило этот выбор. Оно связано с выделением центральной предметной области (область самосопряжения), в которой употребление понятия конфликта является наиболее органичным. У каждого научного понятия есть такая область, за пределами которой это употребление всегда обладает той или иной степенью метафоричности. Явное или неявное выделение такой центральной области предшествует любой продуктивной концептуализации.

В данной работе в качестве области самосопряжения конфликта мы выбираем *социальное действие*, а точнее, такую его видовую определенность, как *социальное взаимодействие*.

Каково общее понимание социального действия, из которого мы будем исходить как из некоторой концептуальной предпосылки? Для наших целей достаточно ограничиться тем представлением о социальном действии как исходном акте социальной активности, которое характерно для социально-философского и общесоциологического умозрения.

В контексте социально-философского истолкования социальное действие рассматривается как «элементарная клеточка» социальной реальности, которая («в себе») является простейшим и вместе с тем всеобщим способом существования и осуществления этой реальности и, в то же время, минимальным функциональным образованием, воплощающим основную ее сущностную характеристику (со- и противопоставление субъектной и объектной сторон действия).

В свете подобного истолкования социальное действие, будучи субъект-объектным опосредованием, всегда носит продуктивный, преобразовательный характер и является динамическим единством процессов «пред-

³ Кроме того, нам представляется, что связывать конфликты с общественным прогрессом это то же самое, что связывать здоровье человека с его болезнями. Конечно, после перенесенной болезни человек часто начинает усиленно следить за собой, закаляться, заниматься физкультурой и т.п. Но «заслуга» болезни лишь в том, что она заставляет осознать ценность здоровья и необходимость его поддерживать, но сама по себе она лишь подрывает здоровье. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

мечивания/распредмечивания». Причем под опредмечиванием здесь понимается процесс *воплощения* сущностных сил субъекта в объекте, а под распредмечиванием *присвоение* сущности (логики) объекта субъектом действия, превращение ее в его деятельную способность.

Основным условием продуктивности действия как минимальной социальной целостности при таком его понимании становятся такие особенности организационной связи субъекта и объекта в нем как *предметность* и *сознательность*.

Намеченные атрибутивные характеристики могут быть истолкованы в рамках структурно-функциональной модели действия, состоящей из четырех подсистем: 1) *объективно-предпосылочной*, включающей потребности и интересы субъекта; 2) *субъективно-регулятивной*, охватывающей идеальные побуждения, мотивы, цели; 3) *исполнительской*, включающей совокупность операциональных актов действия с использованием определенных средств осуществления цели; 4) *объективно-результативной*, воплощающейся в реальных продуктах действия (см. *Кветной*, 1974).

На таким образом очерченный горизонт понятия «социального действия вообще» мы и будем ориентироваться в данной работе. Социальное же взаимодействие есть действие, так или иначе распределенное между множеством субъектов и осуществляющееся за счет «обмена» продуктами или усилиями в процессе интегративного действия.

Каковы мотивы этого (предварительного) выбора? Вряд ли подлежит усомнению то общее предположение, разделяемое всеми, кто так или иначе обращался к исследованию конфликтности, что в ее основе всегда лежит то или иное *противоречие*, а значит и некоторое существенное *различие* в рамках некоторого *единства*. Вместе с тем, достаточно очевидно, что отнюдь не любое противоречие имеет смысл причислять к конфликтам. В частности, говоря о логическом противоречии между интеллектуальными духовными значениями, мы тем самым уже придаем им полную определенность. Категоризация этого противоречия как «логического конфликта» была бы просто тавтологией. Но и помещение такого противоречия в некоторое единое (внелогическое) «пространство», например, в индивидуальное сознание, также само по себе еще не рождает конфликта. Бывают состояния сознания или даже типы организации сознания, нечувствительные к таким противоречиям. И помещая моменты такого противоречия в разные сознания, мы также еще не обретаем автоматически конфликтную ситуацию, ибо носители этого противоречия могут никогда не узнать о существовании друг друга.

Каково основание подобных (предпосылочных) суждений, позволяющих до всякой подлинно понятийной проработки судить и рядить, что конфликтно, а что нет? Таким основанием в данном случае является пер-
вонинтуция, всегда связывающая конфликт с некоторым деянием, событийностью в некоторой динамичной и, следовательно, энергонасыщенной ситуации (это всегда борьба, спор, столкновение и т.п.). Наряду с противоречием, с противоположными моментами этого противоречия,

для конфликта необходимо, чтобы эти моменты были противоположно направленными *активностями* (силами), *несоосместимыми* друг с другом. Это, в свою очередь, предполагает и их ситуативную независимость (обособленность) и самодостаточность. Другими словами, стороны такого противоречия должны быть *субъектами* или *субъектными* (качествами принадлежности субъектов).

Все перечисленные выше «необходимости» присущи именно социальной взаимодвижению как виду социального действия, причем такому, в котором субъекты взаимодействия *противо-действуют* друг другу.

Сразу же хотелось бы подчеркнуть, что отнесение конфликта к сфере социального взаимодействия (противодействия) не столь сужает область явлений соответствующей теории, как это могло бы показаться на первый взгляд. В социальной сфере не существует каких-либо ограничений на степень интегративности субъектов социального взаимодействия и соответственно, коррелятивности (в смысле симметричности) его сторон. Существуют такие виды социального взаимодействия (например, судебно-правовые), в которых противодействующими сторонами могут быть отдельные люди и государства и т.д.

С другой стороны, такой подход не закрывает возможность использования понятия конфликта и по отношению к событиям «внутреннего мира» человека (хотя, конечно, выступает в качестве некоей объяснительной схемы).

В этом случае внутренний конфликт может быть истолкован как процесс субъективации («вокруг») отдельных противоположных образующих личности человека или, другими словами, как процесс функционального расщепления (раздвоения) личности, появления в ней *квази-субъектов* противодействующих друг другу в борьбе за восстановление утраченной целостности. Тогда именно то, что квази-субъективность таких процессов типологически воспроизводит в них черты социального действия, отличает их от внутренних, но природосообразных (психофизиологических) процессов типа, например, «борьбы» разных мышечных групп за овладение общим двигательным полем при построении движений. Ибо субъективация всегда предполагает консолидацию и объединение (внутренних) ресурсов вокруг некоего «ядра» и захватывает в свою орбиту всю личность⁴. Отсюда и драматизм внутренних конфликтов фрустрирующих человека.

Отнесение конфликтов к социальному *противо-действию*, подразумевает различение и противопоставление ему *со-действия* как противоположного и взаимоположного способа *взаимо-действия*. Конфликтом в таком истолковании является противодействие, развертывающееся в опре-

⁴ Используя здесь понятие субъекта (квази-субъекта), мы ориентируемся на ту традицию, в рамках которой «так называется под-лежащее, то, что как основание собирает все на себя. В этом метафизическом значении понятия субъекта нет вначале подчеркнутого отношения к человеку и тем более к Я» (Хайдеггер, 1986, с. 93-118).

деленном социальном пространстве — *конфликтной ситуации*, включающей в свой ареал предметные и субъектные условия (предпосылки) конфликтного взаимодействия⁵. Совокупность субъектных условий вступления в него — готовность — является формой выражения определенных *отношений*, предопределяющих сам способ социального взаимодействия, где со-действию соответствуют *кооперативные* отношения между субъектами социального действия, а противо-действию — *конфронтационные*.

Так или иначе определяя место конфликтного действия в «пространстве» социального взаимодействия, мы до сих пор оставляли в стороне аксиологическое измерение этого пространства, хотя и присоединились к «узкой» точке зрения на содержание соответствующего понятия. Мы будем использовать оценочное отношение к социальному действию прежде всего в форме противопоставления *кон-структивно-сти/де-структивности* действенных усилий субъектов.

Введенные выше различия могут быть использованы для создания *идеальной типологии* видов социального взаимодействия, одним из которых является конфликтное взаимодействие. Такая типология выступит одновременно и способом теоретического введения понятия конфликт, ибо она исчерпывает (в отношении привлекаемых оснований) все логически возможные экспликации типологически раскрываемого понятия. Следует также иметь в виду, что идеальный тип такой типологии является эквивалентом *категории* разумного мышления.

В соответствии с введенными выше различиями мы будем типологически отождествлять конфликт не просто с противодействием как формой социального действия, а с деструктивным противодействием, исходя из представления, что отнюдь не всякие противодействия и конфронтации являются общественно-вредными явлениями. Конструктивные же формы противодействия мы будем отождествлять с обобщенно (идеально-типически) понимаемой *конкуренцией*⁶.

В свою очередь, конструктивные формы социального содействия мы будем обобщенно (идеально-типически) отождествлять с сотрудничеством, а деструктивные формы социальной кооперации с сообщничеством.

⁵ Мы используем здесь термин «ситуация» как одно из понятий деятельностного (культурно-нормативного) подхода, где оно употребляется для экспликации понятия *акта деятельности* (см: Пископнель и др., 1986, с. 125-126). В этом случае в деятельности различается *предметная* и *процессуальная* стороны, где процессуальная сторона акта деятельности есть, категорически, *способ*, а предметная — *ситуация* деятельности.

⁶ В подавляющих случаях ценность конфликта усматривается в том, что он заставляет пересматривать сложившиеся, устаревшие и изжившие себя формы отношений между людьми и образ их действий. Конечно, деструктивные действия (к коим мы относим конфликт) всегда «отменяют» традиционный образ действий, но сами по себе они никуда не ведут. Конфликтные отношения и конфликт как образ действий являются непродуктивным развитием *кризисных отношений*. Кризис, в отличие от конфликта, есть продуктивное состояние рефлексии в условиях дефицитности наличных форм бытия и выбор способов ее *преодоления*.

В наглядной форме полученная типология представлена на рис. 1.

	<i>кон-структивное</i>	<i>де-структивное</i>
<i>со-действие</i>	сотрудничество	сообщничество
<i>проти-во-действие</i>	конкуренция	конфликт

Рис. 1. Типология социального взаимодействия

В чем смысл подобной типологии? Прежде всего появляется возможность отделить область конфликтных форм взаимодействия от других социокультурных явлений на вполне определенных, объективных основаниях. Рассматривая сложные виды социального действия (взаимодействия) через призму типологии, можно представить их в виде суперпозиции идеально-типических форм взаимодействия. Используя ее как топологическое «пространство социального действия», можно типологически проинтерпретировать разрешение конфликта как движение в этом пространстве от конфликтных форм взаимодействия к сотрудничеству (конструктивное содействие) или конкуренции (конструктивное противодействие) и т.д.

Тем не менее, типологическое описание есть еще феноменологическое по преимуществу, не дающее возможности понять «сути» явлений конфликтности, ибо в нем как бы выносятся за скобку то, что отличает конструктивное взаимодействие от деструктивного. Другими словами, кроме феноменологического необходимо так или иначе ввести в рассмотрение онтологический горизонт социальной реальности.

В разных социально-философских концепциях и направлениях различны и онтологические картины социальной реальности. Мы будем здесь ориентироваться на те из них, которые в качестве субстанционального начала (первичной абстракции, выполняющей роль главного объяснительного принципа) используют категорию деятельности, причем в том значении, которым она обладает в организационно-деятельностном подходе (характерном для так называемой системно-деятельностной методологии)⁷.

⁷ Нам, в первую очередь, важна исходная установка такого подхода, согласно которой «главной причиной, заставившей создавать понятие деятельности и конструировать соответствующий идеальный объект, была необходимость оправдать... соотносительные в мысли и в действительности связи таких разнородных предметов, как знания, операции, вещи, смыслы, цели, мотивы, сознание, значение и т.д.» (Щедровицкий, 1975, с. 72).

Однако непосредственное обращение к основным принципам этого подхода представляется здесь малопродуктивным. Целесообразность обращения к ним мы попытаемся продемонстрировать, анализируя определенную (модельную для нас) категорию форм социального взаимодействия, среди которой есть конфликтные и неконфликтные его виды.

Рассмотрим в качестве примера *спортивное единоборство* (борьба, бокс и т.п.), *дуэль* и такой способ «выяснять отношения», как *драка*. Что общего и в чем различие между ними?

Все это — разные, но генетически родственные формы поединка (физического противодействия) между людьми, реальным результатом которого является победа «сильнейшего» противника. Если принимать во внимание только физическую (биомеханическую) сторону взаимодействия, полностью отвлекаясь от социокультурной, то они практически неотличимы друг от друга.

При этом только в случае спортивного единоборства целиком совпадают цели и результаты поединка — оно является культурно-признанным способом определения физически сильнейшего противника в данном виде единоборства. Как окультуренная форма поединка оно социально ценно (конструктивно), т.е. выполняет определенную общественно полезную функцию, удовлетворяет целому ряду жизненных потребностей современного человека, будучи видом его физической культуры и эстетически (и эмоционально) насыщенным зрелищем.

В отличие от спортивного единоборства дуэль являлась определенным, культурно-признанным (субкультурным) способом разрешения морально-нравственного конфликта между представителями дворянского сословия (как правило, способом восстановления «чести и достоинства») — уважения и самоуважения).

В этом своем качестве дуэль выполняла несомненно конструктивную роль в деле воспроизведения дворянина (образа дворянина) как представителя военно-служилого сословия. Она культивировала такие сословные (и, следовательно, общественные) ценности и полезные качества, как дворянская честь, верность данному слову (присяге), мужество, владение оружием. Можно указать на многочисленные связи института дуэли со всем средневековым культурным универсумом (мировоззрением) — рыцарскими турнирами, идеей «Божьего суда» и т.п.

Характерно также, что закат института дуэли — это одновременно и закат самого дворянского сословия.

В отличие от спортивного единоборства и дуэли, драка является конфликтом и противоправным деянием и как таковая (за исключением необходимой самообороны одной из сторон в случае неспровоцированного насилия со стороны другой) сугубо деструктивна с социокультурной точки зрения, т.е. ценностно бессодержательна.

Это — как правило, спонтанное, нерегламентированное и неуместное поведение, опасное как для участников, так и для окружающих людей,

результаты которого непредсказуемы и сами по себе ничего не означают (не символизируют).

Именно для драки справедливы те психологические характеристики конфликтного поведения, которые связывают его с базовыми инстинктами агрессии и враждебности, садистскими наклонностями и жестокостью. И происходит это прежде всего потому, что здесь нет никаких препятствий для превращения внешнего поведения в орган канализации отрицательной, а часто и извращенной аффективности. Более того, сама драка легко становится способом поддержания, укрепления и развития нездоровой аффективности и асоциального характера личности, становясь компенсаторным способом поведения и формой ее (личности) самоутверждения⁸.

Другими словами, сугубая асоциальность (внекультурность) и, следовательно, опасность этой формы физического противодействия связана с тем, что его событийная сторона всецело определяется только личностными особенностями людей, принимающих в ней участие, и ничем более. Если аффективное содержание спортивного единоборства и дуэли всецело подчинено и организовано культурно-значимым образом (ритуализовано), то драка, наоборот, выступает как выражение и внешняя форма человеческой аффективности.

Таким образом, драка отличается от спортивного единоборства и дуэли прежде всего тем, что это — «игра без правил», где каждый сам себе устанавливает правила и сам же решает следовать им или нет. Отсюда спонтанность, ситуативность и незавершенность подобного противоборства самого по себе (это — уличный конфликт, который прерывается, но никогда не завершается, предел ему кладут, чаще всего, внешние обстоятельства).

Если рассматривать драку как модель конфликта вообще, то нетрудно заметить, что его отличает неинтегрированность в объемлющую надсистему на некоторых или на всех уровнях ее социокультурной иерархии (от идеально-ценностной до операционно-нормативной). Именно поэтому конфликт, как и всякое чужеродное образование, только деформирует «ткань» социальной жизни. И наоборот, именно укорененность в эту «ткань», соучастие в воспроизводстве определенного традиционного образа жизни отличает неконфликтные формы взаимодействия — спортивное единоборство и дуэль. Это соучастие обеспечивается культурной парадигмой (т.е. целостной системой взаимосогласованных культурных норм — регулирующих «правил»), организующей и поддерживающей определенные формы социального взаимодействия в том виде, в котором они обнаруживают свою ценностную природу и общественную полезность.

⁸ Здесь нет места для обсуждения отличия драки как формы асоциального поведения от таких внешне схожих, но имеющих другую природу явлений, как «жулачные бои», детские стычки и т.п. (во многом являющихся формой «дуэли»).

Именно культурно-нормативное истолкование природы социальных явлений и сущности самой *социальной реальности* и составляет особенность организационно-деятельностного подхода⁹.

В какой мере оправданы ожидания, что, отправляясь именно от культурно-нормативного истолкования сущности конфликта, можно прийти к нетривиальной, продуктивной теории конфликтов и практике их регулирования? Чтобы так или иначе ответить на подобный вопрос, взглянем на проблему конфликта с другой стороны, обратившись к одному моменту культурно-исторической психологической концепции Л.С. Выготского, относящемуся к проблеме генезиса воли и конфликту намерений.

Почему именно Выготского? Для этого есть ряд причин и прежде всего та, что в основу своего истолкования процессов психического развития он положил механизм *интериоризации* — превращения интерсубъективных (социальных) отношений в интрасубъективные, или, другими словами, механизм *социогенеза* высших психических функций.

Как известно, для противопоставления натуральных и культурных форм психической активности Выготский использовал идею *знакового опосредования*, ввел различение стимулов-объектов и искусственных стимулов-средств (знаков). При этом знак (стимул-средство) получил у него характеристику *психологического орудия*. А «существеннейшее отличие психологического орудия от технического — направленность его действия на психику и поведение, в то время как техническое орудие, будучи тоже выдвинуто как средний член между деятельностью человека и внешним объектом, направлено на то, чтобы вызвать те или иные изменения в самом объекте» (Выготский, 1983, с.78).

На широком историко-культурном материале Выготский описывает генезис культурных форм поведения, демонстрируя общий корень происхождения высших психических функций. В частности, описывая происхождение воли, он отправляется от некоей «единицы», с одной стороны, представляющей исходную, элементарную форму волевого акта, а с другой, сохранившуюся, рудиментарную форму такого акта. Другими словами, он ищет и находит такой *культурный прототип* (парадигму) поведения, который совмещал бы в себе наглядность примера с всеобщностью абстрактной схемы.

Для этого он использует идеальную конфликтную ситуацию «буриданова осла», когда существует два *равнопобудительных* стимула и нет никаких оснований предпочесть один из них другому. В этой ситуа-

⁹ Существует традиция, восходящая к Э. Дюркгейму, различать ценности культуры, относящиеся к целям человеческой деятельности, от норм деятельности как компонентов общественной структуры, ответственных за средства достижения целей и тем самым за утверждение ценностей в социальной жизни. В отличие от такого употребления, в русле организационно-деятельностного подхода категория нормы (культурной нормы) репрезентирует фундаментальную составляющую (единицу) «культуры» в ее противопоставленности составляющим «социума» (телосу социума). Ее функциональное назначение — воспроизводство социальной жизни как таковой.

ции гипотетический осел должен умереть от голода, не в силах совершить выбор, потому что не он владеет своим поведением, а поведение им.

Как же, с точки зрения Выготского, человек выходит из такой идеальной ситуации и принимает решение, не имея никаких оснований предпочесть одно намерение другому. По Выготскому, человек овладевает своим поведением (т.е. разрешает конфликт намерений), вводя опосредующий поведением культурный стимул-средство, позволяющий заменить принятое решение неким искусственным процессом, переводящим равновесную ситуацию в неравновесную.

В качестве такого средства он приводит известный прием «принятия решения» подбрасыванием монеты, когда одно решение чисто условно сочетается с выпадением «орла», другое — «решки».

Итак, механизм преодоления «внутренних конфликтов», по Выготскому, может быть представлен следующим образом¹⁰: так как внутри самой сложившейся конфликтной ситуации она «естественным» образом не может быть разрешена, то необходимо ее дополнить культурным механизмом, позволяющим ввести в исходную ситуацию принцип определения приоритета между несовместимыми интенциями.

Здесь происходит достраивание конфликтной ситуации, непосредственно не разрешимой, до новой, в которой с необходимостью происходит «выбор» одного из решений, т.е. неопределенная ситуация доопределяется. Причем «легитимность» обеспечивается внеситуативностью самого механизма доопределения, поскольку он никак не связан с содержанием исходного противоречия и является культурным образом выхода из подобной ситуации. «Согласие» же сторон обеспечивается здесь самой случайностью «выбора», не дающей никакого преимущества другой стороне (т.е. сохраняющей исходное равновесие конфликтующих сторон).

Если рассмотреть этот способ разрешения «внутренних конфликтов» через призму введенной типологии, то можно заметить, что он разрешает их, превращая конфликтные отношения между стремлениями в конкурентные.

Чем же отличается конфликт от конкуренции, т.е. деструктивное противодействие от конструктивного? Очевидно, тем, что во втором случае существует общественно-признанная культурная парадигма (культурная норма) противодействия, выступающая в качестве третьей, «незавинтересованной» стороны и включающая регулярный принцип определения «победителя». Наличие такого культурного стандарта означает со-участие конкуренции в воспроизводстве общественной жизни на правах одного из ее механизмов и тем самым ее функциональность и осмысленность.

¹⁰ Выготского непосредственно интересовал генезис волевого поведения, и конфликтную ситуацию он использовал в целях обнажения сути такого поведения. Усматривая здесь концептуальное содержание, относящееся к конфликту как таковому, мы выходим за пределы его собственной мысли, но остаемся, на наш взгляд, верны духу его идей.

Характерно, что в тех случаях, когда конфликт рассматривается как амбивалентное явление, именно *регулируемость* есть то качество, с которым связывается возможность позитивного влияния конфликта на общественную жизнь. С точки зрения такого подхода, «если им грамотно и умело управлять, то он может стать элементом организационного развития» (Барклянский, 1991, с.39-47).

Но ведь именно нерегулируемость и представляет собой основное содержание конфликта, ибо отсутствие культурной парадигмы означает дефициентность регуляторов конфликта как рационального и целенаправленного действия. Появление же таких регуляторов есть ни что иное, как превращение конфликта в другую форму социального взаимодействия, а именно, с точки зрения введенной типологии, в конкуренцию или сотрудничество субъектов взаимодействия. При этом конфликт может быть рассмотрен как композиционное взаимопересечение типологически различных форм взаимодействия, переход между которыми сугубо ситуативен, ибо зависит от «желания» лишь одной из сторон и в этом смысле нерегулируем.

Разрешение же конфликта есть преодоление «конкуренции» регулирующих механизмов и тем самым обретение взаимодействием направленности и целевой завершенности.

*

Мы рассмотрели самое общее представление о конфликте в условиях «социальной статики», где вполне уместно ограничиться типологическим подходом в силу очевидности различий между установившимися формами социального взаимодействия. Но как и всякое живое действие конфликт есть вполне определенный процесс, со всей совокупностью необходимых и достаточных условий и действующих лиц. Происхождение и становление этой формы взаимодействия, ее генезис из других, хотя и близких, но отличных по сути явлений всецело принадлежит сфере «социальной динамики». Учет социально-динамической точки зрения — следующий необходимый шаг на пути оргдеятельностного истолкования природы конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

- Барклянский Ю.А. Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом») // Социологические исследования. 1991. N12. С. 39-47.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.3. М., 1983. С. 78.
- Головкин В.А. Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом») // Социологические исследования. 1991. N12. С. 39-47.
- Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов, 1974.

- Пископнель А.А., Сергиенко С.К., Щедровицкий Л.П. К понятию индивидуальной деятельности в инженерно-психологическом проектировании. // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. Красноярск, 1986. С. 125-126.
- Преториус Р. Теория конфликта // Политические исследования. 1991. № 1. С. 139-142.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 93-118.
- Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., 1975. С. 72.

А.А. Пископелъ
Л.П. Щедровицкий

Слова, слова, слова...

*Вы можете назвать это бессмыслицей,
но уж если говорить о бессмыслицах,
слыхала я такие, по сравнению с которыми
в этой не один смысл, а множест-
во, — как у слов в словаре.*

«Ахиса в Зазеркалье»

«Ох, как не хочется ловить специалиста на слове и указывать на недостаточно продуманные, противоречивые формулировки!» — замечает вскользь В.А. Шнирельман в ходе дискуссии о месте и роли теоретической работы в этнографии (Шнирельман, 1992, с. 9).

Действительно, не хочется: дело то уж больно неблагоприятное. Но, с другой стороны, ведь если не ловить и не указывать, тоже ничего хорошего не жди. Специалист-то, как правило, ведущий, и его «недостаточно продуманные» формулировки — вещь далеко не безобидная. К тому же неряшливые, противоречивые формулировки — это прямое следствие отсутствия критики, рефлексии и чувства ответственности за сказанное. Поэтому предлагаем отнестись к замечанию В.А. Шнирельмана всерьез и совсем с иных позиций.

Можно ли поймать специалиста на слове?

Нам представляется, что только в двух и то явно «вырожденных» случаях: 1) если он не «специалист» в том вопросе, который обсуждает, и 2) если «недостаточно продуманные, противоречивые формулировки» есть следствие сложности, «противоречивости» самой обсуждаемой проблемы и носят скорее рабочий, чем окончательный характер, т.е. если выражение «поймать» не отражает сути дела. Иными словами, «ловить специалиста» — выражение, на наш взгляд, неудачное.

Нужно ли ловить специалиста на слове?

Ответ очевиден. Если перед нами только оговорки или скороговорки (как таковые, то, конечно, не нужно). Но, как показал нам З. Фрейд, за теми или иными оговорками зачастую скрыты неосознаваемые фундаментальные влечения, мысли и чувства человека, выходящие таким образом в такой (символической) форме на поверхность сознания. Поэтому «ловля специалиста на слове» только тогда обретает смысл, когда ищутся

и обнажаются стоящие за словом фундаментальные проблемы и противоречия в той или иной области научной деятельности, не всегда осознаваемые, но от этого не менее значимые для ее полноценного развития.

В этом случае (и с этой целью) «ловить на слове» и «указывать на недостаточно продуманные, противоречивые формулировки» суть прямые задачи всех участвующих в дискуссии и необходимые компоненты минимального научного развития. Но в процессе этой «ловли» еще предстоит доказать, что формулировки действительно недостаточно продуманы и противоречивы. Ведь автор формулировок имеет право на защиту своей позиции, равно как и право «додумать» и снять противоречие, если это возможно.

Таким образом, мы выступаем в защиту процедуры, именуемой «ловить на слове» (ЛНС), считая, что она представляет собой необходимую составляющую научного анализа и критики и что в большинстве случаев именно она позволяет нам определиться, где действительно перед нами проблема, а где «новое платье короля».

Предлагаем, в порядке «эксперимента», осуществить эту процедуру относительно к прелюбопытнейшей, на наш взгляд, дискуссии о теперешнем состоянии отечественной этнологии-этнографии, инициированной статьей директора Института этнологии и антропологии В.А. Тишкова (Тишков, 1992). Гипотеза, которую мы хотим проверить в ходе «эксперимента», очень проста: если вы действительно хотите понять ситуацию в той или иной области науки и выяснить степень компетентности/некомпетентности тех, кто активно действует в этой ситуации, применяйте процедуру ЛНС — богатый «улов» свидетельствует о том, что ситуация неблагоприятная, и наоборот.

Сама процедура ЛНС выстроена следующим образом: сначала фиксируется момент дискуссии, который мы для себя квалифицировали как «промах» (т.е. приводятся соответствующие формулировки); затем подобная квалификация обосновывается путем указания на внутренние (авторские) противоречия, и лишь после этого представляется и комментируется реакция тех членов сообщества этнографов, которые явным образом выразили свою позицию по обсуждаемому вопросу (хотя хронологически их реакция, конечно, предшествовала нашим замечаниям).

Итак, забрасываем наши «сети», а об итогах поговорим в конце.

1

Статья В.А. Тишкова называется «Советская этнография: преодоление кризиса». Однако заметим, что статья содержит два взаимоисключающих представления о том, что такое «кризис».

С одной стороны, утверждается, что «сделать нелегкое признание наличия самого кризиса, а не некоего "смутного времени", чрезвычайно тяжело, хотя, например, выдающийся французский историк Ф.Бродель

считал, что кризис есть нормальное состояние науки: наука, которая не ощущает кризиса, находится в состоянии стагнации» (Тишков, 1992, с. 7).

Но если «кризис» есть «нормальное состояние науки», то спрашивается, зачем его «преодолевать»? Преодолевать, согласно этому представлению, нужно не кризис, а стагнацию.

С другой стороны, под «кризисом» понимается как раз не нормальное, а патологическое состояние дисциплины: «Тело нашей науки больно, причем сразу несколькими болезнями» (Там же, с. 16).

Как же прореагировало на эту оценку научное сообщество этнологов-этнографов?

В статьях Е.И. Филипповой и В.Р. Филиппова (Филипповы, 1992, 1993) собраны любопытные высказывания маститых этнологов Москвы по сему поводу. Так вот, из 14 экспертов только семь (половина) согласились с тем, что «кризис» есть адекватная оценка ситуации. Для других такая оценка не столь очевидна. Приведем некоторые высказывания, которых, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы задуматься.

М.В. Крюков: «Термин "кризис" <...> к современному положению в нашей этнографической науке неприменим. Более точным было бы говорить не о внезапном кризисе, а о хронической стагнации» (Филипповы, 1992, с.5).

С.И. Брук: «Кризиса в отечественной этнологии нет. Происходит нормальная перестройка» (Там же, с. 6).

Л.М. Дробижина: «Оснований говорить о кризисе отечественной этнологии нет. Наоборот, она начала возвращаться к нормальному развитию науки, когда имеют место разные взгляды и направления, сторонники которых ведут открытую полемику» (Там же, с. 6).

В.В. Карлов: «<...> нет оснований говорить о кризисе отечественной этнологии в настоящий момент <...> она давно переживает "затяжную депрессию". Эта депрессия началась с 1950 — 1960-х годов, когда традиционная этнография себя почти исчерпала, а новые подходы к этнокультурной действительности наша наука еще не выработала, новый взгляд на свой предмет, особенно по отношению к бытию народов индустриального общества, так и не был найден» (Там же, с. 6).

Обратите внимание, что несмотря на явное расхождение мнений экспертов при оценке ситуации (хотя и по разным основаниям), Филипповы утверждают: «Результаты первого этапа исследований показали, что подавляющее большинство экспертов оценивают современное состояние нашей науки как кризисное или близкое к нему» (Филипповы, 1993, с. 3). Утверждение сие явно не следует из приводимых ими экспертных оценок.

Более того, этому утверждению противоречат и результаты обсчета представлений экспертов о «глубине кризиса» (Там же, с. 3-4): «средневзвешенное арифметическое значение» практически совпадает со значением 0 на шкале «упадок — расцвет» (при минимальном значении -3,5 и максимальном — +3), а это значит, что не было «подавляющего большинства» и что, наоборот, мнения разделились.

Еще один пример утверждения с неотрефлексированными основаниями: «Направления исследований, которые могут быть отнесены к фундаментальной науке, формированию ее теоретико-методологической базы а также изучение круга проблем, который принято называть "традиционной этнографией", отодвинулись в сложившейся ситуации на второй план» (Филипповы, 1993, с. 5-6).

На наш взгляд, и это утверждение грубо противоречит результатам исследования, поскольку при ранжировании приоритетов 18 направлений первые четыре ранга получили следующие направления (в скобках указан ранг): этническое сознание и самосознание (1); соционормативная структура и обычаи (2); межэтническое взаимодействие (2); комплексное системное изучение этносов (2); религия, верования (3); социальная организация этносов (4); теоретическая этнология (4).

Наше недоумение вызывает также отсутствие рефлексии по поводу целей и результатов исследования. Авторы статьи (а статья называется «Crede experto!») пишут: «Если в первой публикации мы стремились максимальной полнотой отразить все многообразие высказанных мнений, то на этом, завершающем этапе работы наша цель состоит в получении некоторой обобщенной, интегрированной точки зрения, количественной модели "состояния умов" российских этнологов» (Там же, с. 3). Неужели «глубина кризиса», представленная значением, близким к значению 0, есть «количественная модель "состояния умов" российских этнологов»?

2

«Полевая этнография, пожалуй, меньше всего пострадала от существовавшего режима, и накопленная специалистами информация, эмпирический материал продолжают выгодно отличать труды советских этнологов и антропологов от трудов специалистов по межнациональным отношениям, этническим конфликтам и т.д. из числа философов, социологов, политологов, экономистов, правоведов» (Тышков, 1992, с. 10).

Что означают формулировки «меньше всего пострадала» и «информация, эмпирический материал продолжают выгодно отличать»? По-видимому такие формулировки осмысленны только в том случае, если автор считает, что полевая этнография, хоть и пострадала, но не существенно настолько, чтобы ставить вопрос о принципиальной ущербности результатов. Но тогда совершенно непонятно впечатление автора, высказываемое им буквально через абзац и свидетельствующее именно о принципиальной ущербности трудов советских этнографов: «Читая труды советских этнографов, создается впечатление [не будем придираться к stylistике], что изучаемые ими народы живут в климатической эфемерной "вечного лета" и занимаются почти исключительно соответствующей зрительской деятельностью, ибо такова доминирующая сфера пример и описаний» (Там же, с. 11).

Заметим, что в рамках данной дискуссии такие взаимоисключающие формулировки не такое уж редкое явление. Вот несколько образцов таких «промахов»:

1. «<...> господствующие в политике и идеологии установки <...> оказали самое пагубное воздействие не только на теоретические позиции и выводы авторов, но, что значительно хуже, на полноту и объективность собираемого и публикуемого этнографического полевого материала. Однако если проанализировать большинство публикаций прошлых лет, основанных на полевых наблюдениях, предварительно выкинув из них то немногое, что было написано вынужденно, обнаружится чаще всего высокое качество, не уступающее так называемому мировому уровню, во всяком случае в соответствии с научными представлениями тех лет» (Марков, 1992, с. 4)

Как же так? Тут уж надо что-то одно: либо «пагубное влияние», либо «высокое качество»!

2. «А между тем советская этнография всегда особенно сильна была теоретической стороной своей деятельности. И я глубоко убежден в существенном в этом отношении превосходстве нашей этнографии-этнологии над зарубежной антропологией» (Марков, 1992, с. 5).

«Г.Е. Марков: "Никакой советской или антисоветской теории этноса не существует, и сама проблема "этноса", его реальности не совсем ясна» (Филипповы, 1992, с. 7).

Так была ли сильна советская этнография теоретической стороной своей деятельности или не была, раз никакой теории не создала?

3. «<...> стало ясно, что обсуждаться должна не теория этноса как таковая — она воспринимается большинством опрошенных как чисто умозрительная и в значительной степени схоластическая, — а комплекс фундаментальных теоретических проблем нашей науки» (Филипповы, 1993, с. 16-17).

Простите, а в чем разница между теорией этноса как таковой (со всем комплексом ее проблем — в том числе и с чисто умозрительными и схоластическими их решениями) и комплексом фундаментальных теоретических проблем?

4. «Предмет и границы этнографии были, естественно, определены <...> Так, С.А. Токарев <...> с присущей ему добросовестностью предупреждал: "Этнография, т.е. изучение быта народов, — наука с очень широкими и неопределенными границами <...>"» (Басилов, 1992, с. 7).

Так все-таки: были или не были определены границы этнографии?

5. «Разрушение этнографии "изнутри" начал и успешно проводил академик Ю.В. Бромлей, занимавший пост директора Института этнографии с 1965 по 1989 гг.» (Басилов, 1992, с. 7)

«<...> его деятельность на посту директора принесла Институту и немало хорошего <...> Другой человек в кресле директора мог бы вообще свести этнографию на нет» (Там же, с. 7)

Что же тогда выступает в качестве критерия «успешности» разрушения?

3

В.А. Тишков утверждает: «<...> у этнологии и антропологии есть свой отчетливый предмет — это изучение народов и культур, их взаимодействий, анализ сложившегося социального феномена — этничности, а также свой отчетливый метод — это основанная на включенном наблюдении полевая работа и приемы анализа культурных явлений <...> Я рассматриваю этнографию как цеховую основу дисциплины, как метод собирания знания и важнейшую форму его текстуализации. Этнография — это прежде всего то, что ученый делает в поле» (Тишков, 1992, с. 8-10)¹.

В этом утверждении несколько смущают слова «прежде всего». Надо ли понимать это выражение в том смысле, что полевая работа, хотя и представляет собой один из главных участков этнографической работы, но есть и другие — отличные от полевой работы — участки, также полноправно входящие в тело этнографии, или «прежде всего» означает, что любая работа ученого должна включать полевую работу и с нее начинаться?

В.А. Тишков считает, что «утонченная книжная компиляция никогда не заменит добытого с помощью этнографии первичного знания, никакие метатеоретические или критико-историографические рассуждения не заменят мягко и скромно сформулированных теоретических заметок на полях собственных полевых дневников» (Там же, с. 11).

Здесь мы должны отметить, что свое несогласие с позицией В.А. Тишкова выразили многие, в том числе В.И. Козлов, И.С. Кон и В.А. Шнирельман. Однако в отличие от них мы видим свою задачу не в том, чтобы возразить В.А. Тишкову, а в том, напоминая, чтобы «поймать его на слове», и поэтому должны придерживаться своей собственной логики анализа его высказываний. Поэтому, соглашаясь с ним в том, что никакая компиляция, никакие абстрактные рассуждения никогда не заменят «мягко и скромно сформулированных теоретических заметок на полях собственных полевых дневников», мы хотим выяснить его точку зрения на другой вопрос: а заменят ли последние (заметки на полях собственных дневников) научные труды, основанные не на собственной полевой работе?

И получаем положительный ответ на наш вопрос: В.А. Тишков утверждает, что научные труды на основе чужих полевых работ — «вторичное интерпретаторство» — «можно назвать худшим вариантом книжной ис-

¹ Нам представляется весьма симптоматичной идея «собрания знаний», как будто знания растут в «поле» как картошка, а не вырабатываются самими этнологами-этнографами. Картошку, конечно, в кабинете не соберешь, и хочешь не хочешь за ней надо отправиться в поле (или в магазин).

ториографии, вторичной социально-культурной антропологией, но только не этнографией» (Там же, с. 11). А по сему он предлагает следующий оптимальный рецепт относительно «формы текстуализации» собранного в поле знания (напоминаем, что, по В.А. Тишкову, этнография есть «метод собирания знания и важнейшая форма его текстуализации»): «Что касается жанра, то самым распространенным в мировой науке является авторская монография о той или иной общине, обстоятельное исследование которой раскрывает социально-культурный механизм жизнедеятельности коллективов, а значит и облик всей этнической группы» (Там же, с. 12).

Таким образом, мы имеем полное право на следующее уточнение исходной формулировки. Этнография (по В.А. Тишкову) — это то, что ученый прежде всего делает в поле и что потом он оформляет в виде авторской монографии. Но поскольку авторская монография — это конечный продукт работы, то отсюда следует, что этнография как «цех» (т.е. как форма производства) полностью реализует «основанную на включенном наблюдении полевою работу и приемы анализа культурных явлений» и тем самым обеспечивает «изучение народов и культур, их взаимодействий, анализ сложнейшего социального феномена — этничности».

А отсюда формально следует, что «этнология и антропология», согласно В.А. Тишкову, по своему «отчетливому предмету» и по своему «отличительному методу» тождественна «этнографии как цеховой основе дисциплины», или, другими словами, реально не проведены различия между дисциплиной и ее «цеховой основой».

Отметим, что именно в этом В.А. Тишкова «упрекает» и В.Н. Басилов. Однако он обсуждает вопрос, исходя из того, что есть «на самом деле». Мы же, в отличие от В.Н. Басилова, исходим исключительно из «слов» самого В.А. Тишкова по этому поводу.

Здесь необходимо сделать еще одно замечание. Понятие «цеховой основы дисциплины» автоматически выводит нас в область «производства» и «организации и управления» им. В этом случае «этнология» должна предстать не столько как «тело», обладающее специфическими «предметом» и «методом», сколько как структура, включающая блоки «производства знания» и «управления производством знания». Тогда любой сотрудник администрации Института этнологии конечно же является «этнологом», не будучи «этнографом» (т.е. человеком, интерпретирующим свои собственные наблюдения).

Теперь обратимся к реакции сообщества этнологов (этнографов).

В.И. Козлов: «Мне достаточно понятно почти восторженное отношение В.А. Тишкова к польской этнографической работе, дающей оригинальную информацию, но я не понимаю его явно пренебрежительного отношения к аналитически-творческой деятельности <...> Информация, собранная в поле, хотя и отражает специфику этнографических исследований, но сама по себе не обеспечивает должный уровень решения той или иной проблемы; для этого требуется аналитическая подготовка и,

повторяю, аналитические способности исследователя» (Козлов, 1992, с. 6-7).

И.С. Кон: «По мнению В.А. Тишкова "книжные", "вторичные" работы и метатеоретические рассуждения практически не нужны, потому что они "не заменят" полевых исследований. Но при чем тут вообще "замена"? А делать хорошие полевые исследования, не зная современного состояния и истории науки, из чего вытекают ваши исследовательские задачи, можно? Историография и обобщающие работы были, есть и будут важной автономной частью любой науки <...> Речь должна идти не о жанре, а о качестве работы. Одно дело — поверхностная компиляция или набор идеологических клише и совсем другое — серьезная аналитическая работа. Это даже странно объяснять, поскольку В.А. Тишков сам много занимался историографией <...> Наука — дело коллективное. Мамы всякие нужны, мамы всякие важны. Лишь бы они были хорошими и добросовестными» (Кон, 1993, с. 5).

В.А. Шнирельман: «Разумеется, без выверенных фактических полевых данных любая теория — ничто, но и безоглядная ставка на одну лишь полевую работу не выведет нас на новый уровень понимания происходящих процессов, не обогатит наш аналитический арсенал ничем, кроме в лучшем случае неких комментариев. Стоит ли напоминать, что этнологическая работа требует кросскультурного анализа? В то же время, обрешиваясь на "теоретиков-схоластов" и "компиляторов" (интересно было бы узнать, кого именно имеет в виду автор), В.А. Тишков фактически в принципе отрицает необходимость сравнительных исследований. Но можно ли всерьез изучать важные региональные и/или глобальные процессы, основываясь лишь на собственном полевом материале? Можно ли всерьез критиковать выводы ученого, исходя из иного рода данных, полученных в другом регионе и в другой исторической обстановке? И наконец, как совместить свертывание теоретических исследований в институте с одновременным переименованием его в Институт этнологии?» (Шнирельман, 1992, с. 12).

В.Н. Басилов: «<...> у этнологии волею В.А. Тишкова обозначен "свой отчетливый предмет". Но ведь не десятки, а сотни достойных уважения предшественников, вдохновенно и плодотворно трудившихся на ниве этнографии, полагали, что изучение народов, их культур и проч. есть предмет этнографической науки. Как, оказывается, просто декларировать рождение новой сверхнауки! Нужно всего лишь изъять у уже существующей предмет исследования. На языке непопулярного нынче марксизма это называлось экспроприацией.

У этнологии и антропологии, продолжает В.А. Тишков, есть и "свой отличительный метод <...>". И вновь остается лишь развести руками. Метод полевой работы "включенным наблюдением" <...> до сих пор считался — да нет, был — достоянием этнографии. Сам В.А. Тишков в этой же статье объявляет этнографией "прежде всего то, что ученые делают в поле". Так как же можно делать вид, что у этнографии этого отличитель-

ного метода нет и приписывать его вновь конституируемой этнологии?» (Басилов, 1992, с. 10).

Заметим, что хотя В.Н. Басилов и обрушивается на В.А. Тишкова с критикой, в действительности их расхождение носит скорее терминологический, чем содержательный характер: В.Н. Басилов категорически против переименования дисциплины, а в остальном — и это отмечает В.А. Шнирельман (Шнирельман, 1992) — их позиции весьма близки.

4

«Нелегко, — говорит В.А. Тишков, — преодолеть в основе своей позитивистские постулаты в гегельянско-марксистской упаковке о существовании научно отражаемой объективной реальности, в том числе таких реальных исторических образований, как социально-экономические формации или этносы (субэтносы, суперэтносы или метаэтносы). Трудно перейти на позицию (а, возможно, этого и не следует делать всем дружно), что этносы, как и формации, есть умственные конструкции, своего рода "идеальный тип", используемый для систематизации конкретного материала, т.е. они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов.

А что же есть? — возмущается привычный к позитивистскому порядку (не зря эта методология столь любима в тоталитарных обществах!) ум исследователя. И не является ли отрицание этносов отрицанием предмета науки? В действительности же, на мой взгляд, есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры. На их основе и формируется во времени этничность, которая преобразуется в метафорическую форму представлений об общности прошлого и будущего членов той или иной группы. Эту метафору, приняв ее за "таксономическую данность", романтические позитивисты из академической среды, а вслед за ними другие интеллектуалы и политики, ретроспективно наложили на разного рода прошлые образования и на нынешние культурные и политические процессы с характерной для них сложной (порой жестокой), во многом иррациональной и мифотворческой игрой в этничность» (Тишков, 1992, с. 7-8).

Мы согласны с В.А. Тишковым, что нелегко преодолеть «позитивистские постулаты». Более того, мы думаем, что это намного труднее, чем ему самому представляется. Ибо «некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» есть безусловно «умственная конструкция» В.А. Тишкова, и в этом своем качестве она ничем не отличается от других конструкций типа «этнос — есть совокупность людей...».

Так что зря, на наш взгляд, В.А. Тишков столь резко противопоставляет себя «романтическим позитивистам из академической среды», принимающим метафору за «таксономическую данность».

«Эту метафору -обвиняет В.А. Тишков — наложили на разного рода <...> образования и <...> процессы». Но ведь именно это и следует делать с теоретической моделью, чтобы выяснить, насколько она работает. Критика должна была бы состоять в том, что отечественная «теория этноса» не работает: не объясняет, не предсказывает, не годится в качестве основания для практической деятельности. Но еще прежде этого теорию можно и нужно проверить на внутреннюю осмысленность и непротитивельность речивость.

Какова же была реакция сообщества этнографов на данный эпатаж?

Сначала приведем суждения оппонентов по поводу «позитивистских постулатов»².

Весьма убедительно «ловят» В.А. Тишкова на отсутствии рефлексии в вопросе о «позитивистских постулатах» С.В. Соколовский и В.А. Шнейерман.

С.В. Соколовский: «Не свободной от образцов "технологии властвования", порождаемых все той же позитивистской парадигмой, оказалась и работа, давшая начало дискуссии, — как иначе можно понять гневную и безадресную филиппику против неких сотрудников "этнологического центра", "не владеющих базовым знанием, теорией и методом" этнологии, если не как образчик "методологического диктата". Столь же резкий выпад против "вторичного интерпретаторства" тоже, как мне представляется, противоречит постмодернистским симпатиям его автора, и здесь <...> скорее в самом характере реплики, являющейся перифразом того самого элитарно-официального стиля, в соответствии с которым "ученые должны, призваны, обязаны" <...> Противопоставление теории "поля", "скромных заметок на полях полевых дневников" — "метатеоретическим и критико-историческим рассуждениям" представляется странным <...> главным образом потому, что, как и два приведенных выше

² Тема их «развенчания» — одна из центральных в статье В.А. Тишкова. Противопоставление «охранительному стилю мышления» в нашей академии демократизм западной науки, он пишет: «За подобной этикой, особенно утвердившейся в современной западной науке, стоит просто более высокая общегражданская культура и приверженность академической свободе и новая постмодернистская гносеология, представления о природе познания, об истине <...> Современный доброкачественный релятивизм, понимание высокой степени ситуативности самой природы этнографического описания <...> освобождает ученых от претензий объективистского позитивизма, создают в научной среде атмосферу свободного выбора вместо идеологии "как всем известно", "бесспорного факта", или "верной точки зрения"» (Тишков, 1992, с. 5-6). При этом тон его высказываний подчас весьма резок: «Не успев вкратце подлинных академических свобод, не избавившись от надменной претензии на "научное руководство обществом", не излечившись от порочной страсти к социальной инженерии, главное, — не успев очистить интеллект от вьезшихся постулатов "единственно верного учения" и не пополнив его новейшим гуманитарным знанием, интеллектуалы охотно взяли на себя роль новых духовных лидеров, зачастую совмещая эту миссию с работой профессиональных политиков» (Там же, с. 17).

примера, разрушает исходную интерпретативную установку, связываемую с проникновением в этнографию идей постмодернизма.

Призыв к обстоятельной и вдумчивой полевой работе сам по себе не может вызывать возражений, но когда он сопровождается недоверием к "рассуждениям" <...> то мы вправе диагностировать индуктивный стиль мышления — опору позитивистских постулатов» (Соколовский, 1993, с. 13).

В.А. Шнирельман: «Стремление к необоснованным генерализациям коренилось в особенностях менталитета индивидов, воспитанных в условиях тоталитарного режима, менталитета, склонного считаться только с большими масштабами, признававшего только такие широкие социальные категории, как класс, этнос, половозрастные группы, и не привыкшего учитывать интересы небольшой населения или общины или даже отдельной личности. Отсюда и получившая у нас популярность манера критики путем огульных обвинений целых групп, слоев, классов без учета реальной роли тех или иных индивидов. Все это идет от отсутствия уважения к личности, которое воспитывалось десятилетиями господства государственных интересов. К сожалению, не избежал этой прискорбной традиции и В.А. Тишков, обрушивший разом и на "теоретиков-схоластов", и на полевых этнографов, и на "компиляторов", а заодно и оптом на представителей отдельных наук — историков, правоведов, социологов и пр. И у меня есть серьезные основания полагать, что многие из безвинно попавших под огонь этой массивированной критики по меньшей мере просто пожмут плечами, ибо воспроизводимые автором популярные среди западных антропологов идеи о роли этнического самосознания, о ситуационной этничности, об относительности этнологических знаний не только хорошо известны всем тем, кто читает западную литературу (а таких у нас не так уж мало), но в той или иной форме уже поднимались и обсуждались нашими специалистами. Так что затронутый автором вопрос об этике ученого действительно весьма актуален и заслуживает серьезного обсуждения, которое, думаю, еще предстоит. Пока же следует отметить, что не может быть нормальной этики во взаимоотношениях между рабом и рабовладельцем, между помещиком и крепостным, иначе говоря, в условиях правового неравенства между индивидами, занимающими разные ступеньки иерархической лестницы, которая все еще определяет нашу деятельность» (Шнирельман, 1992, с. 14-15).

А теперь приведем суждения оппонентов по поводу «умственных конструкций».

М.В. Крюков: «<...> сформулированная В.А. Тишковым концепция страдает катастрофической непоследовательностью. С одной стороны, этносы (народы) существуют лишь в головах этнографов, но с другой — "у этнологии и антропологии есть свой отчетливый предмет — это изучение народов и культур". Народ, этническая группа оказывается не просто хаотическим континуумом отдельных элементов, но и некой реальностью, к которой может принадлежать или не принадлежать сам эт-

нограф и с которой он призван вести диалог. Когда же речь заходит о "этническом кодексе профессиональных этнографов", в головах которых собственно и возникает народ как сугубо искусственный конструкт, выясняется, что исследователь должен помнить о трех заповедях: "Возвращая народу полученные от него же информацию и знание, а) не навреди ему, б) не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ, в) не берись за функции самого народа".

Идей связующая нить здесь явно распадается, и я, откровенно говоря, не могу предложить способа соединить их; потому мне сдается, что автору данной концепции, говоря его же словами, не грозит печальная перспектива завершить свой путь в науке "не испытав удовлетворения был опровергнутым своими коллегами и учениками"» (Крюков, 1992, с. 80-81).

В.А. Шнирельман: «<...> за годы перестройки в Институте этнографии были ликвидированы все отделы, сотрудники которых специализировались на аналитической работе. Тем самым и без того хлипкая теоретическая основа нашей отечественной этнографии оказалась еще больше подорванной. И только в этой атмосфере стало возможно объяснять специалистам, что, мол, социально-экономические формации суть не реальные исторические образования, а своего рода "идеальные типы". А кто из профессионалов-аналитиков и когда представлял себе это как-либо иначе? Но надо действительно иметь за плечами большой опыт теоретической, аналитической работы, чтобы понимать роль научных абстракций, уметь соотносить их с живой реальностью, сознавать, как она отражается в научных представлениях» (Шнирельман, 1992, с. 12)³.

Кто и как себе это представлял — это, на наш взгляд, особый вопрос. Но мы полагаем, что формулировки В.А. Шнирельмана, во-первых, и кажутся тезис В.А. Тишкова, а во-вторых, и это главное, уводят нас в сторону от сути проблемы.

Очевидно, что острый тезис В.А. Тишкова направлено на понятие «этнос», а не на понятие «социально-экономическая формация». Последнее привлекается им по аналогии, как средство разъяснения своей позиции. А значит, по нашему разумению, В.А. Шнирельман как профессионал-аналитик должен был бы обсуждать позицию В.А. Тишкова в связи с его трактовкой именно этноса, но он почему-то от этого уклонился.

Более того, вопрос ведь не в том, «идеальный» ли это тип и «неидеальный», «умственная» ли это конструкция или «неумственная» в том, насколько адекватно понятие описывает реальность: есть «такое в реальности или нет (и разве не это фиксирует В.А. Шнирельман, утв

³ Что касается нас, то мы не можем претендовать на роль профессионалов-аналитиков, поскольку убеждены, что конкретные социально-экономические формации есть реальные исторические образования, но естественно в рамках соответствующей концепции (другими словами, мы являемся несправными онтологизаторами).

ждая, что «надо понимать роль научных абстракций, уметь соотносить их с живой реальностью?»).

Так вот В.А. Тишков — мы не знаем хотел он этого или не хотел⁴ — фактически сказал следующее: этносы существуют исключительно в головах этнографов, а в действительности (реальности) ничего, соответствующего этому представлению («умственной конструкции») нет; в действительности (реальности) есть другое, а именно: «некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры».

И вопрос В.А. Шнирельмана требует в этой связи переформулировки: кто из профессионалов-аналитиков представлял себе это именно так, а не иначе?

Но пока что нам известны только три ответа.

1. А.С. Арутюнов: «...я не могу согласиться с предположением, что "этносы, как и формации, есть умственные конструкции", что "они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов" (с. 7). Формаций можно выделять пять, шесть, три, и это может зависеть от задач, от подхода, и давать в любом случае интересные и полезные результаты. Это не вызовет, например, массового возмущения у японцев, относимых в средние века к феодальным народностям, а в середине XIX в. — к формирующимся буржуазным нациям <...> А вот выступление японского премьера, заявившего, что в Японии нет национальных меньшинств, сразу же вызвало бурный протест айнских организаций, невзирая на их слабость и малочисленность. Это не "умственные конструкции" никак не могут поделить Пригородный район в Северной Осетии, не могут наладить мирное сосуществование в Южной Осетии! И "умственное конструирование" абхазов как субэтнуса мегрелов, а мегрелов как отдельного от грузин этноса, не изменит сложившихся линий политического противостояния, хотя и вызовет дополнительные страсти» (Арутюнов, 1993, с. 10-11).

К тезисам А.С. Арутюнова у нас масса претензий.

Во-первых, в рамках примеров, используемых А.С. Арутюновым в качестве аргументов, утверждение «нет национальных меньшинств» некорректно сопоставлять с утверждением «формаций можно выделять пять, шесть, три». Это категориально разные утверждения. Более или менее сопоставимым, на наш взгляд, было бы утверждение типа «отменяется частная собственность». Какое из этих двух сопоставимых утверждений — «нет национальных меньшинств» или «отменяется частная собственность» — вызвало бы более бурный протест — вопрос особый.

⁴ В.А. Тишков: «В "Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie" (Paris, 1991) термин "этнос" вообще отсутствует. Мне, как сравнительно недавнему рекруту в нашу дисциплину, трудно комментировать этот вопрос: лучше послушать тех, кто занимался теорией этноса ряд последних десятилетий» (Филиппов, 1992, с. 7).

Во-вторых, обсуждая понятие «этнос», некорректно апеллировать к примерам по поводу «национальных меньшинств».

В-третьих, и по В.А. Тишкову отнюдь не «умственные конструкции» никак не могут наладить мирное сосуществование, а «некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры». Вот что «есть в действительности» по В.А. Тишкову. И если С.А. Арутюнов не согласен с этим и считает, что на самом деле никак не могут наладить мирное сосуществование не «континуумы» В.А. Тишкова, а «явления, основанные всецело на совокупности диахронных связей»⁵, то ведь это вопрос концептуальных предпочтений, а предпочтение само по себе не делает конструкцию С.А. Арутюнова менее «умственной».

В-четвертых, примеры с «умственным конструированием» по поводу абхазов, мегрелов и грузин, с одной стороны, и эрзи и мокши, с другой, внутренне противоречивы, так как в первом случае утверждается, что «умственное конструирование» в принципе не может изменить политического противостояния, а во втором — может.

В-пятых, апелляция к «политическому противостоянию», «бурному протесту», «страстям», «политической вредности» и т.д. очень далеко уводит разговор от обсуждения сути оппозиции «умственная конструкция — реальность». Точно так же уводят в сторону и аргументы типа «не ведут себя как этносы». Для того, чтобы всерьез обсуждать этот вопрос, необходимо предварительно определить, как могут или не могут вести себя «явления, основанные всецело на совокупности диахронных связей».

2. И.С. Кон: «Главная беда нашего обществоведения, как справедливо заметил В.А. Тишков, заключается в том, что мы постоянно онтологизируем собственные категории, приписывая им самостоятельное существование, тогда как в действительности все они — более или менее условные конструкты, имеющие прежде всего эвристическую ценность, помогающие нам осмыслить и организовать наш жизненный опыт и научный материал <...> Между тем онтологизация этнических категорий, представление, что этносы и их свойства существуют объективно, независимо от нашего и какого угодно другого сознания, а мы только отражаем и описываем их, не только философски наивно, но и идеологически опасно.

Есть люди, которые искренне верят, что этносы и их культуры создаются не общностью исторической судьбы и культурного наследия, а кровью <...>» (Кон, 1993, с. 3-4).

Но ведь, сколь бы разными не были два представления о том, как создаются этносы и их культуры — «общностью исторической судьбы и культурного наследия» или «кровью» — они оба суть онтологизации. И в связи с этим позиция И.С. Кона предстает весьма неопределенной: то ли

⁵ «Представляется, что этникос следует рассматривать именно как явление, основанное всецело на совокупности диахронных связей...» (Арутюнов, 1989, с. 34)

вообще онтологизация категорий наивна, то ли это относится лишь к этническим категориям, то ли «общность исторической судьбы и исторического наследия» не есть этническая категория ...

3. А вот реакция М.В. Крюкова: «Сегодня ситуация вновь изменилась. Прежняя уверенность в том, что методологическим основанием этнографической науки как области знания является теория этноса существенно поколеблена. Все чаще высказывается опасение по поводу того, что кошки, которую мы так долго искали в темной комнате, там вообще никогда не было. Раньше мы были уверены, что кошка реально существует; оппоненты допускали, что она есть плод ее собственного воображения; теперь сформулирована еще одна точка зрения: кошка — не более чем абстрактная идея, возникшая в умах исследователей (Крюков, 1992, с. 80).

5

«На смену традиционной этике колониальной антропологии "улучшать управление", дожившей в советской науке до сегодняшнего дня, приходит другая этика, сочетающая сложный баланс порою противоречивых установок и целей. Как сочетать, как минимум, три ипостаси: служение научной истине, политику и заботу о том, чтобы "не навредить"? Как быть, если обнародованное "чистое знание" способно нанести политический ущерб изучаемой группе? Может ли этнолог, изучающий другую культуру и народ, быть инициатором революционных перемен в жизни своего субъекта? Простого ответа на эти вопросы не существует, иначе они не относились бы к категории этических проблем» (Тишков, 1992, с. 13).

Начнем с утверждения, что «простого ответа на эти вопросы не существует». Оно представляется нам несостоятельным, поскольку сам же В.А. Тишков дает четкие и, главное, «простые» ответы на поставленные им вопросы. Цитируя М. Фуко⁶, В.А. Тишков фактически признает, что избравший «служение научной истине» от одной «ипостаси» сразу же избавляется: «планы, тактика и цели (т.е. политика! — А.П., Л.Щ.) являются делом тех, кто ведет борьбу», для «интеллектуала» же позиция политика «безусловно неприемлема».

Столь же просто решается вопрос и с «заботой о том, чтобы "не навредить"»: «Сомнительным, на наш взгляд, представляется тезис, что сфера межнациональных отношений — особо деликатная, и неосторожные высказывания и оговорки могут привести к непредсказуемым реакциям и

⁶ «И здесь перед советскими этнологами встает, пожалуй, самый главный вопрос. Он когда-то был задан выдающемуся французскому философу и антропологу М. Фуко: "Как Вы видите роль интеллектуала в практике воинственных действий?" И вот что он ответил: "Интеллектуалу не предстает играть роль советника. Разрабатываемые и принимаемые планы, тактика и цели являются делом тех, кто ведет борьбу <...> Топологическое и геологическое обследование поля боя — в этом заключается роль интеллектуала. Что же касается позиции "Вот то, что вы должны делать", то она безусловно неприемлема"» (Тишков, 1992, с. 19).

даже открытым конфликтам <...> Но это, как показывают последние события, далеко не так. Никакие, даже самые острые высказывания ученых, не вызвали такой бурной и действительно взрывной реакции, как полугласность в прессе, недостаток информации, сеявшие ложные слухи и взаимные подозрения. Ссылка на деликатность долгое время служила одним из обоснований обета молчания и бездумного приукрашивания действительности, оправданием для тех ученых, кто не хотел или боялся писать об острых проблемах. Поэтому полная гласность, особенно когда речь идет о позиции ученых, — одно из неперемennых условий обновления в наших исходных позициях. Причем гласность, обязательный компонент которой — честность и открытость в изложении своих концепций, их целей и возможных результатов» (Тишков, 1989, с. 75).

Так что остается всего одна этика — этика ученого, грамотно делающего свою работу. Если же В.А. Тишкова интересует этика политика, а не этнолога (этнографа), то это безусловно особый вопрос, но и ставить его надо в другом контексте.

От себя добавим, что «этика, сочетающая сложный баланс порою противоречивых установок и целей» — это никакая не «этика», а самое банальное политиканство.

«Как быть, если обнародованное "чистое знание" способно нанести политический ущерб изучаемой группе?». Но ведь это лжепроблема: «чистое знание» может нанести ущерб группе только в том случае, если политические цели группы ущербны, если у нее никуда не годная политика. А, следовательно, обнародование этого «чистого знания» пойдет на пользу изучаемой группе. При условии, конечно, что это действительно «чистое знание», а не псевдознание, полученное на основе «сложного баланса порою противоречивых установок и целей».

В.А. Тишков считает, что этические проблемы «чаще всего <...> встают перед наиболее опытными работниками и глубокими аналитиками: ведь чем тоньше и беспощаднее анализ, тем чаще он оказывается уязвим по этическим нормам, ибо вступает в конфликт с бытовым уровнем представлений, политическим фольклором и эмоциональным мифотворчеством интеллектуалов, господствующими в среде изучаемых групп» (Тишков, 1992, с. 13).

Возникает вопрос: что же это за нормы такие, по которым чаще всего оказывается уязвимым именно «тонкий» и «беспощадный» анализ, т.е. анализ подлинно научный? В.А. Тишков дает ответ на этот вопрос, приводя основные заповеди некоего «кодекса», который он называет «этическим кодексом профессионального этнографа»: «Возвращая народу полученные от него же информацию и знание, — а) не навреди ему, б) не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ, в) не бери на себя функции самого народа» (Там же, с. 18).

И хотя мы совершенно теряемся в догадках, что могло бы значить выражение «возвращая народу полученные от него же информацию и знание», одно совершенно ясно: «тонкий» и «беспощадный» анализ с этой

этикой несовместим, а, следовательно, если всерьез принимать эти «заповеди», то и недопустим.

Как мы уже отметили, В.А. Тишков придал своим этическим императивам статус «заповедей из этического кодекса профессиональных этнографов». При этом адресовал он их ученым-политикам, избравшим «вместо академических штудий политический активизм и государственную деятельность». И в этой связи нельзя пройти мимо реакции на эти «заповеди» самих профессиональных этнографов, пребывающих в рамках как раз «академических штудий».

В.И. Козлов: «Приведенные В.А. Тишковым применительно к таким случаям заповеди из какого-то «этического кодекса профессиональных этнографов» по отношению к народу, которому они якобы возвращают полученные от него знания, — «не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ» и «не бери себе функций самого народа» (с. 18) — показали мне несколько странными, так как в них наука фактически подчиняется обыденному сознанию <...>. Идея обсуждения этического кодекса этнографа (этнолога) применительно к теперешней этнически обостренной жизни кажется привлекательной, а потому должен сказать, что, по моему мнению, никакие популистские соображения не должны препятствовать исследователю выявлять истину, не должны подрывать основы самой науки. Как говорил А.С. Пушкин: «Зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли нам равно?..» (Козлов, 1992, с. 9).

И.С. Кон: «Кстати сказать, заповедь В.А. Тишкова этнографу «Не формулируй проблему там, где ее не видит сам народ» (с. 18), если принять ее буквально, делает этнографическую науку бесполезной: ученый будет только повторять иллюзии народа на собственный счет, вместо того, чтобы смотреть вперед и видеть именно проблемы, а не просто клише массового сознания» (Кон, 1993, с. 4).

С.А. Арутюнов: «Этнограф, изучающий конкретный народ, этически обязан быть на стороне этого народа в любой его конфронтации с силами более высоких уровней. Он обязан постараться довести до понимания этих сил правоту претензий народа, недопустимость и потенциальную вредность силового давления на него. И в этом смысле непонятной остается ссылка В.А. Тишкова на высказывания М. Фуко (с. 18, 19). Для кого мы должны вести «топологическое исследование поля боя»? Для тех, кто намерен наступать на позиции национального меньшинства? Вот это действительно неприемлемо. И во многих случаях наш долг будет состоять именно в том, чтобы, вопреки предостережениям Фуко, сказать обеим сторонам: «Вот то, что Вы должны делать» (Арутюнов, с. 11) ⁷.

⁷ Вряд ли так явно сформулированные здесь С.А. Арутюновым принципы — 1) принцип презумпции правоты любых претензий «народа» и 2) принцип политической ангажированности этнографа — нуждаются в каких-либо комментариях.

* * *

По-видимому, уже пора ставить точку и подводить итоги «эксперимента». Что же удалось нам «выловить» в пространстве этой дискуссии с помощью ЛНС, улавливающей только «промахи»?

Анализируя дискуссию через призму ЛНС можно констатировать:

1. «Промахи» в дискуссии отнюдь не редкость, а скорее весьма распространенное явление.

2. Большинство «промахов» имеет «методологический» характер: они есть следствие употребления клише и штампов; предпочтения многозначных обыденных слов понятиям; непонимания оппонента; натуралистических взглядов; отсутствия рефлексии и т.п.

3. Контекст «промахов» указывает на отсутствие интенции на проблематизацию.

Эти результаты представляются нам принципиально важными и требующими специального обсуждения. Они указывают, что необходимо обратить особое внимание на методологическую составляющую дисциплины и в явном виде зафиксировать методологические (или шире — концептуальные) позиции членов сообщества этнологов (этнографов).

И последнее. Статья В.А. Тишкова, инициировавшая обсуждение, необычайно многотемна. При этом, однако, в ней нетрудно усмотреть желание автора связать все тематические нити в один узел, выявить как бы комплекс тех нравственных, организационно-политических, идеологических и методологических пороков профессионального сообщества и самой дисциплины, которые послужили причиной стагнации. Свою статью В.А. Тишков рассматривает как начало «строгого критического анализа прошлого», «общественного покаяния», «обстоятельного разговора о будущем дне и повестке на будущее», приглашая коллег включиться в эту работу.

Что же высветили, на наш взгляд, сама статья В.А. Тишкова и реакции на нее со стороны заинтересованных оппонентов? Каковы те узловые теоретико-методологические вопросы, по которым нет подлинного взаимопонимания среди этнологов-этнографов и без ответа на которые не приходится надеяться на благополучное разрешение «кризиса-стагнации» отечественной этнографии?

Первый и может быть главный из них — это вопрос о современном понимании смысла и значения научно-познавательной деятельности в ряду других видов и форм социально значимой мыследеятельности вообще и о специфике ее концептуально-операционального содержания в дисциплинах гуманитарного цикла (прежде всего в самой этнографии).

Вторым является вопрос об основном историческом наследии (или бремени?), доставшемся нам от советской этнографии — «теории этноса», т.е. вопрос о реальном категориальном статусе, концептуальном и эмпирическом содержании, социальном значении этой «теории» для современного состояния науки.

И, наконец, третий вопрос этого круга — вопрос о сущем и должном во взаимоотношениях этнолого-этнографического сообщества с «внешним» окружением, о его влиянии на структуры и функции социальных институтов и разные формы общественного сознания.

Анализируя позиции В.А. Тишкова и его «собеседников», мы сознательно оставили в стороне ряд затронутых ими тем и мотивов, а именно те, которые относятся к сфере личной этики и нравов. В объяснение этому, а также пользуясь представившимся поводом, объясним наше отношение к популярной ныне теме «общественного покаяния».

Слова эти часто употребляются всеу и без ясного понимания их смысла. «Покаяние» в точном смысле слова — будь то изначальный церковный или расширительный нравственный смысл — есть действие, во-первых, личное, и, во-вторых, обязательно конкретное. Иначе говоря, каяться можно единственно в том, что ты лично дурного сделал, а если речь идет о зле, сотворенном сообща, то — в твоём личном вкладе в общее злодеяние. Общественное покаяние в этом точном, неметафорическом смысле есть нелепость, и притом вредная, так как ведет к размыванию личной ответственности.

Слова «общественное покаяние» иногда бессмысленно употребляют-ся как метафора, но делать это нужно, как нам кажется, осторожно, оговаривая или как-то давая понять то, какое содержание предлагаемого или ожидаемого общественного действия при этом имеется в виду.

Мы предлагаем для обсуждаемой ситуации такое понимание: общественное покаяние для научной дисциплины и ведающего ею научного общества есть критический анализ и пересмотр своих оснований — методологии и основных понятий, т.е. то, что называется рефлексией. Разумеется, необходимость рефлексивной работы необязательно связывать с освобождением от тоталитарного режима и его воздействия на науку, но в такой момент и в ситуации сознаваемого кризиса метафорическое осмысление этого акта как покаяния представляется оправданным. Главное здесь — чувство меры, не позволяющее превратить тотальную критику тоталитаризма в свою противоположность — новую индугенцию на теоретико-методологическую невнятицу.

Кстати сказать, наше метафорическое использование слова «покаяние» в ладу со смыслом того греческого слова, переводом которого это русское слово является: μετανοια буквально значит «поворот ума».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
 Арутюнов С.А. Преодоление какого кризиса? // ЭО. 1993. №1. С. 8-14.
 Басилов В.Н. Этнография: есть ли у нее будущее? // ЭО. 1992. №4. С. 3-17.
 Козлов В.И. Между этнографией, этнологией и жизнью // ЭО. 1992. №3. С. 3-14.

- Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // ЭО. N1. С. 3-8.
- Крюков М.В. Обсуждение статьи З.П.Соколовой // ЭО. 1992. N3. С. 78-85.
- Марков Г.Е. О бедной науке замолвим слово... // ЭО. 1992. N5. С. 3-7.
- Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // ЭО. 1993. N3. С. 3-14.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. N1. С. 5-20.
- Тишков В.А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // СЭ. 1989. N1. С. 73-89.
- Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // ЭО. 1992. N6. С. 3-17.
- Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Crede experto (Отечественная этнология сегодня и завтра) // ЭО. 1993. N5. С. 3-11.
- Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. N5. С. 7-18.

В.Р. Рокитянский

Чего ждать от постмодернистской этнографии?

*Постмодернизм! Хотя слова дико,
Но мне ласкает слух оно.*

В первом номере за 1992 год «Этнографического обозрения» напечатана статья В.А. Тишкова «Советская этнография: преодоление кризиса». Мое внимание остановили три тезиса этой статьи.

В первом утверждается, что существует связь между тем, как этнография трактовала свой предмет (эту трактовку автор называет «диктатурой националистической парадигмы»), и этническими конфликтами последних лет (Тишков, 1992, с. 17-18).

Согласно второму тезису в основе теоретической работы, которая велась последние десятилетия в советской этнографии, лежало методологическое заблуждение — реификация теоретической конструкции, «этноса» (приписывание ему объективной реальности) (Там же, с. 7-8).

Наконец, в третьем тезисе провозглашена необходимость смены познавательной стратегии или методологической парадигмы, лежащей в основании этнографических исследований. Речь идет об отказе от «объективистской» (или «позитивистской») парадигмы и принятии (давно принятой в западной науке) «постмодернистской» (Там же, с. 6).

Меня эти тезисы несколько взволновали. И тревожным напоминанием о возможности близкодейственной связи между тем, как мы мыслим, и жизнью, такими ее обстоятельствами, как кровь и смерть. И обращением к методологическому фундаменту науки. И указанием на смену парадигмы, имеющую, как стало, впрочем, ясно в ходе последующего исследования предмета, не только эпистемологический и далеко не только внутридисциплинарный смысл.

Что такое постмодернизм (справка)¹

"Постмодерн" — это обозначение настроений или, лучше сказать, состояния ума.

Жан-Франсуа Лиотар

Термин «постмодернизм» или, как иногда говорят, «постмодерн»², появившись в литературной критике, за короткий срок получил широчайшее распространение и безгранично широкий культурологический смысл. Этим он разделил судьбу таких давно сложившихся искусствоведческих категорий, как классицизм или барокко. Термины этого рода в современной литературе употребляются для обозначения и характеристики духа или стиля эпохи, или же, иными словами, совокупности неких базовых установок сознания, свойственных творческим людям этой эпохи, составляющих смысловую и мотивирующий фундамент творчества в различных (в пределе — во всех) областях жизнедеятельности. Так понятый, постмодернизм есть, с одной стороны, констатация некоторого поворота в общественном сознании, а, с другой, провозглашение задачи такого поворота, своего рода постмодернистская программа для человечества.

Содержание этой программы можно следующим образом представить в проекциях на различные измерения культуры.

Постмодернизм в познании есть радикальная критика рациональности, отрицание прогресса, кумулятивности в научном познании, осмысленности совокупных усилий по выработке единой научной картины мира.

Постмодернистская эстетика — это отрицание единой и обязательной к признанию иерархии ценностей, отказ от оппозиций элитарного и массового, сакрального и профанного, это — совмещение и переключки стилистически разнородного.

¹ В нижеследующей общей характеристике постмодернизма как явления культуры я опирался, прежде всего, на переведенный с немецкого обзор В. Вельша в журнале «Путь» (Вельш, 1992). Среди других публикаций на эту тему по-русски можно указать на статьи В. Малахова в словаре «Современная западная философия» (Малахов, 1991), З.Баумана в «Вопросах социологии» (Бауман, 1992), О. Вайнштейн в «Апокрифе» (Вайнштейн, 1993). Библиография постмодернизма на других языках необъятна. Для вхождения в курс дела весьма удобна изданная в Сеуле антология, где собраны все основные работы, в которых формулировались, дополнялись, корректировались и оспаривались представления о постмодернизме (Кит, 1991).

² Когда эти термины пытаются разграничить по смыслу, то «постмодерн» рассматривают как наименование эпохи (она же — «постиндустриальное общество»), а «постмодернизмом» называют характерные для эпохи тенденции в культуре (Вельш, 1992, с. 136, пояснение переводчика; Schulte-Sasse, 1986-87, с. 6).

По отношению ко всей сфере практической деятельности речь идет об отказе от гегемонистской, насильнической, управленческо-преобразовательной установки в отношении к миру, природному и социальному, которая сменяется установкой экологической, сберегающей, диалоговой.

В проектировании этот поворот описывается как отказ от «сильной» (т.е. отчетливо и эксплицитно прописанной, жесткой) проектности в пользу «слабой», от системного проектирования в пользу средового (экологического), от функционализма в пользу «фикционализма».

Поясним эти оппозиции. Отказ от системного проектирования в пользу средового означает отказ от притязаний на рациональное переустройство мира в соответствии с нашими желаниями и замыслами. В духе экологического движения в целом средовый подход в проектировании проявляется в уменьшении масштабов проектируемых изменений и придании им самим изменчивости; постановка проектной задачи как *проектирования среды* означает нацеленность на сохранение возможно большей свободы для человека, которому предстает в этой среде жить и действовать. Взаимодействие человека с его средой мыслится (и проектируется) не на языке функций, а на языке смыслов, ценностей, образов, воспринимаемых и переживаемых человеком, который соотносит с ними свой образ жизни (Сидорина, 1987; Курьева, 1987). Противопоставляя функцию «фикцию» (это слово не имеет здесь русского значения «обмана», «подделки», а означает «вымысел»), постмодернистские теоретики архитектуры (в частности, цитируемый В. Вельшем директор Музея архитектуры в Германии Г. Клоц) отстаивали для нее право не руководствоваться «чистой целесообразностью», «возможность творить выдуманное». «Готический собор <...>, писал Клоц, никогда не был бы создан в эпоху функционализма» (Вельш, 1992, с. 120).

Важно еще и другое: те, кто сейчас теоретизируют о проектировании, обычно имеют в виду не только традиционные сферы приложения проектного подхода и проектных методологий, такие как архитектура, техническое проектирование и дизайн, но и то обстоятельство, что в нашем веке происходит экспансия проектного подхода на все сферы социокультурной практики, становление и самоосознание этого подхода как глобального, как проектного аспекта функционирования и развития культуры в целом. О «проектности» говорят как об «определяющей стилиевой черте современного мышления», о «проектировании как способе существования» (Сидоренко, 1984, с. 87; Генсаретский, 1987, с. 49). В качестве законного объекта проектирования обсуждают социальные системы и их составляющие; проектирование таким образом становится социальным проектированием с размыванием границ между ним и политической мыслью. Отсюда, в частности, с очевидностью следует очевидная релевантность новых представлений о проектировании для этнологии.

Примечательно также, что в отечественных работах, посвященных проектной культуре (см., помимо вышеназванных публикаций, также Генсаретский, 1988 а, б) можно, с одной стороны, обнаружить развитие идей до некоторой степени гомологичное постмодернизму, а с другой стороны, рецепцию некоторых постмодернистских идей и отвержение или преобразование других. Если же вспомнить об очевидно «модернистском» характере системного проектирования, разработка которого составила содержание предыдущего этапа развития проектной методологии, то и здесь можно констатировать проявление общей логики довершения/преодоления модернизма постмодернизмом.

К теме «фикции», «вымысла» я вернусь при обсуждении проявлений постмодернизма в других областях. Но уже здесь можно заметить — сказанное выше о расширении жизненного пространства проектности подсказывает это — что об «освобождении от чистой целесообразности», о правах и ценности «выдуманного» можно говорить применительно к любым человеческим действиям, индивидуальным или коллективным. Причем это может быть актуальным как в аспекте их проектирования (замышления, планирования, обоснования), так и в аспекте их восприятия — о чем я буду говорить ниже при обсуждении проблем критики научного познания. Слишком многое в культуре взламывает модели, основанные на целесообразности, будучи в них втискиваемо.

«Постмодерн радикально плюралистичен, и не из-за поверхностного подхода или безразличия, но благодаря сознанию бесспорной ценности различных концепций и проектов» (Вельш, 1992, с. 129). Причем, — и в этом новое в постмодернистском повороте сравнительно со свойственной «модернизму» Нового времени изначально критической, демифологизирующей установкой — постмодернизм не нацелен на преодоление плюрализма, на все новые и новые попытки восстановления Целого, нет, это — «форсированный плюрализм, воспринимаемый не как обременительная уступка, а рассматриваемый и активно реализуемый как положительная задача [выделено мной. — В.Р.]» (Вельш, 1992, с. 130). В частности «пост-», помимо и в раскрытие чисто хронологического значения «после», можно усмотреть два смысла, связанных, соответственно, с двоящимся пониманием «модернизма». Это, во-первых, смысл противопоставления рационализму Нового времени, о котором уже шла речь, и, во-вторых, смысл *доведения до логического предела* как критической, рефлексивной работы в рамках Нового времени в целом, так и более специфически, *доведения* начинаний «модернизма» XX века. В последнем случае понятие «модернизм» объединяет модернистские, или авангардистские, новации в искусстве и литературе со всяческими неклассическими предприятиями в естественных науках и математике, в социальной, политической, культурологической и философской мысли (Вельш, 1992, с. 130-133).

Для понимания того пафоса, с которым отстаиваются радикализм и критический дух постмодернизма и его родство с модернизмом («он совпадает с модерном XX столетия, отличаясь от него лишь интенсивностью: то, что впервые было выработано этим модерном в высших эзотерических формах, постмодерн осуществляет на широком фронте обыденной реальности» (Там же, с. 132-133)), нужно учитывать то обстоятельство, что как философская разработка идей постмодернизма, так и их критика происходили в среде западных марксистов и потому с неизбежностью приобретали и политический смысл. В постмодернизме был усмотрен отказ от антибуржуазного духа, присущего модернизму (авангарду) XX века, и в большем историческом масштабе от того «проекта современности» (Habermas, 1991), который берет начало в деяниях Французской революции и в идеях Просвещения.

О самоограничении науки (заметки на полях постмодернистской критики разума)

*Проблема науки не может быть
познана на почве науки.*

Фридрих Ницше

Прежде, чем приступить к рассмотрению постмодернистской альтернативы в гуманитарных науках и, в том числе, в этнографии, я хочу внимательнее всмотреться в суть познавательных задач и притязаний науки и обсудить вопрос об основательности этих притязаний.

Но еще прежде сделаю одно замечание, касающееся упоминаний о постмодернизме в статьях отечественных авторов. В упомянутой статье В.А. Тишкова и развернувшейся вокруг нее дискуссии, о «постмодернистской парадигме» говорится в оппозиции к парадигме «позитивистской» или «объективистской» (Тишков, 1992; Соколовский, 1993 а, 1993 б). Ввиду неоднозначности последних терминов это не вполне внятно. Судя же по контексту, в котором начинается разговор о постмодернизме применительно к отечественной этнографии, новый подход мыслят как антитезу наивному реализму (натурализму), что, с моей точки зрения, искажает смысл происходящего поворота, сводит его к повторению уже пройденного. В соответствии с притязаниями постмодернистского движения в целом новую парадигму правильнее рассматривать в оппозиции к зрелой форме научной методологии, усвоившей и переработавшей результаты критики науки. Логику этого оппонирования я и попытаюсь выстроить.

Без обсуждения, как давно доказанный, можно принять вывод о ложности наивно-реалистической позиции (по крайней мере, в науках о человеке) со свойственным ей «гносеологическим оптимизмом», верой в достижимость вполне объективного, безотносительного к исследователю знания о внеположной по отношению к последнему и от него независимой реальности. Обратимся к тому, что рождается из восприятия критики научного знания методологией науки.

Средство исцеления познания (да и всякой деятельности) от наивности (незащищенности от искажений) — это рефлексия, отдавание себе отчета в каждом производимом действии, сознательное его выполнение и, как следствие, возможность его фиксации в эксплицированной форме и последующего воспроизведения. Соответственно, методологический ответ на критику научного познания состоит в систематическом учете искажающих факторов и в управлении ими путем специальной организации условий и процедур познания. Классическим примером методологического решения проблемы достоверности *опытного* знания является хрестоматийный метод планирования эксперимента и экспериментального контроля. Не останавливаясь на его слишком хорошо известном содержании, ограничусь важным для моих целей соображением: суть планирования эксперимента состоит в *самоограничении*. Надежность получаемых ответов обеспечивается путем уточнения и упрощения ставимых вопросов. Напомню, однако: чтобы результаты, полученные в искусственной экспериментальной ситуации, были истинным знанием о той непрепарированной реальности, ради познания которой мы прибегаем к эксперименту, они должны быть валидными, т.е. *релевантными* этой реальности, быть *про нее*. Умозрительно правдоподобное заключение, что, чем сложнее реальность, тем меньше она доступна экспериментальному изучению, вполне подтверждается беспомощностью экспериментальных методов в изучении общества и культуры.

Доминирующей формой научного исследования в гуманитарных и социальных науках является теоретическое исследование, процесс которого

может быть представлен в виде трех логически последовательных этапов, которые я назову эвристическим (выработка концепции, понятия, модели), дискурсионным (логический анализ концепции, выявление следствий) и верификационным (проверка валидности путем совмещения концепции с реальностью, использование первой для объяснения последней). Последний этап, частным случаем которого является экспериментальная проверка гипотезы, часто осуществляется умозрительно, что ускоряет получение теоретических результатов и (в идеале) избавляет от дорогостоящих последствий испытания теории практикой.

Для меня в этой связи наиболее важно то, что и в этом случае достоверность знания обеспечивается посредством самоограничения. В самом деле, важнейшим для методологической рефлексии моментом является граница между эвристическим и дискурсионным этапами: выносимая на обсуждение концепция (понятие, модель) должна подаваться экспликацией без остатка, она должна быть очищена от всего подразумеваемого, интуитивного, от каких-либо остатков неконцептуализированного опыта или отсылок к самой реальности. Предметом дискурсии является, таким образом, не сама реальность, а ее схематическое представление³.

Каким образом теоретическое исследование, следующее принципам указанной методологии, оказывается неуязвимым для критической де-струкции? А дело в том, что вся критика обращена на происходящее *за пределами* области обязательной рефлексии, публичности и, стало быть, ответственности теоретика, — на то, что происходит на эвристическом и отчасти верификационном этапах.

Понятно, что все, что связано с искажающим влиянием самого исследователя, действует лишь на этапе выработки концепции, во внутренней творческой лаборатории, и как таковое не обсуждается, поскольку предметом обсуждения является готовая концепция.

Несовершенство представленной на дискурсионном этапе концепции — в том числе и вызванное упомянутыми искажающими факторами — должно проявиться на этапе верификации. Но здесь вступает в силу мощное защитное средство, основанное опять же на самоограничении. Методология признает относительность научного знания, более того, она утверждает его *зависимость от той практической задачи, для решения которой оно ищется*. В рассматриваемой научно-методологической парадигме знание всегда *для чего-то*, оно функционально. А потому знание, которое успешно «работает» в рамках практики, для обслуживания которой оно добывалось, признается истинным — даже если с какой-то другой точки зрения оно предстает искажающим реальность.

³ В этой связи совершенно понятно то центральное место, которое заняли рисованные схемы в технологии методологической работы, которая была выработана в рамках отечественного методологического движения, инициированного Г.П.Щедровицким, — наряду с магнетонной фиксацией всех обсуждений как средством, обеспечивающим условия для тотальной рефлексии производимой работы (дискурсионного и верификационного этапов).

Здесь требуется оговорка. Разумеется, сказанное не означает, что развитие науки признается всегда и впрямую подчиненным задачам практики; будь так, не было бы разницы между наукой прикладной и фундаментальной. Важно, что в рамках рассматриваемой методологии научного познания притязания теории на истинность основаны на удостоверенной или ожидаемой ее эффективности в практике обращения с исследуемой реальностью как с такой, которая подчиняется установленным в теории закономерностям.

В чем состоит гносеологический оптимизм науки и общества в целом в отношении науки? Что позволяет считать науку небезнадежным предприятием? Ответить можно так: убеждение в том, что *известное науке больше, весомее, важнее того, чего она не знает*. И что то же самое можно сказать про каждый достаточно крупный этап в научном познании: *приобретенное ценнее упущенного*. Это и есть основание для того, чтобы рассматривать научное познание в целом как процесс асимптотического приближения к истине — несмотря на скачки, тупики и зигзаги эмпирической истории научного познания.

Следующий вопрос: на чем основано это убеждение? Мы знаем, что внутри самой науки нет критериев истинности научного знания; методология науки отсылает нас к практике. Но ведь практика не есть нечто от нас независимое: в соответствии с нашим опытом и предрассудками мы отбираем (препарируем) практику, на которую потом полагаемся. Можно, скажем, без труда подобрать такие виды практики, которые послужат для обоснования самых разных представлений о человеке — как о логической машине, животном или даже камнеподобном теле (подтверждая, например, последнюю антропологическую концепцию практикой падения людей с высоты).

Более того, дело не только в случайных ограничениях практики, не позволяющих на нее положиться. О взаимоотношениях науки и практики можно сказать нечто более важное: через посредство основанных на науке технологий осуществляется такое систематическое преобразование мира, которое онтологизирует научные концепции, воплощая их в действительности вместе с присущими этим концепциям ограничениями, приобретающими статус действующих (квазиестественных) закономерностей. Мы, иначе говоря, живем в мире, сформированном в соответствии с научной его картиной⁴. Последствия этого тем более ощутимы, чем более

⁴ Прекрасный пример такого преобразования дает Хайдеггер: «На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она ставит реку на производство гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергостанции со своей электросетью. В системе взаимосвязанных последствий поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого. Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроены старые деревянные мосты, веками связывающий один берег с другим. Скорее, река встроена в электростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставщик гидравлического напора, благодаря существованию электростанции. Чтобы хоть отдаленно измерить чудовищность этого обстоятельства, на секунду задумаемся о контрасте,

глубокой и масштабной становится преобразующая деятельность человека.

В этом месте я предлагаю оглянуться на пройденный отрезок пути и сделать два рефлексивных наблюдения. Во-первых, критика научного познания по мере своего разворачивания оказывается обращенной не на частные версии этого познания, преодолеваемые по мере усвоения критики, а на *научно-исследовательскую парадигму как таковую*. Во-вторых, предмет этой критики не то, что в науке есть, не то, какова она, а то, *чего в ней нет, чем она не является*. Вправе ли мы подходить к науке с такой критикой? По адресу ли она?

Отвечая на этот вопрос, обратим, прежде всего, внимание на то, что сказанное ранее о науке не может относиться к науке в смысле любой частной научной дисциплины. Частная наука потому и частная, что со-общает частичное знание об объекте, выделяя в нем свойственный ей предметный срез. Остающееся за пределами предметной области подведомственно другим областям познания.

Пожалуй, можно понимать в рассматриваемом контексте «науку» как науку в целом, как сумму научных знаний и совокупную деятельность по их добыванию, т.е. в том смысле, какой это слово имеет, к примеру, в словосочетании «научная картина мира». Наука в таком смысле притязает на познание мира в целом, и указание на возможность упущения чего-то важного в этом случае релевантно. Именно наука в целом и есть объект философской критики, одним из этапов и поворотов которой явился постмодернизм.

Анализ философской критики науки (ключевая фигура здесь несомненно М. Хайдеггер) выходит за пределы настоящей статьи. Здесь же — в порядке обозначения темы возможного обсуждения в будущем — поставлю несколько вопросов.

Откуда, из какой позиции возможна критика науки, научного познания мира в целом? Предлагалось несколько вариантов ответа. Первый, «из философии», уводит в проблематику, связанную с природой и статусом самой философии, философского знания. Ограничусь здесь лишь важным в плане разворачивания настоящего рассуждения замечанием: философия жива своей неокончателюстью, незамкнутостью, готовностью к постоянному пересмотру своих оснований, к самопреодолению — тем качеством, которое неким особым образом увидел и высветил постмодернизм. Эта незамкнутость, нетождественность себе есть сущностное качество самого предмета познания, мира в целом, и оно же есть требование к такому познанию, которое было бы адекватно своему предмету. Ему не удовлетворяет принципиально замыкающая себя в жестких границах наука.

Далее: незамкнутость философии проявляется, в частности, и в ее неотделенности от обыденного опыта, от «жизненного мира», обыденной, нетерминологической речи и т.п. Это напоминает об исторически первом варианте внешней по отношению к науке позиции: это позиция обыденной практики и так называемого «здорового смысла». С точки зрения этого здравого смысла наука уточняет и подправляет то, что в основных своих чертах «очевидно», и правдоподобие (неудаленность от очевидного) может тогда служить

звучащем в этих двух названиях: «Рейн», встроенный в электростанцию для производства энергии, и «Рейн», о котором говорит произведение искусства, одноименный гимн Ф.Гельдерлина. Нам возразят, что Рейн ведь все-таки еще остается рекой среди своего ландшафта. Может быть, но как? Только как объект, предоставляемый для осмотра экскурсионной компанией, развернувшей там индустрию туризма» (Хайдеггер 1986, с. 52).

Чего ждать от постмодернистской этнографии?

показателем отсутствия крупных заблуждений — позиция, которой тем меньше оснований придерживаться, чем дальше расходятся научные и обыденные представления, повседневный опыт и искусственный мир научного эксперимента.

И, наконец, существует еще одна позиция; это позиция *методолога* в том смысле, какой придается этому слову в отечественном Методологическом движении. Я отдаю себе отчет в том, что методологическая (в этом смысле) позиция по рассматриваемым в этой статье вопросам отличается от моей, и считаю, что она безусловно заслуживает самого тщательного рассмотрения. Более того, проводимое рассуждение, привлекаемые аргументы во многом адресованы именно методологам и даже являются прямым продолжением реальных дискуссий в рамках этнометодологического семинара и за его пределами. Я, однако, не нашел возможности напрямую сделать системоделятельную методологию науки предметом своего рассмотрения как по причине обширности этого предмета и его заведомой несоразмерности теме статьи, так и по недостаточному знакомству с ним. Ограничусь одной констатацией: то, что мне на данный момент удалось услышать и разглядеть в методологии по рассматриваемому вопросу, не убедило меня в правомочности методологической защиты науки от постмодернистской критики. «Наукоподобие» (в методах и средствах) методологии при одновременной претензии на внешнюю и высшую по отношению к науке позицию («сомасштабную жизни») подобно философии и здравому смыслу вызывает подозрение, что здесь имеет место недостаточная рефлексия оснований самой методологии.

У рассмотренной выше критики науки есть, однако, и другой объект. Это науки, предметом которых является человек и «человеческий мир» (общество, культура), т.е. гуманитарные и социальные науки. Дело в том, что предмет этих наук, человек, в некотором роде сомасштабен миру в целом (микрокосм = макрокосму), иначе говоря, имеет единые с миром в целом сущностные качества — те самые, которые и не позволяют миру и человеку (взятым каждый раз как целое) быть объектами научного познания. Эти качества — во-первых, уникальность, невоспроизводимость; во-вторых, несамотождество, способность к саморазвитию и творчеству, порождению нового. Их можно усмотреть у мира в целом, с одной стороны, и у человека и всех целостностей человеческого мира — у одного человека, любой человеческой общности, человечества, культур, истории и т.п., с другой. В этом последнем перечне легко разглядеть предметы различных наук гуманитарного ряда, свое место в котором занимает и этнография (этнология, культурная антропология). Соответственно, все, что выше говорилось об ограничениях научно-исследовательской парадигмы, в первую очередь приложимо именно к этим наукам; их «научность» и оспаривается критикой.

Более того, теперь я могу конкретизировать критику, назвав то, что упускается в своем предмете этими науками. Это, во-первых, уникальное, то, чего не схватывает неизбежно генерализующая наука. И, во-вторых, то, что мы выше назвали несамотождеством. Другими словами, речь идет, соответственно, о *личности и свободе*. Достоверность специфического для науки рода достигается ценой систематической редукции, «срезания» высших сторон и проявлений человеческого⁵. Эту беспомощность науки в

⁵ Замечательно ярким примером того, что рождается при восприятии нецелесообразных с точки зрения низшего рода целесообразности действий сквозь призму этих последних, может служить описание богослужения в «Воскресении» Л.Н.Толстого.

познании человека ярче всего демонстрируют даже не прямое исключение этих сторон из предмета, а попытки представить их средствами научного моделирования (свобода как случайность, творчество (креативность) как перебор вариантов и т.п.). Все — как бы «не о том»...

Этнограф и «другой»:

логика развития этнографического самосознания в XX веке
(обзор)

Я называю этнографию инструментом медитации, потому что, обращаясь к ней, мы не ищем ни карты знания, ни руководства к действию, ни даже развлечения. Обращаясь к этнографии, мы отправляемся в иного рода путешествие.

Стивен Майлер

От всех других наук этнографию⁶ отличает то свойство, что сам предмет этой науки задается ситуативно, зависит от установки исследователя. Эта особенность этнографии обусловлена обстоятельствами ее возникновения и развития. Для европоцентристской науки объект этнографического изучения, экзотические народы, был объективно выделен. Фиксированный объект сохранялся и у этнографа, изучавшего архаику собственной культуры. В нынешнем же полицентрическом мире объектом этнографии становится «другое» или «другой» — все то, что рассматривается с этнографической точки зрения, и тогда, когда оно так рассмат-

⁶ Почему здесь и дальше мы пользуемся почти исключительно термином «этнография», а не «этнология» или, скажем, «антропология»? Пояснить это, видимо, нужно ввиду той остроты, которую приобрели разногласия относительно самоназвания дисциплины в среде отечественных этнологов-этнографов. Если изучение других народов и чужих культур представлять себе как науку среди естественным, изучающую многообразие этносов, то правильно именовать науку в целом «этнологией», а «этнографией» называть эмпирическую базу этой науки — что и предлагает В.А. Тишков (Тишков, 1992). В той же логике, которой следовало развитие этнографии на Западе, дело обстоит иначе: этнография, во-первых, приобрела самостоятельное (по отношению к антропологии) значение и, во-вторых, радикально изменила представления о своих задачах, свою, можно сказать, физиономию — по сравнению с классическим периодом в истории этой науки. «Современная "этнография" догадок, находящаяся в состоянии непрерывного движения между культурами, не стремится, подобно своему западному alter ego — "антропологии", выработать полную картину человеческого многообразия и развития» (Clifford, 1988, с.9). В другом месте Клиффорд называет свою позицию «пост-антропологической» (Clifford, Marcus, 1986, с. 4).

ривается. Этнограф при этом приобретает статус чужестранца по преимуществу или «профессионального чужака», если воспользоваться названием одного из американских учебников этнографии (Agar, 1980). Предмет моего интереса в этом разделе — результаты той интенсивной работы по критическому анализу и пересмотру оснований, задач и методов этнографии, которая была проделана в восьмидесятые годы американскими этнографами и культурологами⁷.

Историю этнографического самосознания можно представлять себе как историю представлений об источниках этнографического авторитета, этапами которой будут сменявшие друг друга варианты ответа на вопрос: возможно ли достоверное знание о чужой культуре (об «этнографическом другом») и чем (кем) эта достоверность обеспечивается? И другой вопрос (вставший в результате разрушительной критики этнографического знания со стороны культурного релятивизма и его позднейших модификаций): что же такое этнография, если объективное знание о «другом» этнографу недоступно?

Самокритика этнографии имела два основных источника. Это, во-первых, ее покаяние в грехе обслуживания колониальной администрации; во-вторых, усвоение ею результатов эпистемологической критики в других областях культуры. Равнодействующей многообразных направлений критики культуры, в числе которых Клиффорд называет герменевтику, структурализм, постструктурализм, постмодернизм, деконструкцию и множество «альтернативных эпистемологий», является отрицание тех институционализированных форм, в которых одна часть человечества тысячелетиями строила свой мир, навязывая его всему остальному человечеству (Clifford, Marcus, 1986, с. 10-11).

Клиффорд дает следующий перечень факторов, которые детерминируют этнографическое описание чужой культуры и делают его предвзятым: 1) фактор зависимости от контекста (задаваемого социальным окружением этнографа и создаваемого им самим); 2) фактор риторики (этнография пользуется конвенциональными средствами выражения и сама участвует в порождении таковых); 3) институциональный фактор (причастность этнографа институтам его общества); 4) фактор жанровой принадлежности этнографического текста; 5) политический фактор (этнограф и этнографическая работа не могут быть вполне независимы от политической ситуации); 6) исторический фактор (изменение всех предыдущих факторов со временем) (Там же).

Этнография XX века начинается с усвоения ею метода *включенного наблюдения*. Результатом была выработка «нового научного и литературного жанра, этнографии, синтетического описания культуры, основан-

⁷ В данном обзоре я опираюсь, главным образом, на книгу Джеймса Клиффорда «Драма культуры. Этнография, литература и искусство XX века» (Clifford, 1988) и ряд работ из сборника «Писание культуры. Поэтика и политика этнографии», редактором-составителем которого (вместе с Дж. Маркусом) является тот же Клиффорд (Clifford, Marcus, 1986).

ного на методе включенного наблюдения» (Clifford, 1988, с. 30). Если изначально авторитетность этнографических текстов такого рода представлялась основанной на непосредственности опыта, то позднейший анализ включенного наблюдения выявил сложность его структуры, заключающей в себе «диалектику опыта и интерпретации» (Там же, с. 34). С осознанием этого связан первый из узловых моментов в развитии этнографического самосознания: *смещение акцента с опыта на интерпретацию*.

Согласно герменевтической концепции В. Дильтея, условием и основанием понимания «другого» является сосуществование в общем жизненном мире. Между тем, как раз этого мира и нет в ситуации этнографа, пытающегося проникнуть в чужую культуру. Отсюда вытекает переосмысление включенного наблюдения как опытного основания этнографии: этот опыт (начиная с изучения языка) есть деятельность построения общего мира, строительным материалом для которой служат первичные, отрывочные впечатления, еще не подвергшиеся организующему воздействию интерпретации (Там же, с. 35).

Другим аспектом усвоения этнографией герменевтических установок является *текстуализация* — процесс, в ходе которого поведенческие и речевые акты, верования, элементы устной традиции, ритуалы и т.п. вычлняются из непосредственно данной дискурсивной или практической ситуации и маркируются в качестве составляющих некоего потенциально осмысленного целого, приобретая коммуникативное значение. Такое целое этнографы и называют культурой, а о составляющих его элементах говорят как о типичных для культуры (Там же, с.38).

Следующий узловой момент в развитии этнографического самосознания связан с усвоением проводимого в современной лингвистике различия между *текстом и дискурсом*, между чтением (*интерпретацией*) *текста и диалогом*. Дискурс целиком принадлежит конкретной ситуации, в рамках которой субъект дискурса пользуется ресурсами языка для общения. Понять дискурс можно лишь пребывая в этой ситуации, в присутствии субъекта. Чтобы превратиться в текст, дискурс должен быть отделен от специфического речевого события и авторской интенции. Интерпретация текста уже не требует присутствия его автора.

Что касается этнографии, то «этнограф всегда в конечном счете уезжает, забирая с собой тексты для последующей интерпретации (в число этих увозимых "текстов" мы можем включить и воспоминания — т.е. события, подвергшиеся упорядочению, упрощению, очищенные от непосредственного контекста, подлежащие интерпретации для того, чтобы быть использованными при реконструкции общей картины» (Там же, с. 39). Поскольку же, как выше отмечалось, опыт, вычлненный из ситуации своего дискурсивного порождения и превращенный в текст, уже не нуждается в привязке к определенному источнику, постольку тексты рассматриваются как сообщения о контекстуальном целом всех элементов этнографического опыта, о культуре. «Более того, после того, как

конкретные авторы и деятели отчуждаются от продуктов своих действий, возникает необходимость в изобретении обобщенного "другого"; к последнему можно отнести тот мир или контекст, внутрь которого искусственно (fictionally) перемещаются эти тексты. Этот обобщенный другой выступает под разными именами, такими как "мировосприятие туземцев", "гробрианцы", "нуэры", "догонцы" и другие встречающиеся в этнографических текстах» (Там же, с. 40).

За счет такой интегративной интерпретации появляется возможность избавиться от неясностей и двусмыслиц исходного опыта и построить целостный портрет культуры. Это «герменевтическое искушение» и стало предметом критики на последнем из рассматриваемых этапов развития этнографического самосознания.

Критическому анализу, в частности, подверглась литературная сторона этнографической работы — как с точки зрения «сделанности» этнографических текстов и используемых при этом «риторических» средств (см., например, многие эссе в упоминавшемся сборнике под редакцией Дж. Клиффорда и Дж. Маркуса), так и с точки зрения отражения в этих текстах личности автора (в широко обсуждавшейся книге К. Гирца «Произведения и жизни. Антрополог как автор» [Geertz, 1988]). Рассматриваемая под этим углом зрения этнография характеризуется как «вымысел», хотя и «правдивый» (true fiction) (Clifford, Marcus, 1986, с.5-7), сравнивается с историческим романом и помещается между наукой и искусством (Купер, 1993, с. 3-4).

Новый виток эпистемологической самокритики (Клиффорд называет этот процесс «дефамилиаризацией», т.е. остранением этнографического авторитета в смысле избавления от чувства привычной надежности своих действий и получаемых результатов) стал отправной точкой для еще более радикального шага: отказа со стороны этнографа от собственно исследовательской («привилегированной») позиции по отношению к объекту изучения. «Возникает необходимость говорить об этнографии не как об опыте и интерпретации некоей заданной "другой" реальности, а как о конструктивном переговорном процессе, в котором участвуют по меньшей мере двое, а обычно и большее число сознательных, политически значимых субъектов. Парадигмы опыта и интерпретации уступают место дискурсивным парадигмам диалога и полифонии⁸» (Clifford, 1988, с. 41).

За этим «уравниванием в правах» исследователя и других участников этнографической ситуации стоит еще одно проявление этнографического смирения: встреча с другой культурой нередко становится для этнографа поводом для критического пересмотра собственных культурных основа-

⁸ Использование понятия «полифония» применительно к этнографическому тексту — не совпадение, а прямое влияние концепции полифонического романа М. Бахтина, на которого, в частности, много ссылается Клиффорд (1988).

ний⁹. Негоже, занимаясь исследованием культурных реальностей других народов, оставлять собственную реальность без испытания (Там же, с. 41).

В завершение обзора приведу выдержки из эссе Стефена Тайлера «Постмодерная этнография: от документа об оккультном к оккультному документу» (*Clifford, Marcus, 1986, с. 122-140*).

«Не будучи ни одним из направлений поиска универсального знания, ни орудием подавления или освобождения народов, ни еще одной разновидностью дискурса наряду с наукой и политикой, этнография есть нечто другое, она есть дискурс высшего порядка, относительно которого должны быть рассматриваемы все остальные дискурсы и в котором они находят свой смысл и оправдание» (Там же, с. 122).

«Ее трансцендентность не есть ни трансцендентность метаязыка — языка, превосходство которого определяется его большим формальным совершенством, — ни трансцендентность единства, создаваемого синтезом и обобщением, ни трансцендентность практики и практического применения. Не обязанная, таким образом, своей трансцендентностью ни теории, ни практике, ни их синтезу, она не описывает никакого знания и не производит никакого действия. Она трансцендирует все это посредством пробуждения к жизни того, что не может быть познано дискурсивно или произведено совершенным образом, хотя все знают это как будто бы дискурсивно и производят как будто бы совершенно.

Пробуждение к жизни не есть ни презентация, ни репрезентация. Она не являет нам никаких объектов и никаких же не воспроизводит в представлении, делая, однако, доступным через отсутствие то, что может быть постигнуто, но не представлено. Оно, таким образом, безотносительно к вопросу об истинности и не подлежит оценке исполнения. Оно преодолевает разделение ощущаемого и постигаемого, формы и содержания, Я и другого, языка и мира.

Пробуждение к жизни — иначе сказать, "этнография" — есть дискурс постмодерного мира, ибо мир, создавший науку и созданный наукой, исчез, и научная мысль ныне представляет собой архаичную форму сознания, продолжающую пока существовать, но в ущербном состоянии в отсутствии того этнографического контекста, которым она создана и поддерживалась» (Там же, с. 123).

«Постмодерная этнография есть коллективно слагаемый текст, состоящий из фрагментов дискурса, назначение которого пробуждать в умах

⁹ М. Фишер приводит примеры Луи Массиньона, католического мистика и исследователя ислама, для которого «суфизм послужил моделью решения проблем, встающих в условиях постхристианского и антимистического мира», Виктора Тернера, которого изучение символизма одного из африканских народов побудило к обращению в католичество, и Левин Стросса, чья работа над мифологией американских индейцев может быть понята как акт искупления за разрушенный мир — сохранение в совокупности с критическим аппаратом как условие возможного возвращения в культуру и использования будущими поколениями (*Clifford, Marcus, 1986, с. 200*).

как читателя, так и писателя эмерджентную фантазию о возможном мире реальности здравого смысла и тем самым вызывать эстетическую интеграцию, которая бы оказывала терапевтическое действие. Это, одним словом, поэзия — не по своей текстовой форме, а в своем возвращении к изначальному контексту и назначению поэзии, которая в силу своего разрыва с повседневной речью пробуждала воспоминания об этосе сообщества и этим побуждала слушателей действовать этически. Постмодерная этнография пытается в текстовой форме воспроизвести эту спираль поэтического и ритуального действия. Как и они, она остраивает реальность здравого смысла в ограниченном контексте совершаемого действия, пробуждает к жизни фантастическое целое, извлеченное из фрагментов, и затем возвращает участников в мир здравого смысла — преобразованный, обновленный и сакрализованный. <...> Постмодерная этнография — это не очередной выверт, не еще один разрыв в форме дискурса, того рода, что мы привыкли считать нормой для модернистской эстетики со свойственным ей сциентистским акцентом на эксперимент и новизну, а сознательное возвращение к тому более раннему и более мощному представлению об этическом характере всякого дискурса, которое содержится в древнем смысле семейства слов "этос", "этнос", "этика"» (Там же, с. 126).

«Поскольку смысл этнографического текста содержится не в нем самом, а в понимании, оформившимся фрагментом которого текст является, на нем уже не лежит проклятия репрезентации. Ключевым для понимания этого различия является слово "пробуждать", ибо, если о дискурсе можно сказать, что он "пробуждает" нечто, то от него не требуется репрезентировать то, что он пробуждает, хотя он и может служить средством для репрезентации (Там же, с. 129). «Суть различия между "пробуждением" и "репрезентацией" состоит в том, что первое освобождает нас от мимезиса и негодной научной риторики с ее "объектами", "фактами", "описаниями", "индукцией", "обобщениями", "верификацией", "экспериментом", "истинностью" и тому подобными понятиями, которые, если и не являются пустыми заклинаниями, то не имеют коррелятов ни в опыте этнографической полевой работы, ни в писании этнографических текстов» (Там же, с. 129).

Эту подборку выдержек, которая в силу отрывочности позволяет лишь догадываться о содержании эссе Тайлера, уместно завершить репликой из приложения, в котором автор отвечает на вопросы, заданные ему коллегами в ходе обсуждения основного текста: «Нет. Ни одного примера постмодерного этнографического текста не существует, хотя вся этнография является по существу постмодерной. Маловероятно и появление такого текста, хотя кое в чем из недавно написанного можно почувствовать верный дух. <...> Суть во всяком случае не в том, как создать постмодерный этнографический текст или каким ему следует быть. Суть в том, что он может принять любую форму, но никогда не может быть полностью осуществлен. Всякая проба всегда останется незаконченной,

недостаточной, в чем-то несовершенной, но это ее свойство не есть порок, ибо оно есть средство, делающее возможной трансценденцию, преодоление. Преодоление рождается из несовершенства, а не из совершенства» (Там же, с. 136).

Остается лишь сказать, что попытки создать полифоническую, пост-модернистскую этнографию (которые, по Тайлеру, всегда остаются незавершенными) можно видеть во многих явлениях современного этнографического творчества: в экспериментах с построением текста, в прямом включении голоса или голосов туземных информантов (вплоть до соавторства) и в способах более открытого отображения в тексте авторской субъективности. Все это, однако, лежит уже за пределами настоящего обзора, посвященного логике развития этнографического самосознания.

О смысле, свободе и традиции применительно к этнографии (тезисы)

*Все тот же дух человеческий говорит
нам из камня, мрамора, музыкальной
композиции, жестов, четкой и писанной
речи, из действий, хозяйственных
установлений и конституций — и ждет
интерпретации.*

В. Дильтей

1. Вопреки буквальному смыслу парадоксальных высказываний, которые можно встретить в современных дискуссиях западных этнографов о путях и задачах этой науки, и той почтительной серьезности, с которой эти высказывания восприняты некоторыми отечественными авторами, агностицизм никогда не выступал в качестве методологического принципа этнографии¹⁰. В поворотных пунктах ее развития решался не гносеологический вопрос о возможности и средствах получения достоверного знания, а аксиологический вопрос выбора *достойного предмета* познания.

¹⁰ Догматический культурный релятивизм основан на интерпретации герменевтического круга как логически порочного круга (условием понимания текста является понимание контекста, которое, в свою очередь, зависит от понимания составляющих контекст частей). При этом, однако, не учитывается то обстоятельство, что на промежуточных этапах итеративного герменевтического процесса требуется понимание не полное, а достаточное для очередного шага-витка герменевтической спирали. «Сходимость» такого процесса (отсутствующая, как было выше показано, в случае моделирования человеческой реальности) доказывается практикой успешных случаев понимания и взаимопонимания.

2. Поворот к восприятию культуры как текста, подлежащего пониманию и интерпретации, означал, что этнография с некоторым отставанием вступает в число наук вполне гуманитарных или, в терминологии Дильтея, «понимающих». Для этнографии этот поворот был аксиологическим выбором в пользу нередукционистского понимания «другого», такого понимания, которое не пренебрегает высшими уровнями человеческой реальности.

3. Понять смысл текста значит понять этот текст как *свободосообразный*¹¹, т.е. как продукт творчества, как воплощение свободы его автора.

4. Этнографический «фикционализм», самохарактеристику этнографии как художественного творчества следует понимать как выбор адекватных средств для изображения свободы и уникальности «другого». При этом смысл оксюморона «правдивый вымысел» (*Клиффорд*) — как и другого, «рациональность воображения» (*Генисаретский*, 1987, с. 48) — в том, что поэзия в изображении своего предмета не менее точна и допускает не больше произвола, чем самая точнейшая наука.

5. Предполагая у текста смысл, мы тем самым предполагаем и наличие автора, вложившего этот смысл в текст при его, текста, сотворении¹². Смысл, вкладываемый в слово «смысл», может быть разным: может иметься в виду то, что объективировано в тексте, или намерение автора (буква закона и «воля законодателя», например), сознательно замысленное или бессознательное. Различные версии герменевтического проекта реализуют разные представления об авторстве и представительстве авторской воли.

6. Если в свете предыдущего тезиса взглянуть на центральный для современной (постмодерной) этнографии поворот «от интерпретируемого текста к полифоническому дискурсу», то его можно увидеть как новое решение проблемы «авторства» текста культуры и, как следствие, этнографического текста. «Автор» — это «другой», и решение состоит, во-первых, в предоставлении ему «права голоса», возможности прямого участия в порождении «этнографии», описания-интерпретации его культуры, и, во-вторых, в том, что в качестве «автора» и авторитетного толкователя этнической культуры принимаются не прошлые поколения ее анонимных или поименованных создателей, не «обобщенный другой» или «личность с большой буквы» этнопсихологов (см. *Benedict*, 1934), а

¹¹ Я пользуюсь здесь термином из работ О.И. Генисаретского, посвященных проектной культуре. «В творческой концепции проявляется основной способ бытия личности, определяющий ее ценностное постоянство, способность переживать самоценность человеческой жизни — ее естественность и свободосообразность» (*Генисаретский*, 1987, с. 48).

¹² Против этого утверждения говорят, по видимости, то, что, помимо коммуникативных знаков-сигналов, существуют знаки-признаки (погодные, например), у которых нет автора. На это можно возразить, что автора нет, если о смысле признака, о том, что он нечто «сообщает» наблюдателю, говорят метафорически. Но это не метафора для религиозного восприятия реальности, и тогда признак — в самом деле сообщение, и у него есть автор — Творец или одухотворенная Природа («в ней есть душа... в ней есть язык...»).

ныне живущие представители культуры и, персонально, собеседники и информаторы этнографа. Это — предпочтение споминутно творимого разноголосого настоящего культуры кристаллизовавшимся формам ее прошлого, актуальности — традиции, газеты — эпосу¹³.

7. Превращая этнографию в коллективно совершаемое «действие», постмодернизм привносит в нее дополнительный смысл самоопределения «туземного» участника в отношении к собственной культуре. И в этом контексте методологический «выбор в пользу настоящего» приобретает для «туземца» смысл эмансипации от собственного прошлого, разделяемой этнографом и полагаемой в основание их совместного творчества.

8. Можно, однако, легко показать, что свободосообразность, по видимости присущая самоопределению в настоящем, не избавляет от всех тех форм зависимости от прошлого, которые были уже выявлены демифологизирующей критикой. Мы здесь вступаем в область демаркации между свободой и произволом: их отождествление в самосознании означает вытеснение в сферу неосознаваемого «корневой системы» текущих волеизъявлений и смыслополаганий, связывающей современного культурного деятеля с традицией. Традиция становится тем, что в ней хотят видеть, фактором порабощения изнутри — через язык, прежде всего.

9. Но это не единственно возможное решение. Та же традиция, пронизывающая (через тот же язык) глубинные слои личности человека, его мышление и воображение, волю и чувствование, оказывается не ограничивающим началом, а условием «естественности и свободосообразности»¹⁴. Такое решение вовсе не лишает смысла задачу самоопределения — в том числе этнического — каждого поколения народа и каждой отдельной личности. Самоопределение совершается в меру расширения области рефлексии и с той неневротической естественностью, которую

¹³ Ввиду центральности этого момента для самосознания современной западной этнографии (и для моих собственных умозаключений), приведу пару цитат, ярко высвечивающих суть альтернативы. М. Маркус: «Этничность есть нечто, заново открываемое и заново интерпретируемое каждым индивидом в каждом поколении... Этничность не есть что-то, что просто передается от поколения поколению через научение...» (*Clifford, Marcus, 1986, с.195*). Дж. Клиффорд: «Всякий раз, когда маргинальные народы вступают в историческое или этнографическое пространство, определенное западным воображением..., они быстро лишаются своей собственной истории. Захваченные потоком, который направляется капиталистическим Западом и разнообразными технически развитыми социализмами, эти народы, внезапно ставшие "отсталыми", уже не творят локального будущего. Все, что делает их самобытными, остается привязанным к традиционному прошлому, к унаследованным структурам, которые сопротивляются новому или уступают ему, но не могут творить нового. Эта книга предлагает иное историческое видение. Она не видит мир населенным самобытными традициями... Она раскрывает возможности пролагания собственных путей в пространстве современности...» (*Clifford, 1988, с. 5*).

¹⁴ «Сознание и воля человека обретают ценностные качества естественности и свободосообразности не в ходе острашения от мифопоэтической традиции (как родовой основы личности), но на пути доверительного погружения в ее просторы, поставлением себя в поток мифопоэтических импульсов, каждый из которых — или все вместе — нужно затем превратить в личный жест» (*Генисаретский, 1993, с. 208*).

дает чувство укорененности в традиции как в своем собственном прошлом. Акты самоопределения становятся актами доопределения и развития традиции.

Кому и как доступно в XX веке «счастливое сознание» этой укорененности в качестве актуального достояния? Или его нужно понимать как интенцию, как ценностный камертон для настройки духовной жизни? Во всяком случае, осязаемая двойственность вышерассмотренных установок постмодернизма позволяет, на мой взгляд, видеть в нем выражение и такого веянья духа времени.

Постскрипtum (для ясности)

1. Можно ли считать такую (постмодернистскую) этнографию наукой? Или правы те, кто считает, что «мухи должны быть отдельно, а варенье отдельно», что наука познает действительность, филология выявляет смысл текстов, а искусство (по преимуществу) проникает в переживания другого человека (Семенов, 1993, с. 18)? Но ведь нужда в целостном знании о человеке, в знании, которое бы служило основанием для принятия жизненно важных решений, очевидна. Равно как можно, я думаю, считать установленной непригодность моделирующей науки в качестве средства для получения такого знания. Сложилась традиция: разграничивая сферы науки, искусства, философии, религии, относить поиски знания, недоступного науке, к той или иной из других сфер или дополнительно членить эту деятельность между ними. Мне всегда казались лишь поверхностно убедительными доводы, которыми эта традиция обосновывает невозможность или неосмысленность религиозной или художественной науки. Несуществование таковой (что еще нужно проверить) вовсе не доказательство ее несбыточности.

2. А что все это означает *практически*? Значит ли это, что наступившая эпоха постмодернизма делает ненужными все привычные формы и методы этнографической работы? Ни в коем случае. Во-первых, должно еще, видимо, пройти время, прежде чем постмодернистские (в той или иной модификации) ответы станут ответами на собственные вопросы отечественных этнографов¹⁵. Во-вторых, критика притязаний традиционной этнографии и этнологии не дезавуирует принятых методов получения знания, а лишь указывает на их ограниченность. Что касается конструктивных аспектов постмодернистского проекта, то, с моей точки зрения, важнейшей задачей является выработка концепции современного (постмодерного!) этнографического образования. В признании важности этой задачи я полностью согласен с С.В. Соколовским (Соколовский,

¹⁵ А пока более актуальными для рефлексивной работы в этнографическом цехе являются темы, поднятые в других статьях настоящего сборника (см. «Слова, слова, слова» и «Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли»).

1993 б) с тем дополнением, что, в моем понимании, ориентация на новую систему ценностей в этнографии, на подготовку людей для небывалой деятельности предполагает решение задач не только учебных, но в еще большей мере воспитательных, духовно-образовательных. А они еще не поставлены.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. N2. С. 5-22.
- Вайнштейн О.Б. Homo deconstructivus: философские игры постмодернизма // Апокриф. 1993. N2. С. 12-21.
- Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. N1. С. 109-136.
- Генисаретский О.И. Проектная культура и концептуализм // Труды ВНИИТЭ: Техническая эстетика. N52. М., 1987. С. 39-53.
- Генисаретский О.И. Дизайн, городская среда и проектная культура // Труды ВНИИТЭ: Техническая эстетика. N57. М., 1988. С. 18-30.
- Генисаретский О.И. Проблемы исследования и развития проектной культуры дизайна. — М., 1988.
- Генисаретский О.И. Упражнения в сути дела. М., 1993.
- Купер А. Постмодернизм, Кембридж и «Великая Калахарская дискуссия» // ЭО. 1993. N4. С. 3-15.
- Курьерова Г.Г. Экологическая ориентация в современной проектной культуре Западной Европы // Труды ВНИИТЭ: Техническая эстетика. N52. М., 1987. С. 85-99.
- Малахов В.С. Постмодернизм // Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 237-240.
- Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // ЭО. N6. 1993. С. 3-20.
- Сидоренко В.Ф. Генезис проектной культуры // Вопросы философии. N10. С. 87-98.
- Сидорина Е.В. Категория образа жизни в концептуальном движении отечественного дизайна // Труды ВНИИТЭ: Техническая эстетика. N52. М., 1987. С. 54-69.
- Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // ЭО. 1993. N2. С. 3-13. N3. С. 3-14.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. N1. С. 5-19.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 45-66.
- Шнирельман В.А. [Отклик на статью З.П. Соколовой «Эндогамность и этнос»] // ЭО. 1992. N3. С. 85-90.

- Agar M.H. *The Professional Stranger: An Informal Introduction to Ethnography*. NY; L. c.a. 1980.
- Benedict R. *Patterns of Culture*. NY, 1934.
- Clifford J., Marcus G.G., eds. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley; Los Angeles; L., 1986.
- Clifford J. *The Predicament of Culture: Twentieth Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge, Mass.; L., 1988.
- Geertz C. *Works and Lives. The Anthropologist as Author*. L., 1988.
- Kim Wook-Dong, ed. *Postmodernism: An International Anthology*. Seoul, 1991.
- Schulte-Sasse J. Introduction // *Cultural Critique. Special Issue: Modernity and Modernism, Postmodernity and Postmodernism*. 1986-1987. N5. P. 5-2.

С.В. Соколовский

Этническое насилие: структуры теоретического дискурса

Не хотелось бы начинать статью, главной задачей которой ставится задача рассмотрения аналитического инструментария столь узкой дисциплинарной области как антропология насилия, с суждения одновременно тривиального и настолько явно идеологически ангажированного, что уже при его продумывании возникает тоска — с суждения о разгуле на всем пост-имперском пространстве (это «пост-», впрочем, скорее вождение, очередной тоталитарный проект потребного будущего; «концептуальное пространство» империи остается незыблемым, и в этой перспективе — все наши «перестройки», «суверенизации» и прочие политические новации — лишь рябь на волнах одного водоема) власти означающего, той самой тоталитарной власти, из-под бремени которой мы отчаянно пытаемся выбраться и всякий раз, после очередной перекройки политического словаря, когда мы, утирая кровавый пот, громоздимся на лавры, возомнив, что теперь уже точно и достоверно сподвиглись и достигли тех запретных плодов, от которых вкушают праведники в поостороннем политическом рае, именуемом демократией, мы вдруг с тошнотой обнаруживаем, что наш рай — лишь шалашик из слов, сплетенных усилиями новых идеологов, лишь морок и наваждение новояза, маскирующего забываемый в эйфории всеобщего энтузиазма «фактик», что по-прежнему «некоторые животные равнее других», и что мы в очередной раз поддались обаянию новых слов, как выясняется, неверно толкуемых (сознательно, или бессознательно) политической элитой, и имеющих к описанию реальности такое же прямое отношение, как изошренная политическая метафора влюбленного в дурнушку поэта. И тогда начинается, нет, не деятельность, но поиск слов, пригодных для создания нового миража; лишь бы не видеть безобразные черты опостылевшей повседневности. И опять воздвигаются горы слов и насилуются импортированные понятия, никак не желающие описывать чуждую им совокупность практик, которую заезжий антрополог с отстраненной брезгливостью именуется «обычаем местного населения». Не хотелось начинать статью с обличения ритуально-номиналистских процедур, привычно заменяющих обитателям империи мышление, но сама ее тема принуждает к более внимательному рассмотрению политической риторики, пронизывающей всю совокупность отечественных дискурсивных практик (включая научный дискурс интересующей нас дисциплины), пребывающих специфически советскими, но с большим или меньшим успехом камуфлирующихся под и мимикрирующих цивилизованный дискурс.

Примем в качестве исходной посылки, что общественное устройство, с которым мы как население совпадаем в пространстве и времени, пока не может быть названо точно. Существует осторожный взгляд скептиков, именующих его «пост-тоталитарным» (что может рассматриваться у одних как эвфемизм, у других — как магический акт номинации неизвестного для его приручения, у третьих — как нежелание признаваться в своем незнании, чем же на деле является это, существующее сегодня, общество) и проективная номинация оптимистов, определяющих его как «прото-демократическое». При любом из этих двух диагнозов следует признать, что именовать это общество демократическим пока преждевременно.

Это признание имеет важные следствия для целой системы дисциплинарных дискурсов и, в частности, для тех из них, в которых звучат темы этничности, насилия и власти, т.е. для этнологии, антропологии, политологии, социологии и права.

Одно из этих следствий — неуместность употребления понятия «меньшинство» при анализе положения конкретной группы в социально-политическом контексте нашего общества. Этому обстоятельству до сих пор уделялось мало внимания; политики, этнологи и даже специалисты в области международного права употребляют его, по видимости, не отдавая отчета, что правильное словоупотребление в данном случае ограничено контекстом демократического общественного устройства: за границами такого устройства относительная численность группы не влияет на процесс принятия политических решений, поскольку численность становится ресурсом лишь при гарантии индивидуальных прав и свобод. В ситуациях авторитаризма и олигархии влияет не число голосов, отданных за то, или иное решение, но, скорее, близость к власти придерживающим в существующей пирамиде власти, а также такие ресурсы, как военная сила и собственность. Лишь при демократическом устройстве осмысленно говорить об особых правах меньшинств, поскольку представители этих групп оказываются депривированными не в результате умысла и принуждения, но лишь по закону чисел — их совокупной численности не достаточно для эффективного влияния на процесс принятия политических решений в ходе политического самоуправления и самоопределения. Тем не менее, в коридорах министерств и кулуарах научных конференций мы продолжаем изображать происходящее таким образом, что национальные и религиозные меньшинства в странах СНГ оказываются в неблагоприятной ситуации именно по причине своей малочисленности и что стоит наделить их особым, оговоренным в международных декларациях пакетом прав так тут же все их проблемы счастливым образом разрешатся. Этот «семантический новояз» (особая риторическая стратегия, при которой значения общеизвестных слов смещаются в желаемом направлении) идеологически эффективен, но не пригоден для обществоведов, пытающихся заглянуть под идеологический камуфляж, чтобы, например, изучить реальное функционирование субъектов власти.

Призыв к ортолексии, правильному словоупотреблению, стар как этот мир. Называть вещи своими именами, однако, оказывается чрезвычайно сложно в обществе, где эта традиция была утрачена (либо свосвременно не приобретена) и где архаика массового сознания столь успешно сопротивляется просвещенческому проекту с его культом *ratio*, что ментальность этого общества до сих пор осваивает азы модернизма, в то время как его более удачливые соседи по планете, разочаровываясь в постмодернизме, начинают экспериментировать с мифологией нового рационализма. Пример с употреблением понятия «меньшинство» сравнительно очевиден, как для политика-реалиста очевидно и то обстоятельство, что ни одна из избирательных систем и ни один из известных механизмов квотного представительства сам по себе не гарантирует равенства прав уязвимых и недоминирующих групп населения за рамками демократической формы правления. Менее очевидны случаи злоупотребления номинациями типа «государство», «суверенитет», «народ» и «насилие». Я лишь вкратце охарактеризую те семантические сдвиги, которые свойственны местной политической идиоматике, связанной с понятиями «государство» и «суверенитет», с тем чтобы подробнее рассмотреть манеру обращения со словами, входящими в семантические поля понятий «народ» и «насилие». Следует предупредить, что и первая пара понятий будет здесь рассматриваться отнюдь не в их полных объемах, но, главным образом, в их связи со второй парой.

Выше, во введении, содержится утверждение о концептуальной незыблемости советской империи. Без дополнительного пояснения оно может остаться темным, или показаться недостоверным. Имеется в виду главным образом то обстоятельство, что все национальные политические элиты, включая российскую, пришедшие на смену прежним, остаются в плену единого дискурса, все смещения и новации которого суть одни и те же на всем постимперском пространстве, из чего следует, что хотя реальная распорядительная власть центра оказалась существенно ограниченной, его концептуальная власть, может быть ему и не принадлежащая, но, напротив, сотворяющая и воспроизводящая его в качестве центра, осталась незатронутой кризисом распада. Примером, подтверждающим единство постимперского дискурсивного поля, может служить цепная реакция суверенизации, породившая СНГ. Уже тот, в рассматриваемом здесь отношении весьма знаменательный факт, что приведенная выше аббревиатура включает словечко «независимые», отражает типичную для нашей ментальности магическую формулу: с помощью чисто словесных средств создать иллюзию самостоятельности и суверенности стран, все глубже ввязующих в зависимости от экономической и политической поддержки извне. Я не стану заострять внимание на и без того хорошо ощущаемом насилии над смыслом корня в слове «содружество», но вот на специфичность употребления слова «государство» в данной аббревиатуре не обратить внимание не могу. В стандартном словоупотреблении государство наделяется способностью эффективного контроля на находящейся под

его юрисдикцией территории, что подразумевает, среди прочего, монополию на насилие и охрану границ. Хорошо известно, что по крайней мере часть субъектов содружества оказалась неспособной собственными силами обеспечить охрану границ и, в ряде случаев, «обеспечив» насилие над собственными гражданами, не в состоянии обеспечить легитимность применения этого насилия, не говоря уже о монополии на его применение. В результате на территориях квази-государств (можем ли мы обозначать термином «государство» режим, власть которого, например, ограничивается территорией столицы, да и то лишь в дневное время?) возникла система олигархий, в значительной степени зависящая от внешней экономической и военной помощи. Гражданские войны, межэтнические конфликты и просто бандитские «разборки», сотрясающие эти общества, являются следствием общего кризиса государственной власти, а усилия аналитиков во всех областях управления общественной жизнью эффективно блокируются семантикой новояза. Существует ли возможность выхода из этой ловушки, в которой уже сам процесс мышления осуществляется в заведомо «неправильных» понятиях? Очевидно, одним из путей выхода является продумывание и критика наличной практики номинации. Задача расчистки авгиевых конюшен империи от накопившегося словесного мусора, очевидно рассчитана не на одно поколение Гераклон. Отнюдь не претендуя на звание одного из этих героев, я преследую гораздо более скромную цель — инициировать критическое рассмотрение часто используемых понятий «этнос» и «насилие» (в том числе — в терминосочетании «этническое насилие») в собственном профессиональном сообществе. Поскольку приведенное терминосочетание строится на синтезе семантических долей обоих из рассматриваемых понятий, может быть, удобнее всего начать рассмотрение именно с него, попутно комментируя особенности и нюансы значений образующих его основ.

В этноконфликтологических исследованиях постсоветского пространства понятие «этническое насилие» (далее — ЭН) используется редко; гораздо чаще при описании межэтнических столкновений и ученые и журналисты пользуются терминами «этнический конфликт», «межнациональные столкновения», «столкновения на национальной почве», «погромы», «беспорядки», «этническая чистка», «терроризм» и др. Насколько приведенные понятия взаимозаменяемы? Необходимо ли различать их в различных типах дискурса — политическом, научном, бытовом? Наконец, применимо ли вообще понятие «ЭН» для анализа межгрупповых действий насильственного характера у нас в стране?

При ответе на эти вопросы следует иметь в виду, что понятие ЭН, как, например, и понятие «этничность», не является исключительным достоянием научного сообщества. Это обстоятельство заставляет учитывать воздействие чисто политического и бытового контекстов его употребления на его научное содержание. Тесная связь анализируемого здесь понятия с такими старыми категориями социологического дискурса, как «власть» и «принуждение», заставляет учитывать также влияние различ-

ных социологических и философских традиций на трактовку феномена ЭН.

Ниже будет предпринята попытка выделить в поле теоретически описаний конфликтных взаимодействий ту область, которая тематизируется как исследования этнического насилия. Таким образом, возникает необходимость описания особенностей именно этой области и используемых в ней исследовательских практик.

Исследователи проблематики войны и мира, конфликта и насилия по-разному представляют и конструируют родо-видовые отношения внутри этой группы понятий. В частности в паре «война — конфликт» в качестве родового могут выступать оба понятия, т.е. война описывается либо как серия конфликтов, либо понимается как особый вид конфликта.

К числу немногих общепринятых положений, и то лишь в той узкой сфере, где социологические и антропологические теории конфликтных взаимодействий используют данные психологии, относится утверждение о существенном различии механизмов групповых и индивидуальных конфликтов, или конфликтов массовых и межличностных. Поскольку целью данного раздела является уяснение места категории «этническое насилие» в конфликтологии и исследованиях войны и мира, постольку рассмотрение концептуального инструментария этих исследований будет сфокусировано именно на этом понятии, и, таким образом, нас будет интересовать не столько сам вопрос как, например, соотносятся понятия межличностного и группового конфликта, а как их соотношение влияет на содержание понятия «этническое насилие». Разумеется, что такая сфокусированность не имеет особых оснований помимо устоявшихся риторических структур научного дискурса и является в этом смысле произвольной, или продиктованной особенностями письма, в частности — его линейностью. Она укоренена также в особенностях человеческого восприятия и изоморфна таким феноменам как фокусированность взгляда, сосредоточение внимания и т.п. Однако мы должны помнить, что в принципе любая понятийная система многофокусна, и «вход» в нее через единственное и в этом смысле избранное и выделенное понятие порождает аспектность, а значит и ограниченность рассмотрения.

Очевидно, что в мозаике мнений, вырабатываемых в рамках различных дисциплин и субдисциплин, понятие ЭН весьма по-разному соотносится с внутридисциплинарными трактовками войны и конфликта, а также групповых и межличностных конфликтов. Например, ЭН может расцениваться как иной способ рассмотрения конфликтных взаимодействий и интерпретироваться как результат агрессивных действий, некое эмерджентное качество проявляемой по отношению к «чужому» агрессивности. Таким образом, в ряде исследовательских подходов распространено представление, что феномен ЭН представляет собой продукт экстернизации агрессивности и ксенофобии, либо саму агрессивность, рассматриваемую в деятельностно «проявляемом» аспекте.

В рамках такого рассмотрения возникает вопрос к какому типу конфликта — групповому, или межличностному — можно отнести ЭН. Обе возможности понимания не исключают друг друга, поскольку существуют также представления, в соответствии с которыми межличностный конфликт может интерпретироваться как эпизод в истории развития межгруппового.

Конкретные концептуализации ЭН будут рассмотрены ниже. Здесь важно зафиксировать некоторые формальные различия в объемах понятий ЭН и «межэтнический конфликт». Помимо аспектности (разные принципы и углы рассмотрения реальности), можно отметить асимметрию взаимодействия участвующих сторон в ЭН, в отличие от симметрии этого взаимодействия в межэтническом конфликте: асимметричными ролями в ЭН являются «преступник» (группа, осуществляющая насилие) и «жертва», в то время как в межэтническом насильственном конфликте субъекты и объекты насилия могут многократно меняться местами, либо одновременно выступать в обеих ролях.

В качестве дополнительного, но существенного момента в формальном разведении понятий ЭН и «межэтнический конфликт» может служить уже упомянутое разграничение групповых и межличностных конфликтных взаимодействий. В то время как ЭН явно тяготеет к промежуточному типу (агрессия группы против индивида), межэтнический конфликт, исходя из смысла понятия, описывает межгрупповое конфликтное взаимодействие.

Последнее утверждение позволяет предполагать, что исследователи ЭН, в отличие от исследователей межэтнических и вообще массовых межгрупповых (конфессиональных, классовых и т.п.) конфликтов, работают в жанре микросоциологического исследования, в то время как конфликтология массовых конфликтов широко пользуется макросоциологическими теориями. Таким образом, если принимать во внимание это различие в рамках социологии науки, то мы можем вполне обоснованно считать, что специфика используемых методов порождает и отражает специфику предметов сравниваемых здесь направлений, фиксацию исследователей на «глобальных» и «локальных» контекстах конфликтного поведения. Это «разделение труда» позволяет различать цепи детерминации ЭН и межэтнических конфликтов разных «уровней»: одно и то же событие, как, например, карабахский конфликт, будет тематизироваться в макроподходе как армяно-азербайджанский конфликт в контексте исторических взаимоотношений этих народов, а в микроподходе — как серия конкретных локальных «эпизодов» ЭН, в которых локально доминирующая группа применяла насилие по отношению к локальному меньшинству либо к индивидуальным членам группы локального меньшинства.

Предложенное выше разграничение можно уточнить: речь идет не столько о тяготении понятий «конфликт» и ЭН к разным полюсам концептуального континуума «групповой — межличностный», сколько о невозможности «вписывания» ЭН в этот континуум — ЭН не может быть

описано как взаимодействие двух групп, что подразумевало бы наличие ролевой структуры с обеих сторон, координированной деятельности и др. характеристик социологического понятия «группа». В ходе анализа и описания конкретных случаев ЭН обращает на себя внимание то обстоятельство, что сторонами в этом взаимодействии оказываются не две группы, а группа, с одной стороны, и «категория» (мигранты, пришельцы, чужаки и т.п.), то есть «масса» или атомизированные индивиды как частицы этой массы — с другой. Группа, осуществляющая насилие против выделенного ее лидерами объекта насилия, с необходимостью предполагает наличие вполне определенной степени организации поведения ее членов (и в этом существенное отличие ЭН от другого понятия конфликтологии — погрома, или так называемых «беспорядков», когда активной стороной насильственного взаимодействия является «толпа» или, что в данном контексте практически то же самое, «масса»), в то время как жертвы насилия всегда характеризуются отсутствием сравнимой степени организованности. Как только поведение жертв обретает характер координированного противодействия, мы можем говорить о насильственном этническом конфликте, в котором исчезает присущая ЭН асимметрия взаимоотношений, их своего рода «векторность», обусловленная наличием пассивной (страдающей) и активной (осуществляющей насилие) сторон.

Анализ конкретных случаев ЭН обращает внимание еще на одну его особенность — своеобразную диалектику пассивности и активности взаимодействующих сторон. Поскольку наиболее частой ситуацией является ЭН осуществляемое «социальными маргиналами» против «маргиналов этнических», постольку наиболее распространенной легитимизацией насилия является пассивная внутриэтническая солидарность между доминирующими в государстве этническими общностями и «боевиками», осуществляющими ЭН. Без такой легитимизации феномен ЭН оказался бы невозможным для его инициаторов и исполнителей. Уместно подчеркнуть, что речь здесь идет о моральном оправдании и обосновании насилия, а не об оправдании по закону, что может прочитываться в слове «легитимизация». Как правило, пассивная внутриэтническая солидарность зиждется на создаваемой идеологическими средствами картине злонамеренной активности этнических антагонистов (иммигрантов, населения этнических анклавов, групп меньшинств и т.п.). Таким образом, активная в ЭН сторона легитимизирует свою «деятельность» через пассивную солидарность этнически доминирующей массы, а пассивная сторона, напротив, изображается активным источником «угрозы», которую необходимо предотвратить любыми средствами. Легко заметить, что данная диалектика пассивности и активности действительно не имеет места в межэтнических конфликтах, где стороны «симметрично активны», но может характеризовать особенности взаимодействия сторон при погромах и массовых беспорядках.

Разумеется, что приведенные разграничения могут оказаться иррелевантными для целого ряда подходов в исследовании конфликтов, например, для психоаналитической и социобиологической традиций изучения человеческой агрессивности. Однако поскольку названные традиции весьма слабо интегрированы в корпус антропологического знания, они здесь рассматриваться не будут. Этот выбор в пользу антропологического и социологического инструментария для исследований феномена ЭН, разумеется, произволен и основывается лишь на впечатлении, что система утверждений в социологических и антропологических версиях оказывается внутренне менее противоречивой, чем соответствующие системы психоаналитической и социобиологической традиций. Тем не менее, некоторые положения этологии, легко интегрируемые в корпус антропологического и социологического знания о конфликте, ниже будут рассмотрены.

Помимо междисциплинарного подхода, в современных исследованиях войны, конфликта и насилия необычно большое место занимает компаративистский метод. Само это обстоятельство наводит на размышления о сущности и природе изучаемых явлений. Хорошо известно, что в социальной и культурной антропологии широкое использование сравнительного подхода было характерно для работ рубежа XIX и XX вв. и практически сошло на нет в результате становления функционализма; лишь в сравнительной лингвистике (компаративистике в узком смысле слова), которая продолжает рассматриваться как одна из четырех ветвей антропологии, этот подход удержал свои позиции. Почему же он получил такое большое распространение в конфликтологии, и, в частности, в антропологических исследованиях войны и мира? Ответ на этот вопрос может привести к важным выводам методологического характера. Современная антропология, усвоив философию постмодернизма, вместе с ней усвоила и скептический взгляд на существование культурных универсалий, деконструируя их как продукт западного Просвещения. Этот взгляд приводит к лобопытному следствию науковедческого характера. Глобальная распространенность конфликтов свидетельствует, вроде бы, об их универсальном характере. С позиции, в которой существование культурных универсалий отрицается, можно предложить несколько стратегий разрешения возникающего парадокса:

1) Конфликт, агрессивность, насилие могут рассматриваться как феномены, порождаемые не столько культурой, сколько природой человека и лишь опосредуемые культурой, то есть рассматриваться не столько в качестве культурной, сколько в качестве биологической (психофизиологической, этологической, психоэндокринологической и т.п.) универсалии. При таком взгляде может оказаться, что наиболее адекватными инструментами для исследования этих феноменов располагают психоанализ и социобиология, этология, феноменология телесности и т.д., а не собственно антропология, социология и политология. С этой точки зрения, работы этологов, а также таких философов как Фуко

и Лакан (а в отечественной философии — В. Подорога) оказываются более ценными для понимания сущности конфликта, чем все социальные науки вместе взятые, описывающие лишь формы его протекания.

2) Конфликт может рассматриваться как социологическая универсалия, что сопряжено с пересмотром объема понятия «культура» и конструированием границ между «культурой» и «социумом». Такой шаг, однако, сводится к семантической уловке, спору о словах, поскольку не разрешает обсуждаемого парадокса, хотя и открывает возможности использования социологических методов в кросс-культурных(!) исследованиях конфликтных взаимодействий. Ведь постулирование универсалий в сфере социального предполагает наличие универсальных норм и ценностей, «внекультурный» характер которых по меньшей мере спорен. В позитивистской традиции, удерживающейся в некоторых социологических школах и у определенной части социальных антропологов, где наличие внебиологических универсалий у человека не отрицается, компаративистский метод находит наиболее прочное обоснование.

3) Можно утверждать, что под терминами «конфликт», «война», «насилие» и даже «агрессивность» в разных культурах скрываются совершенно разные феномены, которые затем тематически стягиваются в понятийные «узлы» в логико-дискурсивном пространстве западной науки, где и превращаются в универсалии (конструируются в качестве культурных универсалий). Из всех перечисленных позиций лишь эта последняя совместима с постмодернистской парадигмой современной антропологии и утверждением о несуществовании культурных универсалий. Однако именно эта позиция разрушает основание компаративистского метода и, таким образом, оказывается несовместимой с положением дел в антропологической конфликтологии.

Даже такое беглое рассмотрение позволяет уяснить, почему среди современных подходов к исследованию конфликта преобладают социологические и этологические: первые опираются на позитивистскую методологию, в которой культурные особенности протекания конфликтов понимаются как вариативные формы проявления единой сущности, а вторые исходят из эволюционистской трактовки человеческого поведения, где универсальные закономерности оказываются «укорененными» в биологии человека.

Насилие как агрессивное поведение: биологические и психологические теории

Те концепции, которые будут ниже рассмотрены, не всегда относятся самими авторами к «биологическим». Здесь имеется в виду прежде всего природа базовых для каждой их рассматриваемых концепций закономерностей — психофизиологических, психоэндокринологических, генетических и т.п., которые рассматриваются в социальном контексте и с учетом особенностей социальной среды, так что, по существу, каждая из рас-

смаатриваемых концепций синтетична и, вообще говоря, может определяться как социально-биологическая; биологическим ее делает «ядро» концепции, сущность описываемых ей поведенческих механизмов.

Начнем с концепции, вырастающей на основе данных психоэндокринологии и психофизиологии, но являющейся по своей сути психиатрической. Здесь не будут подробно рассматриваться и оцениваться соответствующие построения раннего и позднего Фрейда, а также теория авторитарной личности Фромма-Адорно-Хоркхаймера, влияние которых на социологические теории агрессии в последние годы ощутимо снизилось. Обсуждения заслуживает лишь один аспект этих теорий, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме — разрабатываемые в их рамках подходы к исследованию этноцентризма. Этноцентризм (понятие введено Л. Гумпловичем в работе «Расовая борьба» в 1883 г. и затем, независимо от него Самнером в 1906 г.) понималось этими авторами как свойство сознания, позволяющее воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы и отражающее как отношения внутри самой группы, так и ее отношения с другими группами. Об этноцентризме можно говорить только при наличии двух составляющих:

- признания своей группы в качестве эталонной для оценки других этнических групп, что выражается во внутригрупповой сплоченности, солидарности, уважении внутригрупповых норм;
- признания других групп худшими, проявление враждебности, недоверия, презрения к другим группам.

Эти тенденции могут существовать и независимо друг от друга. Часть исследователей считает этноцентризм универсальной характеристикой, в основе которой лежит эгоцентризм. Эгоцентризм по Фрейду есть один из механизмов индивидуального сознания, генерализованное выражение индивидуального нарциссизма.

Последователи этой концепции (Т. Адорно, Е. Франкель — Брусвик, Д. Левинсон, Р. Санфорд) считают, что причины эгоцентризма лежат в авторитарной личности, которая становится лидером этнической группы. Авторитарная личность через психологические механизмы подавления, отрицания, проекции (неосознанный механизм, посредством которого импульсы и чувства, неприемлемые для личности, приписываются внешним объектам или другим людям) продуцирует массовые состояния агрессии, враждебности, ненависти по отношению к другим этническим группам. Происхождение же авторитарной личности лежит в детских невротических переживаниях и опыте, в семейных отношениях. Впрочем, последователей взгляда на этноцентризм как на результат социокультурных условий значительно больше.

Для объяснения причин и механизмов этноцентризма ими предлагаются три гипотезы:

1. *Гипотеза когнитивной конгруэнтности.* Этноцентризм связан с таким познавательным процессом как категоризация, т.е. это — тенденция

воспринимать и мыслить предметы и явления (в данном случае этнические группы) не как единичные и непосредственные данности, а в качестве представителей некоторого обобщенного класса с переносом на предметы и явления характерных свойств этого класса. Выработка эталона есть не что иное, как процесс категоризации. Стереотипизация позитивного восприятия «своих» (сравните семантику эндозтнонимов — «настоящие люди» у нганасанов, нанайцев, ненцев, чукчей, айнов и многих других) и негативного — «чужих» (известное еще со времен древней Греции и Китая противопоставления «своих» «варварам четырех сторон света») базируется именно на этом механизме.

2. *Культурологическая гипотеза.* Этноцентризм связан с культурными характеристиками этнической группы, которые могут его усиливать или ослаблять. Особый интерес представляют такие явления как структуры родства, властные отношения, насилие, наличие военизированных организаций, мифы, исторически сложившиеся отношения с другими группами. В антропологии конфликта широко обсуждается роль так называемых «братских групп» (fraternal interest groups), встречающихся в доиндустриальных обществах с патрилокальным расселением. Система родства в этих обществах и присущий им тип расселения создают возможность организации сплоченных мужских групп для ведения военных действий против других групп. Напротив, матрилокальность и множественные разнонаправленные связи аффилиации как и вырастающая на их основе иерархия лояльностей препятствуют развитию межгрупповой агрессии и конфликтов (Goelen, 1990:45-55; Otterbein, 1968:277-289).

3. *«Групповая» гипотеза*, которая видит источник этноцентризма во внутригрупповых взаимоотношениях, в привлекательности членов своей группы. Этническая группа предлагает своим членам определенные способы дружественных взаимоотношений и обеспечивает привлекательность своих членов; индивид стремится в ту группу, где он будет принят и будет привлекателен для других. Чем выше награда (словесные поощрения, доступ к материальным и духовным ценностям, популярность, власть и т.д.) за членство в группе, тем больше лояльность, солидарность с членами группы. Более того, при сравнении с членами другой этнической группы, даже по самому незначительному поводу, эта внутригрупповая лояльность возрастает и развивается внешняя враждебность. По способу осмысления механизмов этноцентризма эта гипотеза несомненно относится к бихевиористским, с типичной для бихевиоризма схемой «стимул — реакция».

При определенных условиях валентность этноцентризма может меняться, т. е. проявляется враждебность к своей этнической группе и дружелюбность к чужой. Это происходит в случаях, когда своя этническая группа слаба в социальном и/или культурном отношении, а внешняя сильна, обладает значительными ресурсами и членство в ней гарантирует перспективу социального продвижения. Этноцентризм часто целенаправленно культивируется и пропагандируется, это выгодно лидерам и поли-

тическим партиям и имеет как положительные (усиление порядка, связей внутри этнической общности), так и отрицательные последствия (возрастание враждебности и агрессивности, возможности открытых столкновений).

В соответствии с этими гипотезами этноцентризм часто видится в качестве источника межэтнических конфликтов, в силу чего проблеме его преодоления уделяется особое внимание. Существует две теории преодоления этноцентризма. Теория контактов постулирует, что рост интенсивности и количества контактов с другими этносами снижает этноцентризм. Но для таких контактов должны создаваться специальные условия (за исключением стихийных, неформальных межличностных контактов). К примеру, вступающие в коммуникацию должны иметь равные права в принятии решений, равный статус, определенный сопоставимый уровень достижений в своих этнических группах.

Другая теория — теория сверхординарной цели — выдвигает на передний план наличие общей сверхзадачи, которая в равной степени актуальна для разных этносов и требует решения совместными усилиями (экологические задачи, ликвидация катастроф, сохранение культуры, выживание человечества, мировые болезни и т.д.).

Еще одной, значительно менее известной в специальной литературе, но тем не менее представляющей несомненный интерес, является теория социальной паранойи — специфической среды, порождаемой личностями паранойяльного склада (Добрович, 1991). В современных словарях по психиатрии паранойя определяется как охваченность индивида систематизированным бредом при отсутствии галлюцинаций и сохранности интеллекта. А. Добрович уточняет это определение, дополняя его таким признаком как «стойкое, произвольное и неподдающееся коррекции проецирование субъектом своих желаний и опасений на внешний мир при утрате обратной связи, то есть неспособности воспринять и подвергнуть анализу то, что не подтверждает проекций» (с. 15). У профессионала-психиатра подозрение о паранойе возникает не столько в связи с высказываниями пациента, содержащими отступления от здравого смысла, сколько с реакцией последнего на любое высказанное несогласие. В данной теории различается индивидуальная и социальная паранойя, что и делает эту теорию интересной для понимания природы массового сознания и таких негативных проявлений этого сознания как ЭН.

По мнению специалистов, социальная паранойя зиждется на догматическом консенсусе относительно социальной реальности. В наиболее крайней форме — это утрата идентификации личности с собой и ее замещение на идентификацию с мифологической коллективной (нормативной) личностью. Если в основе индивидуальной паранойи лежит дефект миропознания, то социальная паранойя основана на страхе. Индивидуальная паранойя выявляется в двух регистрах — клиническом (нервно-психиатрическая болезнь) и субклиническом (специфическая ориентация личности при отсутствии болезни). Главной гипотезой в рассма-

триваемой концептуализации является признание особой роли паранойяльных личностей в возникновении тоталитарных режимов, деспотий, и таких феноменов как ЭН. В соответствии с ней социальная паранойя рождается и воспроизводится в обществе за счет возникновения и прихода к власти малых групп особого типа — т.н. «примитивных групп», обычно возглавляемых параноиком субклинического, или клинического регистра. «Примитивными» эти группы именуется по характеру их целей и побуждений: превращение власти в средство выживания, унификация людей в застывшей иерархии, проникающий во все поры общества страх и исключительная опора в социальном управлении на средства подавления и насилия.

В числе психологических корней социальной паранойи называются следующие:

- в *интеллектуальной сфере* паранойя выступает как глубокая убежденность индивида (группы) в своей правоте, единственности разделяемой картины мира или ситуации; данные, противоречащие этой картине игнорируются, либо объявляются подделкой; субъективно такое состояние переживается как несокрушимая уверенность в своей правоте и праве;

- в *мотивационно-поведенческом плане* паранойя представляет собой стремление индивида (группы) утвердить свою правоту и право перед лицом окружающих; противоречащие факты воспринимаются как ложные, измышленные противниками; субъективно это переживается как борьба истины с ложью;

- в *эмоциональной сфере* это состояние характеризуется чувством высокой собственной значимости, подозрительностью, тревогой, страхом, злобой; при малейшем противодействии извне возникает чувство ущемленного достоинства, мстительное чувство и даже готовность к самопожертвованию во имя гибели или посрамления соперника; субъективно это переживается как борьба непонятого с непонимающими, притесняемого с притеснителями, то есть как борьба добра со злом;

- в *перцептивной сфере* наблюдаются тревожно-враждебные ожидания вместе с интерпретациями, предшествующими фактам, а не следующими за ними, что создает иллюзии, субъективно воспринимаемые как очевидность.

Такая паранойяльная реакция на любые социальные события обычно подготавливается условиями социального бытия. Наиболее значимым параметром этих условий является такая характеристика массового сознания как мифотворчество. У мифа с социальной паранойей есть общий знаменатель, поскольку миф представляет собой систему представлений о мире, основывающуюся на субъективной и/или коллективной уверенности, а не на объективных подтверждениях. Психологи в этой связи все чаще начинают говорить о жажде видеть мир упорядоченным, об инстинктах порядка и самоутверждения. Понятным образом устроенная среда, в центре которой находится «Я» (индивидуальное, либо еще не выделенное из коллективного родового «Мы»), гарантирует психологичес-

кую комфортность этой среды, снимая непомерное бремя страха и ежемоментной готовности к опасности.

В организации такой среды индивиду помогает общество, поставляя ему первичные мифологемы, работающие как схемы объяснения мира. Одной из первых формируется эгоцентрическая мифологема, в которой уход родителей за ребенком трансформируется в картину мира, где все располагается и движется вокруг и для «Меня». Эгоцентрическая мифологема лежит в основании стойких идеологических конструктов: явления природы трактуются как спецуказания для «Нас», физические константы расчислены и устроены так, чтобы выжили «Мы» (антропный принцип), собственный народ имеет самоназвание «человек», а прочие должны довольствоваться статусом недочеловека.

Мифологема мира как упорядоченного единства так же возникает довольно рано. Ребенок наделяет мир теми же свойствами, что и себя: отнесенность любых эмоций и ощущений к Я проецируется вовне, мир начинает восприниматься как одушевленный Другой, целостный организм, или механизм, что также находит отражение в идеологемах замкнутой Вселенной, этносоциального организма и т.п.

К кругу первичных мифологем относятся также магическая мифологема (психическая связь с целостным и живым миром-организмом) и мифологема сверхбытия (обнаруживаемая несостоятельность Я заставляет наделять мир как одушевленного Другого сверхбытием, силой и неуязвимостью, позволяющими защитить Меня). Первичные мифологемы, с одной стороны, противостоят разуму, но с другой — являются его опорами и основаниями, позволяя вызреть человеческой психике в психологически комфортной среде. В данной концепции, если оценивать ее с точки зрения пригодности для понимания феномена ЭН привлекают внимание два момента — «конвергенция» первичных мифологем и симптоматики паранойи и особая роль мифов в поддержании группового противостояния в деструктивных насильственных конфликтах.

Параною можно определить как возврат разума к собственным мифологическим матрицам и уродливую гипертрофию последних. Душевный склад параноика может быть описан как конгломерат феноменов, содержание которых весьма напоминает первичные мифологемы. Идея собственного избранничества, нахождения в центре мира, своего рода психический птолемизм, свойственный параною (эгоцентрическая мифологема), взаимодействует с патомифологемой гипердетерминизма (все происходящее — не случайно, имеет прямое отношение к Я; случайных совпадений не бывает; мир существует как замкнутая система — связь с мифологемой упорядоченного единства). На этой почве легко возникает бред преследования, поскольку любые препятствия, интерпретируясь как неслучайные, складываются в картину заговора против Я. Манихейзм (разделение мира на черное и белое, зло и добро, столь свойственное мифу) и гиперволонтаризм (усиленная магическая мифоло-

гема) завершают описание клинической картины паранойи, выявляя ее значительное сходство с первичными мифами.

Мифы вообще играют довольно существенную роль в социальных конфликтах и межгрупповой агрессии. Из эмпирических данных этой дисциплины известно, что конфликт с другой группой ведет к росту сплоченности внутри данной группы, личной вовлеченности в дела группы и росту конформизма. В этой атмосфере и возникает феномен группового мышления — идеальная почва для мифотворчества. С ростом конформности, чувства принадлежности к группе групповое мышление проявляется в вытеснении мышления критического; происходит снижение эффективности в осмыслении реальности, изменяется мораль. С точки зрения одного из исследователей группового мышления, оно приводит к иррациональным и дегуманизирующим действиям против лиц, не принадлежащих группе («чужаков», «оппонентов»), а также питает сверхоптимизм, недостаток бдительности по отношению к собственному поведению и достижениям, лозунговое мышление по поводу нравственности оппонентов и т.д. Для нашей темы важно, что деструктивный конфликт обладает собственной инерцией и быстро утрачивает зависимость от исходных причин, когда его самобытие переходит в инобытие, трансцендирует «повседневную рациональность», что и объясняет иррациональность большей части поведения групп в деструктивных конфликтах.

Однако высказать предложения в ответ на вопрос, «как», еще не значит ответить на вопрос «почему». Почему возникают мифы, каковы их функции, какие роли они выполняют в социальном взаимодействии, и в частности в ситуации этнического конфликта? Тенденция к эскалации конфликта рождается при взаимодействии трех факторов: роста социальной конкурентности, искажения восприятия и возрастания личной приверженности группе. Анализ проявлений второго фактора позволяет высказать некоторые соображения по поводу функциональной роли мифов в социальном конфликте. Наблюдение об искажении социальной перцепции весьма точно отражает процессы мифотворчества и мифопотребления, обслуживающие механизм конфронтации. С одной стороны, рост приверженности и конформизма порождает квазирациональность группового мышления, с другой — законы конкуренции и конфронтации при исчерпании рациональных методов диктуют обращение к магии и ритуалу — формам коллективного действия, в которых миф издревле играл существенную роль. В этом случае процесс коммуникации между конфликтующими сторонами начинает нарушаться, информация становится обедненной и ненадежной; конкуренты начинают обращать внимание на различия, а не на сходства; прием угроз осуществляется с большей готовностью, чем примиряющих жестов. Растущая групповая солидарность усиливает враждебность. Ошибки противника, основанные на слабой информированности, либо случайные промахи воспринимаются как сознательные и злонамеренные и осуждаются как безнравственные. В результате обычные нормы поведения и морали замещаются системой

новых, число табуированных форм поведения растет. Появляется множество тем, которые не принято обсуждать, лиц, закрытых для критики. Нарушения табу в этих случаях воспринимаются как измена, нанесение вреда общему делу и т. п. иррациональность происходящего способствует развитию конфликта по спирали.

Важно отметить также роли мифов в ситуациях межэтнического контакта и конфликта, дедуцируемые из описанной ранее картины:

- *дискриминантная роль*: вера в тот или иной миф упорядочивает социум, разделяя его на «своих» и «чужих»; попытки рационального анализа мифа обычно табуируются, «неверящие» классифицируются как враги;

- *прозелитическая роль*: своей квазирациональностью миф (в особенности научный) вербует новых сторонников, убеждает их, мобилизует на коллективные действия;

- *мистифицирующая роль*: миф искажает факты, тем самым устраняя «неудобную» реальность, разрушая рациональные аргументы оппонентов.

Думается, что описанные здесь функции мифа ответственны за феномен его устойчивости мифологии и лежат в основе трудностей, с которыми сталкиваются все попытки демистификации сознания.

А. Добрович, исходя из описанного выше феномена конвергентности первичной мифологии и паранойяльного синдрома, видит в ней причину успешности укоренения в массовом сознании паранойи социальной. Массовое сознание как бы просматривает разницу между интимно близким каждому конгломератом первичных мифологем и картиной мира, предлагаемой пришедшей к власти паранойяльной личности. Сдвиг от мифологем к патомифологемам происходит за счет описанного уже Фрейдом нарциссизма; при этом важно подчеркнуть, что фиксация влечения на собственном Я возможна и в том случае, когда это Я мыслится неотделимым от коллективного Мы. Нарциссическое «Мы-изъявление», выражаемое в заголовках типа «Мы — русский народ», «Мы — коренная нация» и т.п. зачастую не исходит от реальной общности, но протекает от чьего-то Я, облегшегося в общественно признанную форму самоизъявления.

Психиатры, опираясь на опыт исследования клинической и субклинической паранойи, описывают следующий механизм возникновения «сдвига» массового сознания в сторону социальной паранойи: всякое социальное ущемление, гражданское или нравственное, превысившее некоторый порог, может повлечь за собой фрустрацию. На коллективном уровне это чувство групповой неполноценности и отверженности уже исследовалось антропологами и социологами и в разных концептуализациях получило обозначения «стигматизированного сознания» (Barth, 1969) и «угрожаемой идентичности» (Breakwell, 1983). Маршрут «фрустрация — неполноценность — нарциссизм» оказывается довольно типичным и завершается переживанием сверхценности собственного Я, или коллективного Мы. В обществе, охваченном социальной паранойей обычно су-

существует жесткая властная иерархия с застывшим распределением внутригрупповых ролей; оно же характеризуется острой ксенофобией, охотой за ведьмами, либо поиском внешних и внутренних врагов, якобы угрожающих благополучию Мы. «Примитивные группы» с жестким распределением ролей напоминают социальное устройство в группах у некоторых приматов. Именно в силу этого в поле интересов современной конфликтологии, изучающей человеческую агрессию, входят и этнологические теории агрессивного поведения.

Этническое насилие, идеология и маргинализм

В современном обществе существуют развитые формы институализации власти: власть, основанная на принуждении концентрируется в руках государства; власть, опирающаяся на убеждение, делится между разными профессиональными элитами, контролирующими средства массовой информации. Поскольку любая власть на всех институциональных уровнях порождает известное сопротивление, выражаемое в несогласии, автономии индивидов, культивировании иных ценностей, «недисциплинированности», анонии и т.п. Все эти формы противостояния официальной власти и поддерживающей ее идеологии сталкиваются с потребностью собственной легитимизации, выработки контр-идеологии и вырастающей на ее основе контр-гегемонии (Грамши). Эта контр-власть, оппозиция официальной власти обретает собственную институализацию, весьма часто в диффузных и множественных формах, которые официальными идеологами нередко определяются как маргинальные, аномические, лиминальные, периферийные, одним словом «ненормальные», подлежащие искоренению.

Официальная власть располагает и опирается на понятие «гражданина», ответственной и дисциплинированной личности, разделяющей ценности, лежащие в основе официальной идеологии и, таким образом, легитимизирующей эту власть. Сопротивление, принимая разнообразные формы и являясь диффузным, в каждой своей субкультуре формирует собственную субъективность, основанную на присущей этой субкультуре аксиологии, нередко выстраиваемой по «зеркальному принципу» в отношении официальной системы ценностей. Криминальные круги и субкультуры насилия, очевидно, основаны именно на «зеркальных аксиологиях», в которых «свои» ценности вырабатываются как контрарные «их» ценностям, т.е., по существу, моделируются как антиценности. Похожим образом работают и многие молодежные субкультуры, моделирующие собственные аксиологические системы с включением изрядного числа «анти-взрослых» ценностей. В отличие от уголовной среды здесь в качестве негативного референта выступает не общество в целом, а поколение родителей.

В то время как государство в осуществлении своей власти опирается на легитимное насилие, контр-власть выстраивает свои практики с опо-

рой на те «зоны» массового сознания, которые остались незахваченными официальной идеологией, на дискурсивные структуры, «не колонизованные» властью официального языка, но обретшие свою эфемерную институализацию в маргинальных дискурсивных практиках — «разговорах», «слухах», «пересудах» обывателя. Существенно также то обстоятельство, что носители этого контр-дискурса воспринимаются хотя бы водной из перспектив выстраиваемых на социальных дистинкциях, в качестве «своих», а нередко как референтная группа, чьи мнения способны не менее успешно легитимизировать насилие против аутсайдеров, чем это удастся официальной идеологии. ЭН в этой теоретической перспективе выступает как насилие «своих» маргиналов, направленное против занимающих еще более низкое положение в социальной иерархии «чужих» маргиналов — иммигрантских низов, цветных меньшинств и т.п., «двойная маргинальность» которых позволяет группе, осуществляющей насилие хотя бы на время занять доминирующее положение и идентифицироваться с занимающими более высокий статус социальными слоями. ЭН в этой концептуализации выступает как насилие «социальных маргиналов» над маргиналами «этническими», или «расовыми».

Положение группы в сложившейся в конкретном обществе системе доминирования позволяет определить так называемый «виктимизационный комплекс», позволяющий измерять деструктивные последствия межкультурных и межэтнических контактов для культуры уязвимых групп. Вся совокупность негативных последствий и их причин именуется в этом подходе процессом виктимизации (социокультурной депривации) группы. Модель виктимизации возникла в рамках такой пограничной дисциплины, как виктимология, базирующейся на методах криминологии, социологии и социальной психологии в исследованиях жертв преступлений, несчастных случаев и т.п. В 1980-е годы в виктимологии были приняты попытки ответить на вопрос, почему представители меньшинств и других недоминирующих групп населения чаще становятся жертвами насилия. Исследования этой проблемы позволили уточнить понятие «уязвимая группа» и разработать модель виктимизационного процесса, порождаемого социокультурной депривацией группы.

Для диагностики этого процесса в ходе исследований групп коренного населения США и Канады был установлен перечень параметров, позволяющий с высокой степенью надежности определять наличие социокультурной депривации. Этот комплекс индикаторов (виктимизационный комплекс) содержит ряд измеримых показателей, практически каждый из которых должен трактоваться относительно (т.е. с учетом уровней тех же показателей у доминирующих групп, соседних групп в регионе и т.п.). В комплекс вошли следующие индикаторы:

смертность

- относительно высокий уровень детской смертности;
- относительно высокая смертность взрослых от несчастных случаев и отравлений, включая суицид и насильственные смерти;

заболеваемость

- относительно высокая заболеваемость инфекционными болезнями;
- относительно высокий уровень заболеваемости алкоголизмом;
- относительно высокий уровень рождений детей с врожденными пороками;

семейные характеристики

- относительно высокий уровень разводимости;
- относительно большое число неполных семей;
- относительно высокий уровень внебрачной рождаемости и абортот;
- большое число случаев отказа родителей от воспитания детей;

социальная патология

- высокий уровень преступности, включая подростковую;
- низкий уровень занятости населения, социальная безработица;
- социальная пассивность, чувство зависимости;

характеристики жилого фонда

- скученность;
- низкое качество жилья.

Виктимизационный комплекс относится к числу весьма немногочисленных инструментов, предоставляющих исследователям операционные критерии уязвимости группы. Макроэкономические показатели, опирающиеся на сходные идеи (например, многочисленные индикаторы уровня развитости стран), неприменимы к небольшим группам населения, тем более к группам, практикующим различные формы традиционного хозяйства. В этой связи использование в виктимизационном комплексе демографических и социологических показателей и отказ от использования показателей экономических выглядит, скорее, как преимущество, чем как недостаток, обеспечивая возможность кросс-культурных сравнений положения групп, практикующих различные формы хозяйственной деятельности. Теория виктимизации предлагает свою версию ответа на вопрос, кто становится жертвой ЭН.

ЛИТЕРАТУРА

- Добрович А.* Паранойя как среда обитания // Журнал «22». Иерусалим. 1991. N74. С. 15-27.
- Barth F.* (Ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference.* Bergen, 1969.
- Breakwell G.M.* (Ed.) *Threatened Identities.* Chichester etc., 1983.
- Goelen R.* Fraternal Interest Groups and Violent Conflict Management: A socio-structural hypothesis // *Zeitschrift für Ethnologie.* 1990. Bd.115. S.45-55.
- Griffith C.T., Yerbury J.C., Weafer L.F.* Canadian Natives: Victims of Socio-Structural Deprivation? // *Human Organization.* 1978. V.46. N3. P.277-282.
- Otterbein K.F.* Internal War: A cross-cultural study // *American Anthropologist.* 1968. V.70. N 2. P.277-289.

Л.П. Щедровицкий
А.А. Пископелъ

Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 1)

"Надо сказать, что по отточенности формулировок мы достигли значительных высот, и здесь наши преимущества перед западной наукой, пожалуй, бесспорны"

(В.А. Ширельман, 1992)

«Становится все яснее, что без строгого критического анализа прошлого <...> нашей науке не обойтись», — констатирует директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков (Тишков, 1992, с. 5) и поясняет: «Тело нашей науки больно, причем сразу несколькими болезнями, и одна из них — наиболее серьезная и менее всего ощущаемая — это отсутствие рефлексии и самоанализа <...>» (Там же, с. 16).

Поскольку нас привлекает именно «наиболее серьезное и менее всего ощущаемое», мы намерены предпринять рефлексивный экскурс в «теорию этноса» (ибо, как хорошо известно, нет ничего практичнее хорошей теории).

«Теория этноса» является нашим культурным наследием. И поэтому к ней нужно относиться бережно, но вместе с тем осознанно. А это значит, что необходим скрупулезный анализ (как ретроспективный, так и перспективный) концептуального поля этнологии (ее методологии и основных понятий), который позволил бы решить, что из «теории этноса» может быть использовано в практической работе, а что следует передать в «музей» в качестве экспонатов. И таковыми безусловно же являются не только многие бывшие «достижения», но и ошибки, ибо на ошибках следует учиться.

Анализ основных концепций в рамках отечественной «теории этноса» нам представляется естественным начать с концепции Ю.В. Бромлея, ибо отечественная теория этноса (как научная парадигма) представлена прежде всего его школой. При этом именно в работах самого Бромлея эта теория получила обобщенное (официальное) выражение.

Концепция Ю.В. Бромлея

1. «Этникос» как базовое понятие теории

«Этникос» — это, пожалуй, единственное понятие теории, «заслужившее» в рамках концепции формальной дефиниции (которая даже корректировалась время от времени).

Обратимся же к исходной дефиниции: «этнос в узком смысле слова в самой общей форме может быть определен как исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований <...> Представляется целесообразным закрепить за узким значением термина "этнос" наименование εθνικός (этникос)» (Бромлей, 1973, с. 37).

Нам представляется, что при обсуждении этой дефиниции следует остановиться по крайней мере на четырех моментах.

1.1. Этникос — это совокупность людей, обладающих общими особенностями

Термин «совокупность» в рассматриваемой теории служит эквивалентом слова «общность»: это полностью взаимозаменяемые (тождественные) слова. Но более распространенным и расхожим словом в теории является термин «общность».

При этом хорошо осознается, что «общность» — неоднозначное слово. И это обстоятельство даже подчеркивается: «Следует вместе с тем учитывать, что в одних случаях термином "общность" может быть обозначена просто одинаковость людей по какому-то признаку (например, одинаковая группа крови), в других — их единство, неразрывная связь» (Бромлей, 1973, с. 11). Или в более поздней работе: «Трактовка общности людей как объединения неизбежно предполагает наличие между ними определенных связей, представляющих собой обмен информацией, веществом и энергией. Этим общность-объединение отличается от общностей-одинаковостей (или простых множеств людей), выделенных на основе идентичных внешних признаков, за которыми не стоят внутренние связи. Например, могут быть выделены множества блондинок, высоких людей, долихоцефалов и т.п. Такие общности-одинаковости принято именовать условными, или "статистическими" группами, выделенными исследователями на основе условного признака. Этим общностям противопоставляются так называемые реальные группы, охватывающие реально взаимодействующих друг с другом людей, т.е. общности-объединения» (Бромлей, 1983, с. 25).

Однако легко убедиться, что основной смысл «одинаковостей» и «объединений-единств» в рассматриваемой теории не вполне схвачен. Со всей очевидностью это видно из следующих рассуждений: «Человеческие общности-объединения нередко обладают новыми интегративными свой-

ствами, не характерными для отдельных входящих в них людей. Значимость этих свойств для таких общностей, однако, может быть различной. В одних случаях, хотя и обнаруживаются некоторые "кооперативные черты" у людей, входящих в общность, однако эти черты не существенны как для нее в целом, так и для ее членов; в свою очередь изменение свойств отдельных членов таких общностей не имеет для нее значения (например, пассажиры автобуса). В этих случаях перед нами общности-объединения суммативного, собирательного характера. В других случаях общие связи между отдельными частями объединения, как и его средой, придают ему особые свойства, отличные от тех, которыми обладают его части» (*Бромлей, 1983, с. 27*).

Дело в том, что общности «суммативного, собирательного характера» — это как раз «общности-одинаковости» (простые множества, статистические совокупности), а вовсе не «общности-объединения». И «общности-объединения» не «нередко обладают новыми интегративными свойствами, не характерными для отдельных входящих в них людей», а с необходимостью ими обладают, в противном случае — это никакие не «объединения».

В свете этих различий и замечаний мы должны констатировать, что в дефиниции этникоса — независимо от того, что на самом деле хотел автор — совокупность задана (формально, логически) именно как статистическая совокупность (простое множество), или «общность-одинаковость», а не как целостность (единство, неразрывная связь, система): перечисляются те признаки, по которым люди отбираются в совокупность («общность») и нет ни слова о самом целом (системе).

Важно отметить, что и в большинстве случаев (но не во всех) экспликации и применения этой дефиниции этникос трактуется исключительно как статистическая совокупность. Вот характерные примеры:

— «В современном русском языке такому пониманию термина "этнос" в известной мере соответствует слово "национальность" <...> когда "национальность" понимается как совокупность лиц одной национальной принадлежности независимо от их территориального размещения» (*Бромлей, 1983, с. 58*);

— «В качестве одной из наиболее наглядных иллюстраций реального существования этноса в узком смысле слова может служить наличие общих черт у отдельных пространственно разобщенных групп людей, принадлежащих к одной национальности. К примеру, украинцев Советского Союза и украинцев Канады объединяет не только общее наименование, но и общность отдельных черт культуры, в том числе языка, а также сознание общности происхождения; в то же время у них отсутствует и территориальная, и экономическая, и государственная общность» (*Бромлей, 1973, с. 38*);

- «И, конечно, говорить о тождестве (полной идентичности) культуры украинцев Канады и украинцев СССР нет никаких оснований <...> но одно дело тождественность, а совсем другое — наличие определенных

общих черт в культуре обеих рассматриваемых групп украинцев» (Бромлей, 1983, с. 59-60);

- «Отсутствие единого экономического базиса у украинцев СССР и украинцев Канады не дает основания отрицать, что они представляют определенную общность, имеющую одинаковые этнические признаки. И поскольку эта общность проявляется в этнической сфере, ее естественно именовать "этнической"» (Там же, с. 61).

Итак, данная дефиниция задает понятие этникоса («этноса в узком смысле слова») посредством категории «статистическая совокупность (простое множество)»¹.

1.2. Этникос — это совокупность людей, обладающих общими особенностями

Стало быть это понятие касается лишь «этнопопуляции» и не распространяется на такие, например, объекты (сущности), как социальные институты. Иными словами, любые расширительные трактовки понятия этникоса, выводящие нас за рамки «множества определенных людей», некорректны².

Далее, из того факта, что этникос задается с помощью тех или иных особенностей культуры, психики и самосознания как этнообразующих признаков, вовсе не следует, что можно ставить знак равенства между этими особенностями (признаками) и самим этникосом. Однако это постоянно делается. Например: «Говоря об этносе в узком значении слова, мы должны иметь в виду, что он как система своеобразных черт культуры <...>» (Бромлей, 1973, с. 38); «представляя определенную общность культуры, каждый этникос ...» (Там же).

1.3. Этникос — это совокупность людей, обладающих общими особенностями культуры, психики и самосознания

В рассматриваемой дефиниции никак не специфицирован способ, с помощью которого определяется совокупность. Так, непонятно, должен ли человек обладать всеми общими особенностями — и культуры, и психики, и самосознания, — чтобы претендовать на принадлежность к конкретному этникосу, или только некоторыми из них (достаточно, скажем, особенностей самосознания).

Кроме того, непонятно, по каким критериям определяется, считать или не считать ту или иную особенность общей. Ведь, в зависимости от «объема» привлекаемых к рассмотрению признаков, мы будем получать

¹ И глубоко неправ, на наш взгляд, С.В. Соколовский, причисляющий Ю.В. Бромлея к «реалистам», а не к «номиналистам» (Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания — В печати). В рамках этой оппозиции Ю.В. Бромлей безусловно «номиналист».

² Такие, например, как: «социальное в широком значении этого слова включает в себя этническое, следовательно, этникосы сами представляют собой социальные институты» (Бромлей, 1983, с. 62). Комментарий здесь, на наш взгляд, излишни.

разные совокупности (чем больше «обязательных» особенностей, т.е. чем «жестче» отбор, тем меньше этникос).

Поскольку этникос определяется как совокупность людей, обладающих определенной «одинаковостью», то отсюда следует, что собственно «этническое» (этническое) есть не что иное, как эта «одинаковость», т.е. только общие особенности культуры, психики и самосознания. Но это означает в общем случае, что чем многочисленнее этникос, тем слабее выражена его «этничность», и наоборот.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что определение не ограничивает объект (этникос) какими-либо временными рамками и поэтому допускает разные толкования.

Так, можно предположить, что это есть совокупность всех людей в истории (диахрония) с определенными (фиксированными) особенностями. Тогда, скажем, Иван Грозный, Петр I, А.С. Пушкин и ныне здравствующий Петр Сергеевич Иванов принадлежат одному этникосу.

Но можно допустить, что речь идет о совокупности людей, живущих в данный момент. Заметим, что тогда в этникосы не входят малолетние (если самосознание — обязательный признак) и сопоставление этникоса с «национальностью» некорректно.

Наконец, можно вообразить, что этникос — это своеобразная функция, принимающая разные значения в зависимости от текущего времени.

При этом каждый из возможных вариантов задает свои специфические требования к набору общих особенностей культуры, психики и самосознания, а тем самым по-своему определяет и «этничность».

Однако отсутствие разъяснений и уточнений куда менее пагубно для концепции, чем наличие высказываний, перечеркивающих смысл основной дефиниции. А именно таковыми являются, на наш взгляд, следующие утверждения Ю.В. Бромлей:

1) «не оставляет сомнений, что если исходить из идеи "общности языка" (имея в виду при этом общность одного языка) как обязательного этнического признака, то немало народов автоматически окажется за пределами этнической категории» (*Бромлей, 1973, с. 56; Бромлей, 1983, с. 113*);

2) «локальные различия в культуре — явление, встречающееся, если не во всех, то во всяком случае в подавляющем большинстве относительно крупных этносов. При этом границы пространственного распространения как отдельных компонентов культуры, так и их целых комплексов зачастую не совпадают между собой, ни в целом с территориальными рамками этнических общностей» (*Бромлей, 1973, с. 63; Бромлей, 1983, с. 121*);

3) «самосознание этнической общности может быть выражено в концентрированной форме отдельными ее представителями. А это в свою очередь дает основание полагать, что для признания факта существования этноса как такового совсем не обязательно, чтобы все его члены обладали соответствующим этническим самосознанием — достаточно

"концентрированного" выражения этого самосознания» (Бромлей, 1983, с. 177).

Таким образом утверждается, хотя и в завуалированной форме, не более и не менее, как следующее: совокупность людей, составляющих «этнонос», не обладает, как правило, ни общими особенностями культуры (включая язык), ни общими особенностями самосознания.

2. «Этнос в широком значении слова»

В отличие от понятия «этнонос», понятия «этносоциальное образование» и «этносоциальный организм» не имеют в теории этноса формальных дефиниций, и это обстоятельство требует от нас дополнительной работы по их «сборке». Поэтому рассмотрим основные последовательные утверждения по поводу «этноса в широком значении слова».

2.1.

«Каждый этнонос тесно связан со своей *средой*, которую составляют как социальные, так и природные факторы, выступающие в качестве неперенных условий его возникновения» (Бромлей, 1973, с. 38).

Если воспринимать слова, выделенные нами курсивом, как термины, то в этом случае утверждается следующее:

1) «социальное» и «природное» были когда-то условиями возникновения этноноса, но не факторами;

2) когда этнонос уже возник, «социальное» и «природное» оказались за его пределами — в среде — и там выступают в качестве факторов, т.е. определяют характер среды, а не этноноса.

Итак, согласно этим утверждениям, этнонос может быть рассмотрен как реальное образование, отграниченное каким-то образом от среды, противопоставленное ей (хотя и с учетом наличия тесных связей), имеющее свою собственную структуру, отличную от структуры среды. И при этом «социальное» и «природное» как факторы среды (как ее субстанциональные сущности) не принадлежат его структуре — они существуют вне его «тела»³.

Однако следующий тезис Ю.В. Бромлея вступает в противоречие с подобными представлениями.

2.2.

«Вообще в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы»⁴.

³ Применительно ли понятие среды для множества этнофоров — этот вопрос лежит за рамками обсуждения.

⁴ В этом месте Ю.В. Бромлей делает весьма примечательную сноску: «В данной связи привлекает внимание мнение М.И. Артамонова, что этнос сам по себе — аморфное явление (М.И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа». — Природа, 1971, 2, с. 76)».

При этом эту роль могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до государства. В результате такого симбиоза возникают своеобразные этносоциальные образования» (Бромлей, 1973, с. 38-39)⁵.

Тем самым фактически отвергается модель «этнокос — среда» и предлагается принципиально новая версия, согласно которой этнокос есть своего рода фикция⁶: в объективной реальности его как самостоятельного явления не существует, а существуют лишь этносоциальные образования.

Казалось бы, этот тезис означает очень важный поворот от номинальных совокупностей к системным целостностям, однако мы покажем, что это не так. Но прежде задержимся несколько на самом тезисе, поскольку он, на наш взгляд, содержит принципиальные внутренние противоречия.

Во-первых, этнокос, по определению, существует именно вне социальных институтов, и не может иметь «структурообразующей формы» как всякая номинальная совокупность (множество). К тому же люди, будучи элементами этнокоса (как множества), реально входят в состав самых разных социальных систем. И уже по этому говорить о какой-то интегральной системе, которая служила бы «структурообразующей формой» для этнокоса как целого (т.е. всей совокупности людей его составляющих) просто неосмысленно.

Во-вторых, необходимо различать свойства и отношения, с одной стороны, и институты, с другой, а также различать форму, в которой проявляет себя некоторая сущность (т.е. ее «явление»), и симбиоз двух сущностей.

В концепции Ю.В. Бромлея такие различения последовательно не проводятся. Так, говоря о «характере сочетаний собственно этнических свойств с социальными (в узком смысле слова)» он поясняет, что под социальными свойствами (в узком смысле слова) имеются в виду «прежде всего классовые, производственные отношения и соответствующие им группы и социальные институты» (Бромлей, 1973, с. 39). Иными словами, для него отношения, группы, институты суть свойства, сочетающиеся с этническими свойствами.

Что касается симбиоза (согласно словарю, «симбиоз — формы тесного сожительства двух организмов разных видов, включая паразитизм»), то он предполагает существование двух организмов, а не выделение двух

⁵ Ср.: «<...> основными формами существования этносов, очевидно, следует считать, с одной стороны, этнокосы [подчеркнуто нами], с другой — не только ЭСО, а и всю совокупность этносоциальных образований» (Бромлей, 1983, с. 75), а также: «Ведь социальное в широком значении этого слова включает в себя этническое, следовательно, этнокосы сами представляют собой социальные институты» (Бромлей, 1983, с. 62, сноска 25). Но что тут поделаешь: такая уж «теория» этноса.

⁶ Или, если воспользоваться словами В.А. Тишкова, «исключительно умышленная конструкция» (Тишков, 1992, с. 7).

аспектов — этнического и социального («в узком смысле») — в одном организме.

Точно так же неосмысленно говорить о симбиозе содержания и формы, как и о симбиозе чего-то, не имеющего собственной формы, с чем-то, имеющим ее. Симбиоз «совокупности людей» (этникоса) с «социальными институтами (от семьи до государства)», по нашему разумению, есть нонсенс наподобие «сапог всмятку». Между тем именно о таком «симбиозе» идет речь в концепции Ю.В. Бромлея.

Однако вернемся к последовательности его тезисов.

2.3.

«Вместе с тем почти в каждом этническом образовании (во всяком случае современном) обычно присутствуют большие или меньшие иноэтнические вкрапления» (Бромлей, 1973, с. 39).

Этот тезис ничего кроме недоумения породить не может. Речь шла об этносоциальных образованиях, а по поводу «этнических» утверждалось, что таковых в объективной реальности не существует, поскольку «этнос сам по себе — аморфное явление» и требует этносоциальной формы.

Кроме того, «этническое» образование по определению не может иметь «иноэтнических вкраплений».

2.4.

«Среди компактных этнических образований особое место, несомненно, занимают те, что сопряжены с так называемыми социальными организмами, под которыми, как уже говорилось, понимаются отдельные общества, самостоятельные единицы общественного развития (социально-потестарные в первобытном обществе; социально-политические в классовом).

Возникающие в результате взаимопроникновения этноса и социального организма особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей особенно благоприятные условия для этнического воспроизводства. Эти "синтетические образования", являющиеся одной из важнейших и весьма распространенных форм существования этноса, на наш взгляд, могут быть определены как этносоциальные организмы (сокращенно ЭСО)» (Бромлей, 1973, с. 39-40).

Прежде всего заметим, что выражение «взаимопроникновение этноса и социального организма» ничем не лучше выражения «их симбиоз». Понятно, что если часть этникоса — часть людей из всей этникосной совокупности — является частью населения некоторого потестарного целого (общества), то она (эта часть) есть элемент целого. Но осмысленно ли говорить о «взаимопроникновении» элемента и целого? С нашей точки зрения, это — нонсенс.

Далее, выражение «возникающие в результате взаимопроникновения» предполагает, что до «взаимопроникновения» отдельно существовали как социальный организм, так и «этническое образование». Но это про-

творечит предупреждению Ю.В. Бромлей в первой сноске к обсуждаемому тезису: «Следует иметь в виду, что в генетическом отношении обычно первичны социальные организмы, а соответствующие этникосы вторичны». Поэтому поименованные «синтетические организмы» оказываются лишенными сущности.

Нас смущают также выражения «сопряжены» и «обладают относительной самостоятельностью». Дело в том, что любое социальное образование существует в рамках общества (социального организма) и является его элементом, а значит так или иначе всегда сопряжено с ним. Поэтому без пояснений, какой именно конкретный смысл вкладывается здесь в слово «сопряжены», эта формулировка практически ничего нам не дает. Ю.В. Бромлей в основных своих публикациях не раскрывает специфического для его концепции значения этого термина, и формулировка, лишенная конкретного содержания, практически без изменений «кочует» из одной его работы в другую (ср.: *Бромлей*, 1970; 1973; 1983).

Может быть речь идет о тех социальных организмах, в которых этнофоры, принадлежащие одному этникосу, составляют подавляющее большинство населения и потестарная надстройка всецело ориентирована на эту этникосную составляющую (т.е. последняя обладает «своей» государственностью)? И некоторые основания для такого предположения казались бы дает вторая сноски к обсуждаемому тезису: «Точнее, пожалуй, было бы именовать такие образования этнопотестарными организмами, однако в данной связи нельзя не учитывать, что само слово "потестарный" недостаточно привычно» (*Бромлей*, 1973, с. 40, сноски 19).

Однако теоретическое мышление Ю.В. Бромлей допускает определенный «шлюфт» в содержаниях формулировок, позволяющий ему свободно отрезаться от сказанного ранее без какого-либо обсуждения. В одной из своих работ (*Бромлей*, 1983) Ю.В. Бромлей дословно воспроизводит фрагмент рассуждения об основных разновидностях этносоциальных организмов из другой своей работы (*Бромлей*, 1973), в которой он при тех же условиях считал, что «точнее» термин «этнопотестарный организм». Цитируем этот фрагмент: «В третью разновидность можно выделить случаи, когда в рамках одной социально-политической общности (государства) одновременно имеется несколько компактных и относительно самостоятельных этникосов. Образуемые при этом этносоциальные организмы следует, очевидно, рассматривать как имеющие не вполне завершенную структуру, поскольку они лишены собственной политической надстройки» (*Бромлей*, 1983, с. 69; ср. *Бромлей*, 1973, с. 41). Однако в этом месте он делает следующую сноску: «В частности, в силу этого обстоятельства термин "этносоциальный организм" представляется в данной связи предпочтительней термину этнопотестарный организм» (см.: Козлов В.И. О классификации этнических общностей, с. 14-15)⁷. Ведь при употреблении последнего термина все рассматриваемые выше случаи

⁷ Заметьте: «см.: Козлов В.И.», а не «см.: Бромлей Ю.В.».

третьей разновидности неизбежно окажутся вне категории «организмов» этнического характера. Между тем этникосы, находящиеся в пределах территориально-потестарных (государственных) образований, несомненно отвечают представлению об организме как о самовоспроизводящейся целостности» (Бромлей, 1983б с. 69-70).

Такой поворот теоретической мысли означает многое.

Во-первых, заявляя, что «этникосы⁸, находящиеся в пределах территориально-потестарных (государственных) образований, несомненно отвечают представлению об организме как о самовоспроизводящейся целостности», Ю.В. Бромлей фактически «выплескивает с водой ребенка»: если из самого факта нахождения в пределах территориально-потестарного образования следует квалификация части этникоса как «организма», то не нужно вводить термин (понятие) «ЭСО» за ненадобностью, поскольку тогда все «этносоциальные образования» суть «этносоциальные организмы».

И тогда реальный смысл, стоящий за выражением «особые образования во многих случаях обладают относительной самостоятельностью, обеспечивающей особенно благоприятные условия для этнического воспроизводства» сводится к трюизму и тавтологии: для этнического воспроизводства наиболее благоприятными условиями являются компактность (гомогенность) и благоприятные потестарные условия.

Во-вторых, Ю.В. Бромлей утверждает здесь прямо противоположное тому, что ранее легло в основу его рассуждений об этносоциальных образованиях. Ведь теперь оказывается, что самостоятельное существование имеют и этникосы (а не только этносоциальные образования) и что, оказавшись в пределах государства они (как и этносоциальные образования) отвечают представлению об «организме»⁹. Но тогда, что нового дает нам представление об «этносоциальном образовании»?

Возвращаясь к нашему замечанию о «люфте», подчеркнем здесь, что отсутствие строго определенных, однозначных дефиниций «ЭСО» позволяет утверждать по отношению к нему любое — в том числе и диаметрально противоположное. Например:

1) «...ЭСО каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно его свободное население, оставляя за своими пределами значительную часть непосредственных производителей — рабов, поскольку они принадлежат к другим этносам. ЭСО же при феодальном строе охватывает прежде всего трудящееся население и подчас не включает господствующий класс феодалов» (Бромлей, 1970, с. 51);

⁸ Заметим, что здесь Ю.В. Бромлей неточен, ибо какие-то «осколки» этникоса всегда находятся за рамками одного государства. Поэтому конечно же речь идет не об этникосах, а об их частях.

⁹ Ср.: «...понятие "организм" предполагает пространственную целостность обозначаемого им объекта» (Бромлей, 1983, с. 62, сноска 27).

2) «Исторически возникающие при этом этносоциальные образования (этносоциальные организмы) обычно не только обладают этнической и территориальной общностью, но и представляют собой социально-экономическую целостность, т.е. имеют основные характерные для соответствующего социального организма классы <...> В отличие от этноса в узком значении слова — как общности, определяемой в первую очередь языком, культурой и самосознанием, — отдельные конкретные формы его существования (этносоциальные образования) не только размещены (более или менее компактно) на определенной территории, но и обычно включают основные социальные группы (классы), присущие обществу соответствующей формационной принадлежности; особенно это характерно, как уже отмечалось, для ЭСО. Кстати сказать, в силу этого каждый этникос, включающий наряду с этносоциальными группами одноименные ЭСО, как правило, в целом имеет "полную" социальную структуру. Данное обстоятельство, между прочим, дает ответ на вопрос об отличии этносов от каст (последние не обладают подобной "полнотой" социально-классовой структуры)» (Бромлей, 1987, с 15).

Стоп! Совершенно очевидно, что двигаться дальше по формулировкам Ю.В. Бромлея уже бессмысленно. Этот путь приведет нас лишь к тому, что будут зафиксированы новые парадоксы и курьезы. Но их и так предостаточно.

И можно с полным на то основанием резюмировать, что «теория этноса» Ю.В. Бромлея полна внутренних противоречий.

Однако для полной характеристики концепции такой фиксации явно недостаточно. Необходимо еще схематизировать ее основное содержание. А для этого нужно попытаться представить то, что реально делает Ю.В. Бромлей в своих теоретических построениях, независимо от того, как он эти свои действия и представления словесно оформляет. Конечно же это будет лишь версия схемы содержания концепции (однако надеемся, что правдоподобная).

Схема содержания концепции Ю.В. Бромлея

1. Как это ни парадоксально, два основных понятия, с которыми реально работает Ю.В. Бромлей, — это вовсе не «этникос» (или «собственно этнос», или «этнос в узком значении термина») и «этносоциальный организм» (или «этнос в широком значении термина»), а «этническая общность» и «этнофор».

При этом основным и в каком-то смысле первичным является понятие «этнофор».

2. «Этнофор» по Ю.В. Бромлею — это человек «в роли носителя этнических свойств, этнической информации» (Бромлей, 1983, с. 83).

Однако важно, каким способом это понятие вводится в теорию. Ю.В. Бромлей представляет этнофор как «предел делимости этникоса, при котором в основном сохраняются его свойства» (Там же). И этот спо-

соб определения понятия создает иллюзию, что исходным целым является этникос, обладающий определенными свойствами (как целое!), и что членя его на единицы, мы доходим до «этнической микроединицы» — этнофора. Однако в действительности это не так. У Ю.В. Бромлей этникос построен исключительно по аддитивному принципу, и этнофор не «сохраняет» свойства этникоса, а задает, определяет их.

Как было показано выше, этникос есть множество этнофоров (совокупность людей с определенными признаками) и не более того. При этом для того, чтобы иметь возможность говорить об этнофорах и этнических общностях, необходимо сначала определить «этнические признаки» («этнические свойства», «этническую информацию»). Затем — зафиксировать (выявить) по этим признакам соответствующих этнофоров. И только после этого определить те или иные множества (совокупности) этнофоров — «этнические общности».

Еще раз заметим, что если бы этническая общность (в частности, этникос) выступала (задавалась) как системная целостность (в частности, «организм»), мы не имели бы права считать этнофора «этнической микроединицей», «пределом делимости», ибо системная целостность не есть аддитивная целостность.

3. Имея этнофора в качестве единственного (!) элемента своего конструктора, Ю.В. Бромлей начинает собирать разные «общности». При этом в качестве основной этнической общности он выбирает множество всех этнофоров определенного вида (одной «этнической принадлежности»). Это множество он именуется «этникосом», или «собственно этносом», или «этносом в узком значении термина»¹⁰.

Очевидно, что «объем» этникоса непосредственным образом зависит от изначально заданного комплекса этнодифференцирующих признаков.

В концепции Ю.В. Бромлей «специфически этническими» считаются свойства, которые сохраняются «при любых перемещениях представителей того или иного этноса» (Бромлей, 1973, с. 37), т.е. свойства, для которых «нет границ»¹¹.

¹⁰ Заметим здесь, что трактовка этникоса как «этноса в узком значении термина» представляется нам весьма неудачной, поскольку понятие этникоса реально имеет самый широкий «объем»: в этникос входят все без исключения этнофоры (данного вида). Кроме того, введение термина «этникос» делает ненужным и, более того, неосмысленным, употребление рядом с ним слова «этнос». Однако Ю.В. Бромлей с завидным упорством продолжает эксплуатировать эту «пару» в самых разнообразных сочетаниях (например, в пределах одного абзаца (Бромлей, 1973, с. 41-42) встречаются выражения: «этникос (этнос в узком значении слова)», «собственно этнос (этникос)», «один и тот же этнос (этникос)»).

¹¹ «При этом имеются в виду прежде всего те свойства человека, которые определяют его этническую принадлежность независимо от территории проживания <...> Это и есть этническое в собственном, узком значении слова, т.е. этническое как таковое (или этникосное). Главным образом именно от него зависит, как правило, этническая идентификация человека» (Бромлей, 1987, с. 18).

Эта исходная интенция на максимальное обобщение и на стабильность, естественно, увеличивает, расширяет «объем» этникоса, но тем самым максимально упрощает комплекс этнодифференцирующих признаков, сужает «объем» специфически этнического.

4. Этникос не имеет определенных пространственных границ в том смысле, что составляющие его этнофоры принадлежат множеству всех жителей Земли (и могут проживать в любой точке ойкумены).

Но можно выделять и другие множества (совокупности) этнофоров, обитающих в любых заданных границах. Эти множества по отношению к этникосу выступают как его подмножества. Они всегда являются его частью и представляют собой чистые «этнопопуляции». Это правило справедливо для любых образований, рассматриваемых в рамках концепции, независимо от того, называются ли они «этническими» или «этносоциальными» общностями (образованиями)¹².

5. Очевидно, что этнофоры, составляющие некоторое подмножество, могут иметь и другие общие признаки, помимо тех, которые определяют их этническую принадлежность. Но каковы бы ни были эти признаки, они, по определению, не могут быть отнесены к этническим. «Этническое» в концепции всегда тождественно «этникосному».

Ответ на вопрос о том, охватывают ли этникосы все человечество (т.е. представляют ли они «явление панойкуменное» (Бромлей, 1983, с. 59)), или, в другой формулировке, делится ли человечество на этнические общества «без остатка» (Руденский, 1989, с. 29), зависит исключительно от того, как задан комплекс этнодифференцирующих признаков.

Так, очевидно, что в предельном случае, когда в качестве единственного этнодифференцирующего признака выступает «самоидентификация», человечество делится на этникосы без остатка. Если же изначально задан сложный комплекс этнодифференцирующих признаков, появятся маргиналы и возможность обсуждать проблемы этнической «дискретности» и «непрерывности».

6. Поскольку «этническое» (оно же «этникосное») не зависит от той «общности», в которую входит данный этнофор, оно «абсолютно».

Действительно, если в рамках разных социальных систем выделить совокупности этнофоров одного определенного вида, а затем проанализировать каждую из них на предмет обладания ее этнофорами «относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка) и психики, а также сознания своего единства и отличия от других таких же образований», то в общем случае мы можем получить (речь идет о логической возможности) разные комплексы «этнических» (этнодифференцирующих) признаков, хотя все они будут иметь общую составляющую — «этникосную».

¹² «Каждый этносоциальный организм (будь то племя, народ или нация) включает только лиц одной этнической принадлежности, только одного этноса» (Бромлей, 1983, с. 67).

Если условно назвать те «этнические особенности», которыми обладают этнофоры конкретной социальной системы, «относительной этнической спецификой» — в противоположность «абсолютной этнической специфике», — то тогда и только тогда появляется возможность классифицировать «общности» по «этническим параметрам». В концепции Ю.В. Бромлей эта возможность исключена¹³.

Итак, «абсолютность», а следовательно, и статичность (стабильность, консервативность) заложены как в исходном представлении об «этнически специфичном», так одновременно и в представлении об «этносоциальном»¹⁴.

7. Теперь рассмотрим процедуру *конструирования* так называемого этносоциального образования (любого, в том числе и «этносоциального организма»).

В качестве исходного объекта Ю.В. Бромлей берет некоторую социальную систему, обладающую политической и экономической самостоятельностью (автономией).

В этой сложнейшей целостности он выделяет один из самых очевидных ее элементов — «население» — и ограничивается в дальнейшем лишь его рассмотрением. Иными словами, он осуществляет переход от социальной системы к «населению» (прямая операция).

На следующем шаге из всего населения вычлняется некоторая чистая «этнопопуляция» (или «этнонаселение»), т.е. та часть, которая относится к конкретному этносоциуму и составляет его подмножество (этническая составляющая в данной социальной системе). Поскольку этнофоры, входящие в эту этнопопуляцию (подмножество), существуют в рамках социальной системы и связаны самыми разнообразными связями и отношениями, их можно промаркировать не только с помощью этнодифференцирующих признаков (этнических параметров), но и с помощью тех признаков, которые специфичны для рассматриваемой социальной системы, т.е. тех признаков, которыми обладает все население социальной системы независимо от этнической принадлежности.

Теперь, применяя свой стандартный прием конструирования «общности» как совокупности людей с одинаковыми признаками, Ю.В. Бромлей получает уже «общность» людей, характеризуемую не чисто этническими, а «этносоциальными» параметрами¹⁵.

¹³ Весьма характерным в этом отношении является спор Ю.В. Бромлей с И.П. Циммерманом (Бромлей, 1983, с. 59-61) по поводу украинцев СССР и Канады.

¹⁴ Лишь простой тавтологией является утверждение «Именно этой относительной консервативностью, а также определенной самостоятельностью этнических свойств и обусловлена возможность сохранения одного и того же по своим этническим параметрам этносоциума на протяжении нескольких социально-экономических формаций» (Бромлей, 1973, с. 40).

¹⁵ «Такого рода образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью» (Бромлей, 1983, с. 63).

Последний шаг процедуры состоит в обратном переходе — от «населения» к социальной системе (обратная операция). Но поскольку в качестве населения выступает теперь этнонаселение (этнопопуляция), то в результате этого перехода получается уже не социальная система, а как бы «этносоциальная система».

8. И вот эта как бы «этносоциальная система» («этносоциальное образование», «этносоциальный организм») наделяется статусом реальной социальной системы, а именно: ей приписывается социально-экономическая целостность¹⁶.

9. Таким образом, можно зафиксировать, что представления Ю.В. Бромлей об «этносоциальных общностях» несостоятельны по крайней мере по двум основаниям:

1) прямая операция не соответствует обратной в категориальном плане: «анализируется» структурное целое, а «синтезируется» простое множество;

2) игнорируется роль «иноэтнических вкраплений» в исходной социальной системе¹⁷ и «синтез» осуществляется из заведомо неполного набора элементов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. 1970. №8. С. 48-54.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. — 282 с.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. — 412 с.
- Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. — 334 с.
- Руденский Н.Е. Теория этноса и белые пятна на этнической карте // Расы и народы. Вып. 19. 1989. с. 29-32.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. №1. С. 5-20.
- Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. №5. С. 7-18.

¹⁶ «... основными компонентами ЭСО, несомненно, являются, с одной стороны, этнические, с другой — социально-экономические факторы. Следовательно, каждый этносоциальный организм включает ту часть соответствующего этнического, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определенную социально-экономическую целостность» (Бромлей, 1983, с. 63).

¹⁷ Как уже отмечалось, это приводит, в частности, к совершенно абсурдным представлениям о том, что «ЭСО (т.е. социально-экономическая целостность. — Л.Щ., А.П.) каждого рабовладельческого общества охватывает преимущественно свободное население, оставляя за своими пределами значительную часть непосредственных производителей — рабов» (Бромлей, 1970, с. 51)

Содержание

От редакторов-составителей.....	5
К созданию базы данных "Народы России": концепция, рубрикатор, вопросник	9
<i>А.А. Пископел</i> Конфликт: социокультурное явление и научное понятие	40
<i>А.А. Пископел, Л.П. Щедровицкий</i> Слова, слова, слова... ..	53
<i>В.Р. Рокитянский</i> Чего ждать от постмодернистской этнографии?	73
<i>С.В. Соколовский</i> Этническое насилие: структуры теоретического дискурса	94
<i>Л.П. Щедровицкий, А.А. Пископел</i> Парадоксы и курьезы отечественной этнологической мысли (часть 1)	113

Contents

Editors' Foreword.....	5
Date Base «The Peoples of Russia»: concept, inventory, questionnaire.....	9
<i>A.A. Piskoppel</i> Conflict: a socio-cultural phenomenon and a scientific concept.....	40
<i>A.A. Piskoppel and L.P. Schedrovitsky.</i> Words, words, words.....	53
<i>V.R. Rokitiatsky</i> What are we to expect of the post-modern ethnography?.....	73
<i>S.V. Sokolovsky</i> Ethnic violence: structures of theoretical discourse.....	94
<i>L.P. Schedrovitsky and A.A. Piskoppel</i> Paradoxes and curiosities of our ethnological thought.....	113

0. 21. (вернуть)